

П А Н О Р А М А

Научные труды
Факультета международных отношений
Воронежского государственного университета

Том XXI

P A N O R A M A

Academic Annals
Faculty of International Relations
Voronezh State University

Vol. XXI

ISSN 2226-5341

ПАНОРАМА

**Научные труды
Факультета международных отношений
Воронежского государственного университета**

Том XXI

ISSN 2226-5341

Панорама
2015, Том XXI

Учредитель:
Факультет международных отношений
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
(Воронеж, Россия)

Издание основано с 2005 году. С 2005 по 2010 год выходило как «Панорама. Ежегодник по итогам научной сессии Факультета международных отношений Воронежского государственного университета». С 2011 года выходит как периодическое издание. Периодичность: два номера в год (2011 – 2012), с 2013 года – три номера. С 2015 года издается под названием «Панорама. Научные труды Факультета международных отношений Воронежского государственного университета». К 2015 году издано 16 выпусков / номеров издания. Издания, подготовленные к печати в 2015 году, продолжают нумерацию предшествующих выпусков в латинской нумерации.

Редакционная коллегия:

д-р экон. н. О.Н. Беленов

проректор по экономике и международному сотрудничеству ФГБОУ ВО «ВГУ»; профессор, декан Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.э.н. А.И. Лылов

доцент Кафедры международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

д-р экон. н. П.А. Канапухин

декан Экономического факультета, ФГБОУ ВО «ВГУ»; заведующий Кафедрой маркетинга Экономического факультета ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.и.н. В.Н. Морозова

заместитель декана по учебной работе, доцент Кафедры международных отношений и мировой политики ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.э.н. Е.В. Ендовицкая

заведующая Кафедрой международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

д-р полит. н. А.А. Слинько

профессор, заведующий Кафедрой международных отношений и мировой политики Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

д-р ист. н. М.В. Курчанов

отв. ред.; заместитель декана по научно-исследовательской работе, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.э.н. Е.П. Цебекова

заместитель декана по воспитательной и социальной работе, доцент Кафедры международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.г.н. И.В. Комов

преподаватель Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

д-р экон. н. А.И. Удовиченко

профессор, заведующий Кафедрой регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

Адрес редакции: 394000, Россия, Воронеж, Московский пр-т 88, Воронежский Государственный Университет, Факультет международных отношений, Корпус № 8, Ауд. 22

Рукописи предоставляются в редакцию в электронном виде на диске или по электронной почте. При этом необходимо сообщить: ФИО, место работы, ученую степень и звание, контактные данные (номер телефона и адрес электронной почты). Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за содержание текстов и аутентичность цитат несут Авторы. Редакция осуществляет необходимое стилистическое редактирование и техническое форматирование с целью унификации полученных материалов. Мнение членов Редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.

ISSN 2226-5341

© Воронежский государственный университет, 2015

© Составление, ФМО ВГУ, 2015

© Авторы, 2015

Содержание

Проблемы политической истории зарубежных стран и истории международных отношений	
<i>Е.В. Бадалова</i> , Политическая деятельность Фридриха Эберта в 1913 – 1919 гг.	5
<i>С.Н. Коротун</i> , Изменения в общественных настроениях Российской Империи 1915 г.	14
<i>А.М. Ипатов</i> , Отношения России с Англией и Францией при Временном правительстве	23
Проблемы защиты и нарушений прав человека: история и современность	
<i>Л.Е. Мелкумян</i> , Сострадание под страхом смерти (период геноцида армян)	36
<i>Е.В. Бадалова</i> , Геноцид как преступление против мира и безопасности человечества	40
<i>А.В. Погорельский</i> , История становления и деятельности неправительственной организации «Human Rights Watch»	49
Экономика и политика в современном мире: знания, власть, управление	
<i>И.В. Ищенко</i> , Применение системы менеджмента и качества при повышении конкурентоспособности региональных предприятий	72
<i>М.В. Кузьменкова</i> , Проблема конвертации полученных знаний в практическую деятельность	77
<i>З.Ю. Надточий</i> , Пространство власти России: история и современность	81
<i>В.И. Сальников</i> , Проблемы геополитического выбора Украины	94
Проблемы развития современной экономики: стабильность и трансформации	
<i>М.В. Кирчанов</i> , Зарубежный опыт экономических реформ в бразильско-российском контексте	101
<i>И.В. Ищенко</i> , Принципы повышения конкурентоспособности региональных экономических систем	108
<i>М.В. Кузьменкова</i> , Основные модели культуры немецких предприятий и их влияние на развитие экономики ФРГ	114

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е.В. Бадалова

Политическая деятельность Фридриха Эберта в 1913 – 1919 гг.

Статья посвящена деятельности представителя социал-демократической партии Германии (СДПГ) Фридриха Эберта в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: Эберт, социал-демократическая партия Германии (СДПГ), Германия, Первая мировая война

Article is devoted to activity of the representative of the Social Democratic Party of Germany (SPD) Friedrich Ebert in the First World War.

Keywords: Ebert, Social Democratic Party of Germany (SPD), Germany, The First World War

История Германии XX века содержит в себе немало спорных проблем. Одна из них – место и роль германских социал-демократов в политической системе страны в ее переломные этапы. Проблема развития германского социал-демократического движения в XX веке, достижений и стратегических просчетов социал-демократов, наконец, доли ответственности социал-демократии за приход фашистов к власти уже долгое время является ареной, на которой скрестило свои копыта не одно поколение историков.

Еще больше нуждается в исследовании и переосмыслении деятельность тех представителей социал-демократии, которые не будучи теоретиками и не оставив после себя глубоких теоретических трудов, внесли большой вклад в становление и развитие самого социал-демократического движения и немецкого государства.

В 1913 году преемником А.Бебеля на посту председателя социал-демократической партии Германии 433 голосами из 473 был избран Фридрих Эберт. Как член правления и председатель партии он постоянно пытался приглушить внутривнутрипартийную борьбу и одновременно продолжить начатую Бебелем традицию: отделить представления о конечной цели от актуальной повседневной работы и применяемой политической тактики [9, S.291-296; 4, S.166-174]. Ф.Шейдеман с воодушевлением писал о «добром товариществе друзей и соратников в партийном руководстве», которое к тому времени уже «было полностью в руках Эберта» [14, S. 34-35]. Эберт

считал, что задачей председателя партии является объединение различных партийных течений и концентрация их на общей политической цели – улучшение условий жизни немецких рабочих и достижение их политического и социального равноправия. Осуществить возможное, с тем чтобы позже осуществить пока недостижимое, – на этой тактике он основывал свои действия.

Когда в 1919г. он от третьего лица набрасывал свою автобиографию для прессы, он заметил: «В округе Эльберфельд-Бармен... он представлял позицию социал-демократической фракции по важным вопросам, особенно во время войны...». Эберт поддерживал тесную связь с округом, ежегодно он выступал на собраниях избирателей с отчетными докладами о ходе парламентских сессий и своей депутатской деятельности [8, S. 48-49].

С 1912 года Эберт был депутатом рейхстага от округа Эльберфельд-Бармен, но, видимо, до 1914г. он официально представлял партию в рейхстаге только в области социальной политики и при обсуждении бюджета имперской почты и телеграфа [17.- Bd.284.- S.1097f.; Bd. 286.- S.2822-2824; Bd.288.- S.3750-3757; Bd. 293.- S. 7716-7720; Bd.294.- S. 8527-8529; Bd. 295.- S.9058f.]. Его выступления по этим весьма сухим вопросам свидетельствуют о высокой степени компетентности, о знании мельчайших подробностей. В то же время Эберт великолепно умел проводить связи между своей весьма специфической областью деятельности и социально-политическими условиями жизни в кайзеровской Германии. Правда, по сравнению, с другими представителями партии Эберт мало выступал в рейхстаге и до 1914г. ни разу не затронул самые важные, волнующие партию вопросы, такие как война на Балканах и проекты по обороне в 1912 и 1913гг.

29 июля 1914г. правление СДПГ решило направить Ф.Эберта и О.Брауна с партийной кассой в Швейцарию, чтобы в случае обострения внешнеполитической ситуации и наступления правительства на социал-демократов иметь возможность руководить работой партии из-за границы. Когда 4 августа Эберт вернулся в Берлин, социал-демократическая фракция рейхстага уже приняла решение об одобрении военных кредитов и состоялись переговоры с правительством по поводу отношения СДПГ к войне и военным кредитам. Таким образом, Эберт не влиял непосредственно на одобрение военных кредитов, но его позиция была однозначной, он заявил Шейдеману, что «согласен с большинством партии» [3, P. 430-438]. Запись в дневнике Эберта ясно говорит о том, что он был за поддержку военных кредитов, также можно заметить и то, что ему, как и многим его товарищам, апелляция правительства в час национальной опасности к гонимой и «ненациональной» партии доставила большое

удовлетворение. Отказ от сотрудничества с правительством в час опасности для родины повлек бы за собой для Эберта крайне низкую самооценку как политика. То, что он одобрял проводимую фракцией политику, также следует из его позиции на заседании партийного комитета 2 декабря 1914г, где он высказался за одобрение новых военных кредитов [12, S. 78-80; 7, S.9-14].

Постепенно в среде германской социал-демократии обострились противоречия. Левое меньшинство фракции в рейхстаге во главе с К.Либкнехтом выступало против продолжения войны и предпринимало самостоятельные шаги вопреки официальной позиции фракции. Эберт последовательно настаивал на соблюдении фракционной дисциплины, хотя и был готов идти на некоторые уступки сторонниками Либкнехта ради сохранения единства партии [7, S. 26-34]. 21 декабря 1915г. во время обсуждения в рейхстаге вопроса о военных кредитах фракция раскололась. Эберт от имени большинства одобрил военные кредиты, в то время как Ф.Гейер от имени двадцати членов фракции заявил, что выступая за мир и прекращение захватнической войны, он и его товарищи отклоняют военные кредиты [17, Bd. 306.- S. 506-508].

На заседании партийного пленума 8 января 1916г. Эберт и его сторонники осудили сепаратное выступление меньшинства, квалифицировав его «как самое прискорбное нарушение дисциплины». «Отказ от дисциплины и взаимного доверия приводит к развалу партии и разрушению ее организационных основ, – заявил он в 1916г. – Это крайне опасно для партии. Подобным проискам следует положить конец!» [8, S. 34-35.].

После отставки Г.Гаазе с поста председателя фракции СДПГ в рейхстаге, 11 января 1916г. Эберт был избран наравне с Шейдеманом ее председателем и, таким образом, получил председательство в третьем решающем органе партии [7, Bd. II.- S.152f.]. Как председатель партийного правления, партийного комитета и фракции в рейхстаге, он отныне держал в своих руках все нити правления в партии.

Четыре месяца спустя после раскола фракции рейхстага Эберт выразил свою огромную озабоченность внутривнутрипартийным развитием: «Мы видим разрушение и ослабление партии... Способность партии к деятельности полностью парализована, вся наша сила изнуряется во внутренних схватках». Чтобы выйти из этого состояния, необходимо созвать съезд партии, считал Эберт, так как интересы партии требуют, чтобы «партийное руководство, которое представляется по всей стране как сборище... преступников и предателей партии, наконец, получило бы возможность рассчитаться с этой травлей перед представителями всей

партии». Пытаясь поддержать единство партии, Эберт в сотрудничестве с Шейдеманом и Молькенбуром выступал против исключения из фракции меньшинства [7, S. 134]. По этому вопросу он неоднократно подвергался упрекам правого крыла [7, S. 148].

Таким образом, в большинстве споров Эберт занимал центристскую позицию. Все же, когда в марте 1916г. меньшинство фракции, возглавляемое Г.Гаазе, открыто взбунтовалось против постановлений фракции, Эберт решительно высказался за исключение меньшинства [7, S. 173-177]. Он упрекнул группу Гаазе в подрыве дисциплины и «абсолютно неслыханной беспечности», которая «настолько подавляет всякое чувство товарищества, что в истории трудно найти что-либо, что могло бы с ней сравниться» [7, S. 174].

Раскол фракции совсем не обязательно мог привести к расколу партии. Однако, ни возглавляемое Гаазе меньшинство, ни большинство партии под руководством Эберта уже не могли пойти на компромисс [12, S. 133-156]. Споры из-за «Форвертс», отказ меньшинства от уплаты членских взносов, создание им особых организаций внутри местных партийных союзов ясно говорили о факте раскола партии.

В апреле 1917г. противники военных кредитов основали Независимую социал-демократическую партию (НСДПГ). В обстановке всеобщего развала в сентябре 1917г. состоялась первая за годы войны конференция СДПГ, которая показала огромные потери в рядах партии и ее сторонников. Это признавал и Эберт. В своем выступлении на конференции он с горечью говорил, что о единой партии говорить больше не приходится. Он заявил, что, несмотря на это социал-демократическая фракция рейхстага намерена и в дальнейшем выступать «со всей решительностью, отстаивая экономические интересы и политические права немецкого рабочего класса и немецкого народа» [8, S.330-363].

На съезде СДПГ в октябре 1917г. в Вюрцбурге Эберт назвал «откол независимых» одной из основных причин сокращения партии. На требования о восстановлении партии Эберт заявил, что для этого нужно желание и противоположной стороны, у независимцев же имеется только «страсть к разрушению... Их тактика ведет к гибели рабочего класса, к путчизму». В своем докладе Эберт вновь пытался доказать, что Германия ведет национальную и освободительную войну. Он указывал на то, что все рабочие партии, за исключением итальянских социалистов, в большинстве своем поддерживали военные кредиты, ссылаясь на право национальной самозащиты. А посему немецкая социал-демократия сделала лишь то, что во всех других партиях считалось само собой разумеющимся. Более того, подчеркивал Эберт, СДПГ, в противоположность французским социалистам,

решительно выступала против аннексий и предпринимала в правительстве выступления в вопросе о заключении мира. А меньшинство партии «развязало братоубийственную борьбу, которая отбросила партию с ее твердого пути к власти, повергнув ее в полное бессилие» [17, Bd. 307.- S. 823].

Следует отметить, что оценка Эбертом положения в партии была слишком оптимистичной. Он вполне обоснованно указывал на ослабление внутривнутриполитических позиций партии из-за раскола, но о том, что она находилась на «твердом пути к власти», не могло быть и речи.

Политика «малой борьбы», направленная на то, чтобы вырвать у правительства и буржуазных партий конституционные, экономические и социально-политические преимущества для пролетариата, не увенчалась успехом [12, S. 240-275]. Благородные жесты со стороны правительства в августе 1914г. не были подкреплены конкретными действиями. Несмотря на непрерывные жертвы, которых требовала война от населения, правительство не желало признавать законодательное равноправие всех граждан. Бесчисленные обращения Эберта и его товарищей к руководству империи оставались напрасными. 7 июня 1917г. Эберт в рейхстаге заявил: «Война длится уже 22 месяца, и за такое долгое время можно было бы уже расчистить путь к переменам... мы требуем, чтобы народу, который находится в таком сильном напряжении, пошли навстречу в развитии права и свобод, а также в деле улучшения экономических и социальных отношений. То, что правительство пока не прикладывает к этому усилий, наводит нас на мысль об отклонении государственного бюджета» [17, Bd. 309.- S. 1967.].

3 июля 1917г. при обсуждении вопроса о новых военных кредитах Эберт, указывая на экономическое положение Германии, заявил, что силы страны на исходе. Народные массы разочарованы ходом войны. В переговорах о мире германское правительство должно взять за основу выдвинутую Россией формулу «мира без аннексий и контрибуций». Это, по его мнению, должно поддержать существующее в России стремление к миру и окажет благоприятное для Германии воздействие на западные державы. Но уже и этого было недостаточно, так как, с его точки зрения, «народ потерял доверие к правительству и его заявлениям. Откладывание реформы избирательного права до конца войны не выдерживает никакой критики. Для укрепления настроения народа нужна демократическая реформа теперь же» [17, Bd. 310.- 3791].

Бездействие правительства привело к формированию обозначившегося еще перед войной парламентского большинства в рейхстаге из СДПГ, Партии Центра, прогрессистов и левого крыла

национал-либералов. Под руководством социал-демократии партии создали «Межфракционный комитет» [2, S. 45-60]. Однако, инициатива партий рейхстага привела к тому, что правительство Бетман-Гольвега, которое больше не обладало парламентским большинством, пало, и Михаэлис, марионетка высшего армейского командования, был объявлен канцлером. Это, несомненно, означало серьезное усиление позиций высшего армейского руководства и дальнейшее обострение конфликта между большинством рейхстага и правительством.

В октябре 1917г. Михаэлиса сменил Гертлинг, который также не спешил с выполнением обещаний. Его правительство не проводило необходимых внутривнутриполитических реформ, в вопросе о мире оно взяло ответственность за насильственный мирный договор в Брест-Литовске.

За годы войны СДПГ значительно повысила свое политическое влияние. В рейхстаге образовалось новое большинство, ставшее прообразом будущей «Веймарской коалиции». НСДПГ, в свою очередь, отклоняла сотрудничество с ним, занимая левый фланг; справа стояли изолированные консервативные группировки. Такая расстановка политических сил означала начало нового этапа в развитии германской социал-демократии от статуса оппозиционной партии к положению правящей партии.

На заседании межфракционного комитета 12 сентября 1918г. СДПГ дала понять, что не намерена оказывать правительству Гертлинга даже косвенную поддержку. Эберт заявил: «Мы не видим возможности удерживать дальше события, если мы не придем к заключению гражданского мира...» [5, S.524]. «Удержать события» – было самым важным для Эберта в те недели. Его позиция была однозначной: не допустить революции. Когда был поставлен вопрос о формировании нового правительства, Эберт от имени СДПГ отказался войти в существующее правительство, указав на личную и политическую несостоятельность Гертлинга, и потребовал расширения парламентской базы правительства [5, S. 536ff.]. На заседании президиума фракции 22 и 23 сентября 1918г. были сформулированы условия, на которых социал-демократы соглашались участвовать в правительстве [7, S. 417f.]. Основными из них были требования мира и гражданских свобод. Эберт также подчеркнул политические последствия, которые могут возникнуть из-за отказа социал-демократов войти в правительство: «Если мы не желаем найти понимание с буржуазными партиями и правительством, то мы должны пустить обстоятельства на самотек, тогда мы возьмемся за революционную тактику.. и предоставим судьбу партии революции». Указывая на события в России, он добавил, что в «интересах пролетариата» не следует желать подобных процессов в

Германии, поэтому партия должна «броситься в брешь», попытаться осуществить свои требования и «связать их со спасением страны» [7, S. 438-442, 459-460].

После создания правительства М.Баденского Эберт публично заявил, что этот день является «поворотным пунктом в истории Германии. Он является днем рождения германской демократии... Это правительство – первое немецкое правительство, в котором участвуют социал-демократы, – должно стать правительством мира!» [7, S. 538].

В отличие от большей части правления партии и ее фракции в рейхстаге Эберт во время войны стал противником революционных преобразований [15, S.278ff.]. Для него в октябре 1918г. в принципе осуществилось многое из того, к чему он стремился. Его партия уже заняла соответствующее положение в системе политического управления страной, а значит, и получила возможность проводить преобразования, улучшающие положение рабочего класса. То обстоятельство, что она до поры до времени делила власть с другими буржуазными партиями его вполне устраивало, точно так же устраивал его и кайзер. Конечно, это были иллюзии, но Эберт воспринимал это именно так. Необходимость, по крайней мере, временного сохранения монархии, с его точки зрения, обуславливало и то обстоятельство, что СДПГ, единственная политическая партия империи, которая выступала за республиканское устройство, на последних предвоенных выборах стала гораздо более сильной партией, но не партией большинства.

Поэтому еще 6 ноября, когда стихийное революционное движение уже сотрясало Германию, Эберт предложил генерал-лейтенанту Гренеру в случае отречения кайзера и кронпринца выступить за сохранение парламентской монархии в качестве регента для несовершеннолетнего сына кронпринца. Обращаясь к Гренеру, Эберт сказал: «Я настоятельно советую Вам... использовать еще раз последнюю возможность для спасения монархии и сейчас же ускорить провозглашение одного из принцев регентом» [6, S.559-562; См. также: 1, S.592].

Когда же Гренер отказался взять на себя ответственность за этот шаг, отклонив предложение как «совершенно не подлежащее обсуждению». Эберт сказал ему: «Тогда пусть события развиваются своим путем. Отныне наши пути расходятся. Кто знает, встретимся ли мы еще когда-нибудь» [6, S. 561]. Ответ Эберта нельзя трактовать двояко. Смысл его без сомнения ясен: неспособность социал-демократов дальше удерживать массы. Спустя несколько дней генерал Гренер высказывался по поводу этой беседы так: «Я признаю себя абсолютно виновным в том, что в этот день не пошел на предложение Эберта и не сказал тотчас: господин Эберт,.. мы идем вместе.

Может, было бы еще возможно спасти монархию» [11, S. 572]. Уже после отказа Гренера вопрос о регентстве обсуждался с Максом Баденским. Эберт заявил, что его партия поддержит такое решение [1, S. 592].

Под руководством Эберта партийное правление и президиум фракции СДПГ в рейхстаге сформулировали в ультимативном тоне условия, на которых социал-демократы соглашались участвовать в правительстве [16, S.422] и таким образом встали во главе движения, которое требовало отставки кайзера. 6 ноября Эберт, Гренер и некоторые члены СДПГ направили в имперскую канцелярию требование отречения кайзера, считая его совершенно необходимым для спасения монархии и сдерживания революционных стремлений народа.

Оценивая ультиматум СДПГ, Эберт сказал: «Теперь не время отыскивать виновников всеобщего разгрома. Мнение народа делает виновником кайзера. Верно это или неверно, не имеет решительно никакого значения. Главным является то, что народ желает видеть предполагаемых виновников удаленными с их постов. Вследствие этого необходимо отречение кайзера, если этим еще можно воспрепятствовать переходу масс в лагерь революции» [6, S. 562].

Следует отметить, что этот ультиматум еще сохранял шансы для коалиции буржуазных партий и рейхсканцлера. Они могли объединиться с СДПГ и, поддерживая ее требования, спасти свои программные требования (по крайней мере частично), особенно – одно из основных – монархическую форму правления. Но ни рейхсканцлер, ни партии [1, S. 597ff.; 6, S.574-581, 589-601], входившие в коалицию с СДПГ, не обладали необходимым мужеством, осознанием своей ответственности перед народом, и, наконец, необходимой лояльностью по отношению к своему партнеру по коалиции, чтобы действовать в этом вопросе вместе с ним.

Да и Эберт больше не желал любой ценой сохранять коалицию на плаву. В разговорах с принцем Баденским, с членами правительства и в межфракционных обсуждениях он не оставлял сомнений в том, что претендует на руководящую роль [1, S. 605; 6, S. 589-601]. Эберт хотел поднять свой авторитет и авторитет СДПГ в среде рабочих, отвергая, революционное насилие. Однако, для осуществления этой цели было необходимо, чтобы и буржуазные партии пошли навстречу социал-демократам. С этой точки зрения, становится понятным многократно цитируемый и часто неверно интерпретируемый ответ Эберта на запрос Макса Баденского: в случае если последний убедит кайзера отречься, будет ли тогда Эберт на его стороне в борьбе с революцией. Эберт ответил на это: «Если кайзер не отречется, социальная революция станет

неизбежной. Но я не желаю ее, я ненавижу ее как смертный грех» [1, S. 599f.].

Ставший позднее рейхсканцлером Г.Мюллер полагал, что «убежденный марксист» Эберт не мог при слове «революция» не вспоминать о большевистской революции [10, S. 45-46]. Действительно, нет повода сомневаться в искренности Эберта. Разговоры о революции для него были лишь теорией. Для Германии революция, по его мнению, была излишней, так как, во-первых, уже имелась в наличии парламентская система и поэтому построение социализма могло быть осуществлено мирным путем. Во-вторых, революция была опасна, так как она увеличивала трудности, которые Германия и без того претерпевала при переходе от войны к миру.

Библиографический список

1. Baden M. von Erinnerungen und Dokumente / M.von Baden. – B., Stuttgart, Leipzig, 1927.
2. Bermbach U. Vorformen parlamentarischer Kabinettsbildung / U.Bermbach. – Köln, Opladen, 1967.-
3. Buse D. Ebert and the Coming of World War I; A month from his diary / D.Buse // International Review of Social History. 1968. – XIII. – P. 430-438.
4. Buse D. Friedrich Ebert and German Socialism 1871 to 1919 / D.Buse. –Ph.D. Dissertation University of Oregon, 1972. – 213 P.
5. Der Interfraktionelle Ausschuß 1917/18 / Bearb. von E. Matthias unter Mitwirkung von R.Morsey. – 2 Teile. – Düsseldorf, 1969.
6. Die Regierung des Prinzen Max von Baden / Bearb. von E.Mattias und R.Morsey. – Düsseldorf, 1962.
7. Die Reichstagsfraktion der deutschen Sozialdemokratie. 1898 bis 1918/ bearb. von E.Matthias und E.Pikart. – Düsseldorf, 1966.
8. Ebert F. Schriften, Aufzeichnungen, Reden / mit unveröffentlichten Erinnerungen aus dem Nachlass / F.Ebert. – Bd.1. – Dresden, 1926.
9. Fricke D. Die deutsche Arbeiterbewegung 1869 bis 1914. Ein Handbuch über ihre Organisation und Tätigkeit im Klassenkampf / D.Fricke. – B., 1976.
10. Friedrich Ebert und seine Zeit. Ein Gedenkwerk über den ersten Reichspräsidenten Friedrich Ebert. – Charlottenburg, (o.J.).
11. Groener W. Lebenserinnerungen. Jugend, Generalstab, Weltkrieg / W.Groner. – Göttingen, 1957.
12. Miller S. Burgfrieden und Klassenkampf. Die deutsche Sozialdemokratie im Ersten Weltkrieg / S.Miller. – Düsseldorf, 1974.
13. Protokoll der Reichskonferenz der Sozialdemokratie Deutschlands von 21., 22. und 23. September 1916 / Hrsg. von der Vorstand der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. – Bonn, 1973.
14. Scheidemann Ph. Memoiren eines Sozialdemokraten / Ph.Scheidemann. – Bd.1. – Dresden, 1928.
15. Scheidemann Ph. Memoiren eines Sozialdemokraten / Ph.Scheidemann. – Bd.2. – Dresden, 1928.
16. Schulthess' Europäischer Geschichtskalender. – 1918. – № 1.
17. Verhandlungen des Reichstags. Stenographische Berichte und Anlage. – Berlin, o.J.

Изменения в общественных настроениях Российской Империи 1915 г.

В статье рассматривается процесс изменений в общественных настроениях России на протяжении 1915 г.

Ключевые слова: первая мировая война, Российская империя, общественные настроения

In article the process of changes of community spirits of Russia in 1915 is considered.

Key words: Word War I, Russian Empire, community spirits

Отделенный от современности столетием, 1915 год стал для России первым полным годом участия в мировой войне. Он подобно лакмусовой бумажке выявил все болевые точки Российской Империи. Особенно яркими и разительными были перемены, происходившие в сфере общественных настроений. В отечественной историографии существует множество взглядов на проблему российского общества в 1915 г., но при этом все современники и последующие исследователи данного вопроса сходятся в том, что в течение года социальная ситуация изменилась кардинально.

Первые месяцы войны А.Ф. Керенский назвал «годом патриотического молчания»[1], и данный эпитет достаточно точно передаёт общественные настроения до весны 1915 г. Социальная активность масс оставалась крайне незначительной. В частности, эти месяцы отличались самым низким числом забастовок за последние пять лет[2]. В советской историографии данное явление объяснялось активизацией репрессивной политики; мобилизацией в армию наиболее активных рабочих; волной арестов. Сегодня в их число включены: чувство товарищеской солидарности; общественное осуждение стачек во время войны за несвоевременность[3].

Определённым показателем активности рабочих стала их реакция на события февраля 1915, когда в Петроград прибыли «пораженческие» тезисы В.И. Ленина. Для их обсуждения был собран ЦК ВКП (б). Впоследствии это стало поводом для ареста входивших в него пяти депутатов Госдумы, осуждённых и сосланных в Сибирь 14 февраля. Рабочие на это не прореагировали.

Достаточно спокойно в начале 1915 года было и в деревне, чему способствовали хороший урожай, уход в армию активной части населения и выгодный для производителя рост цен на продукты питания.

В либеральных кругах так же господствовали оптимистические настроения. Посол Французской республики в России М. Палеолог так описывает открытие заседаний Госдумы в феврале 1915 г.: «Заседания

проходят на высоком эмоциональном подъёме. Громом аплодисментов встретили выступление председателя правительства Горемыкина. Яркие речи читали Сазонов и Кривошеин»[4].

Однако уже в это время существовал круг скептиков, оценивающих положение России не столь радужно. Одним из ярких представителей данного направления являлся бывший председатель совета министров С.Ю. Витте, считавший необходимым заключение скорейшего мира с Германией: «Русская армия уже не та, что была раньше, воодушевления нет, нет веры в победу. Повсюду заметно утомление... Нас ожидает долгое ослабление, полное истощение народа и, очень вероятно, смута. Население не желало войны, а теперь её проклинает. Она слишком тяжела, и теперь считается ненужной»[5].

С апреля 1915г. у русской армии началась длительная полоса неудач, она была вынуждена оставить Перемышль и Львов, затем входившую в состав России часть Польши, а летом «великое отступление» докатилось до Литвы и Западной Белоруссии. Ежемесячно с мая по август российская армия теряла по полмиллиона солдат. Крушение надежд на быстрое окончание войны и превращение её в затяжной и изнурительный процесс безжалостного перемалывания человеческих и материальных ресурсов создали в России новую ситуацию, при которой на первый план вышли социально-экономические проблемы.

Поражения на фронте повлекли за собой все соответствующие явления в тылу. Массовое отступление стало причиной крупномасштабной эвакуации, проведение которой осложнялось мало продуманной этнической политикой: из прифронтовых областей выселяли евреев и этнических немцев. В сочетании с напряжением в системе снабжения армии эвакуация стала тяжёлым ударом для слабой транспортной системы России. Страну заполнили миллионы беженцев, которые, оказавшись в чужих местах, усиливали безработицу, кризисы снабжения, транспорта, медобслуживания. Это привело к тому, что отношения беженцев и коренного населения ухудшались, так как последние усматривали в них причину своих бед [6].

Следующей проблемой стал вопрос о военных призывах: при огромных потерях, которые несла русская армия, требовалось мобилизовать миллионы новых новобранцев, ресурс которых постепенно истощался. Страна встала перед необходимостью призыва ополченцев второго разряда, ещё недавно считавших себя свободными от призыва. Такая перспектива воспринималась населением крайне отрицательно[7].

Через поражения повлекла за собой стремление населения разобраться в причинах происходящего. Первой вполне естественной

реакцией стала шпиономания, поиск предателей в высших эшелонах власти. Это явление имело место с самого начала войны, но необычайный размах приобрело с весны 1915 года. Прологом стало нашумевшее дело полковника Мясоедова. С.Н. Мясоедов был арестован в феврале 1915 года по обвинению в измене. На процессе не удалось доказать виновность Мясоедова ни по одному пункту обвинения, кроме коррупции. В чем он сознался сам, сказав что этим в России занимаются все. Но был признан судом виновным и казнён [8]. Натянутость обвинений была понятна уже современникам и оценивалась как самозащита от обвинений властей в укрывательстве шпионов. Эффект от процесса был плачевным, он ещё больше подорвал престиж государственной власти.

Патриотизм первых месяцев 1915 года сменился усталостью, разочарованием, пораженчеством. Шпиономания, рост числа беженцев, поражения обусловили шовинистический характер первых крупных народных выступлений 1915 года.

26 – 29 мая 1915 года в Москве произошли массовые беспорядки. Погром разгорелся в самом центре и носил ярко выраженный антинемецкий характер. Громилась фабрики, магазины, склады, квартиры, принадлежавшие этническим немцам, а порою и просто жителям столицы, носящим иностранную фамилию [9]. 28 мая движение перешагнуло городскую черту. События получили широкую огласку, пострадало немало иностранцев. Настроения против внутренних немцев были сильны и в других регионах. Губернаторы Харьковской и Самарской губерний, ГЖУ Твери, Киева, Архангельска, Владивостока слали тревожные сообщения о антинемецких настроениях среди населения [10]. Отношение к немецкому населению в Воронежской губернии в целом, от общероссийского, не отличалось [11].

Майские погромы, по мнению большинства историков, происходили при потворстве властей, стремившихся направить недовольство масс в управляемое русло. Однако этнические противоречия стали приобретать столь значительные размеры, что к июню, МВД вынуждено было указать ГЖУ на необходимость обратить особое внимание на данную проблему [12].

На фоне крупных сражений на Восточном фронте, на Западном 1915 стал годом затишья, союзники мало чем облегчили судьбу русских армий. Это привело к ухудшению представления о союзниках у российского населения. Исчезает жертвенность и доверительность в отношении к ним. В обществе возникла популярная формула: Англия и Франция решили воевать до последнего русского солдата. Генерал Нокс, характеризуя отношение к союзникам в России, передаёт следующие слова генерал квартирмейстера Лебедева, относящегося с презрением к английским и

французским войскам, которые «месяц за месяцем, точно кролики, сидят в своих норах, оставляя России всю тяжесть войны»[13].

Летом 1915 г. внутриполитическая обстановка в стране продолжала накаляться. После довольно продолжительного затишья поползла вверх кривая забастовочного движения. По далеко не полным официальным данным, в мае бастовало уже 59 тыс., а в июне - 80 тыс. рабочих. Большинство бастующих приходилось на текстильщиков, зарплата которых все больше отставала от быстро растущих цен на товары первой необходимости. По мере активизации деятельности революционных партий забастовщики стали выдвигать и политические требования. В январе 1915 года в Петрограде и Риге рабочие отметили стачками 10-ю годовщину «Кровавого воскресенья», в мае в Петроградской, Самарской, Саратовской, Тверской, Харьковской губерниях и Донской области были отмечены случаи прекращения работ в связи с празднованием 1 мая. В Костроме 18 июня полиция расстреляла рабочих, добивавшихся освобождения арестованных за участие в забастовке товарищей. 12 человек были убиты и 45 ранены. Ответом на это стала первая в период войны политическая стачка текстильщиков Костромы[14].

12 апреля 1915 г. Департамент полиции констатировал ухудшение «продовольственного положения и происхождение выступлений на этой почве»[15]. К лету подобные явления, до того времени крайне редкие, стали неотъемлемой частью жизни России. Выступления возникают как среди рабочих, из-за нехватки продуктов питания, так и в деревне по причине удорожания или полного отсутствия товаров быта[16]. К осени 1915 Россия вышла на первое место в мире по стачкам – 1,3 млн. бастующих (на втором месте Англия 448 тысяч).

Однако при рассмотрении рабочего движения следует признать, что, несмотря на политические действия (арест депутатов-большевиков, расстрелы в Костроме и Иваново-Вознесенском), на активную деятельность либеральных кругов общества, стачки в большинстве случаев (75%) носили экономический характер[17]. Эти и другие недостатки с сожалением отмечали и лидеры социал-демократического движения: «Сдвиг по сравнению с маем громадный, однако необходимо обратить внимание на то, что постоянные призывы и состояние на положении военнообязанных отнимают надёжные элементы... Настроение в общем революционное возникает не на недовольстве плохой организацией дела, а на почве растущих бедствий и разорения. Недовольство широких масс выражается в целом ряде забастовок, но ни забастовки в Москве, ни в губерниях не выдвигают политических требований»[18].

К вышеперечисленным причинам роста забастовок можно добавить более низкую степень единения в обществе, выделенную С.В. Тютюкиным. Если в Англии, где производство военной продукции облагалось налогом на прибыль в 80%, новые богачи мозолили глаза, то в России с её ставками налогов раздражение было куда большим[19]; рост зарплаты рабочих сильно отставал от роста цен на предметы первой необходимости.

Совершенно иные, по сравнению с зимой 1915 настроения господствовали в либеральных кругах общества. 1 августа начались заседания Государственной Думы. Воспоминания оставленные о них М. Палеологом разительно отличаются от февральских: «Заседания возобновились в жаркой и тяжёлой атмосфере, предвещающей грозу. Лица источают электричество; господствующее выражение гнев или тоска... Горемыкин говорит тихим, умирающим голосом. ... Рукоплесканиями встречают лишь Поливанова»[20]. Год «патриотического молчания» закончился. Либералы обрушились с критикой на правительство: «Прения в Таврическом дворце разгораются всё ярче. Произносится непрерывный, беспощадный обвинительный акт. Все ошибки бюрократии изобличены, все пороки царизма выставлены на свет»[21].

К концу 1915 обстановка на фронте стабилизировалась, произошло успокоение и в тылу. Еще недавно очень активно наступавший на власть, требовавший ответственного правительства либеральный лагерь на время уходит в тень. Данный период характеризуется усилением правой реакции, гонениями на оппозицию. Для неё наступает период апатии, застоя, растерянности [22].

Наряду с активизацией рабочего и либерального движения необходимо отметить и усиление организаций противоположного лагеря. Представители правомонархических течений с тревогой смотрели на изменение политического баланса сил: «В противостояние этому движению правые партии и монархические организации тоже начали проявлять свою деятельность, задавшись целью объединения и оказания поддержки правительству»[23]. Они выступали за необходимость укрепления режима, вплоть до создания диктатуры [24].

Отмечая удручающие результаты военных действий 1915 года, следует сказать, что потеря Польши и Галиции не привела к разгрому русской армии. Анализ германским командованием обстановки на фронте дал следующий вывод: дальнейшие наступательные действия невозможны, но если вслушиваться в голоса современников, то складывается впечатление, что Россия уже осенью 1915 года пережила полную катастрофу[25].

Н.Н. Головин указывает на то, что с удалением от фронта факты подвергались значительной деформации. Обстоятельства на фронте были далеко не безнадежными, терпимыми. Ставка достаточно спокойно принимала совершенно верные решения, в то время как в тылу возобладала истерия. В результате разложения с призывных пунктов прибывал уже готовый сдать элемент [26].

Действительно большинство современников давали далеко не радужную оценку происходящему. Глава военного ведомства А.А. Поливанов, выступая на совещании кабинета министров 16 июля, так оценивал обстановку: «Заметны всё более грозные признаки надвигающейся деморализации, случаются дезертирство и добровольная сдача в плен». 30 июля он рисует ещё более мрачную картину: «На театре войны беспросветно, деморализация, сдача в плен, дезертирство принимают всё более грандиозные размеры»[27]. В то же время Родзянко своими рассказами навел страшную панику в Государственной Думе[28]. М. Палеолог передаёт безрадостное настроение Гучкова: «Россия погибла, больше нет надежды»[29]. А.Я. Аврех приводит письма Л.А. Тихомирова и члена Государственного совета Е.Н. Трубецкого, в которых обсуждается возможность падения Москвы и даже капитуляции. «Теперь, кажется, – констатировал Тихомиров, – уже нет ни единого человека, верующего в возможность победы». Как считает Аврех, подобные настроения были всеобщими[30].

В полной апатии находился и весь состав кабинета министров. Их не устраивает ни отступление на германском фронте, ни наступление на Кавказе. По поводу последнего, государственный контролёр П.А. Харитонов высказался следующим образом: «А на Кавказе шествие вперед не прекращается. В самом деле, куда мы там, с позволения сказать, прём?»[31]

Показателем явного падения патриотического духа начала войны стало массовое уклонение от службы в действующей армии. Молодые люди из интеллигентных семей стремились попасть в так называемые «земгусары» – на полувоенную службу, в Союз Земств и городов[32]. Неуклонно растёт дезертирство, солдаты отправляясь домой в отпуски не возвращаются на фронт, усложняется проведение призывов в армию [33]. Министр внутренних дел Н.Б. Щербатов давал следующую оценку сложившейся обстановке: «Я должен отметить, что наборы с каждым разом проходят все хуже и хуже. Полиция не в силах справиться с массой уклоняющихся. Люди прячутся по лесам и в несжатом хлебе»[34].

Подобного рода настроения, по мнению современников, (например, Курлова П.Г., Головина Н.Н.) привели к разрушению государственного строя

и поражениям, несмотря на то, что, армия ещё обладала достаточным ресурсом прочности. По мнению Курлова, даже самые незначительные дефекты системы раздувались до невероятных размеров[35]. Н. Яковлев идёт ещё дальше, усматривая в тылу особый заговор масонов, специально создающих соответствующее общественное настроение. По его мнению, нет оснований, утверждать, что реальные возможности страны были подорваны, а будущее её тонуло в беспросветном мраке. Столь удручающая картина – просто легенда, родившаяся в тылу. Один из авторов легенды – генерал А. И. Деникин. В «Очерках русской смуты» он написал о днях, когда был начальником 4-й стрелковой дивизии: «Весна 1915 года останется у меня навсегда в памяти. Великая трагедия Русской Армии – отступление из Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Изюб в день кровавые бои, изюб в день тяжкие переходы, бесконечная усталость – физическая и моральная, то робкие надежды, то беспросветная жуть»[36].

Однако труднее найти воспоминания военных, в которых бы не описывались тяжесть, и ужас «Великого отступления», Деникин вовсе не одинок. Великий князь Андрей Владимирович ещё более пессимистично рассматривал происходящее: «отчаянье во многих армиях ужасное. При таком отступлении мы не только несём высокие потери, но и теряем тот нравственный элемент без которого вести войну нельзя (9 июля)»[37].

Военный цензор ставки верховного главнокомандования М.К. Лемке крайне скептически относился к моральному состоянию российской армии в 1915 году, указывал на грабежи и террор, чинимый армией, брожение и дезертирство[38]. Керенский и вовсе указывает на существование нескольких заговоров в армии с целью устранения царя[39].

Настроения солдат передает военный атташе Британии в России генерал А. Нокс: «Мы отступим до Урала, и армия преследователей сократится до одного немца и одного австрийца, австрийца, как заведено, возьмём в плен, а немца убьём»[40].

Видимо следует согласиться с мнением генерала Ю.Н. Данилова: «Нельзя говорить о том, где произошел надлом – отечественная война была войной всего единого организма, который оказался не готов к испытаниям.»[41]

В целом следует признать, что в общественных настроениях в течение года произошли большие изменения. «Священное единение» и патриотизм трансформировались в недоверие к власти, политическую апатию и пессимистические пораженческие настроения. Страну охватили забастовки, наблюдался рост напряженности в отношениях различных классов. Относительно стабильными настроениями были в деревне, но и там растет недовольство продолжающейся войной. В стране создалась опасная

ситуация: обладая достаточно мощным экономическим потенциалом, имея в своём распоряжении крупнейшую армию мира, справившись с военными поражениями и проблемами поставок Российская Империя стала перед проблемами огромного числа общественных и классовых противоречий и полного недоверия к власти.

Столь значимые изменения, произошедшие в течение лишь одного года, должны быть оценены так же как показатель ресурса прочности власти. Если первые крупные поражения привели к полному исчезновению священного единства народа и императора, о котором часто вспоминают Курлов П. Г., Сухомлинов В. А., Ольденбург С. С., то и последнее было весьма иллюзорно.

Библиографический список

1. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. – М.: Республика, 1993. – С.94
2. Стачное движение рабочих России в годы первой мировой войны. Материалы официальной статистики за август 1914 –январь 1917 гг. – М.: АНСССР, 1988. – С. 486
3. Тютюкин С. В. Первая мировая война и революционный процесс России/ Первая Мировая война: пролог XX века. – М.: Наука, 1998 – С. 242
4. Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны. – М.: Международные отношения, 1991. – С.159
5. Последний год из жизни Витте. По дневникам наружного наблюдения// Исторический архив. – 2004 - №5 – С. 27
6. Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году// Вопросы истории. – 2001. – №9. – С. 94 - 95
7. Данилов Ю. Н. На пути к крушению. – М.: Военное Изд-во, 1992 – С. 150
8. Сухомлинов В. А. Воспоминания, мемуары. – Минск: Харвест, 2005. – С.364 – 365
9. Гаталова Л Хроника бесчинств: немецкие погромы в Москве в 1915 году.// Родина. – 2004 – №10. – С. 18 – 20
10. Кирьянов Ю. И. Массовые беспорядки 1915 года в Москве // Вопросы истории. – 1994. – №12. – С. 137–150
11. ГАВО Ф. И.6. Оп. 2, Д. 453 Л 46, 84, 2 Д. 454 Л. 14 об, 84 – 86 об, Д. 457 Л. 55 – 55 об.
12. Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. – 2001. – №9. – С. 96
13. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М.: «Феникс», 1998. – С.557
14. Тютюкин С. В. Назревание общенационального кризиса // Мировые войны XX века. - Кн.1 Первая Мировая война. М.: Наука, 2002. – С. 372
15. Кирьянов Ю.И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914-1917гг.) //Отечественная история. – 1993. – №3. –С.3
16. Там же С. 3 – 10
17. Тютюкин С. В. Первая мировая война и революционный процесс России/ Первая Мировая война: пролог XX века. – М.: Наука, 1998. С. 244

18. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области Ф.290 Оп.2 Д.36. Л. 5
19. Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. – М.: Бородино-Е, 2003 – С. 34
20. Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны. – М.: Международные отношения, 1991. – С.195
21. Там же
22. Алексеева И. В. Агония Сердечного Соглашения: царизм, буржуазия и их союзники по Антанте – Л.: Лениздат, 1990. – С. 143
23. Государственный архив Воронежской области – Ф. 1, Оп. 1, Д. 1124. Л.5
24. Кирьянов Ю.И. Правые партии в 1911 – 1917 гг. М.: РОССПЭН, 2001.– С. 225
25. Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. - М.: Бородино-Е, 2003 – С.47
26. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. - М.: Кучково поле, 2001. – С.313
27. Там же
28. Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе (1906-1917) . – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – С. 137
29. Палеолог М. Царская Россия во время Мировой войны. – М.: Международные отношения, 1991. – С.197
30. Аврех А.Я. Распад Третьеиюньской системы. - М.: Наука, 1985 – С.35
31. Яхонтов А. Н. Тяжёлые дни (секретные заседания совета министров)/ (<http://ldn-knigi.lib.ru>)
32. Сироткин В. Г. Почему «слиняла» Россия. /В.Г. Сироткин - М.: Алгоритм, 2004. – С.122
33. ГАВО. – Ф. 1, Оп. 1, Д. 1101. Л 8 – 8об, Д 1510. Л. 3-3об.,7
34. Яхонтов А. Н. Тяжёлые дни (секретные заседания совета министров)/ (<http://ldn-knigi.lib.ru>)
35. Курлов П. Г. Гибель императорской России. – М.: Современник,1991. – С.210
36. Цит. по Яковлев Н. Н. 1 августа 1914г. – М.: Алгоритм, 2002 – С.217
37. Дневник бывшего великого князя Андрея Владимировича Л. –М.: Госиздат, 1925. – С.48
38. Лемке М.К. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916г.) – Петроград: Госиздат, 1920 – С.113
39. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте . – М.: Республика, 1993 – С. 103
40. Уткин А. И. Первая Мировая война. - М.: ЭКСМО, 2002. – С.225
41. Данилов Ю. Н. На пути к крушению. – М.: Военное Изд-во, 1992 – С.156

Отношения России с Англией и Францией при Временном правительстве

В статье исследуются взаимоотношения России с Англией и Францией при Временном правительстве. Предпринята попытка доказать, что члены Временного правительства рассчитывали на помощь союзников по Антанте, в то время как они пытались использовать новое российское руководство для достижения своих аннексионистских планов.

Ключевые слова: Временное правительство, Антанта, Первая мировая война, революция.

The article analyses Russia's relationship with Britain and France under the Provisional government. An attempt is made to prove that the members of the Provisional government counted on the Entente allies' help while they tried to use the new Russian direction to achieve their annexationist plans.

Key words: the Provisional government, the Entente, The First World War, revolution.

В драматичной российской истории XX века на протяжении нескольких месяцев функционировал уникальный государственный орган – Временное правительство, – который, несмотря на свое название, вполне мог бы стать постоянным органом власти, однако ход исторических событий повернул в очередной раз вектор развития России в другом направлении. Тем не менее, за короткий промежуток существования Временное правительство сумело оставить заметный след в отечественной истории, его политическое наследие настолько неоднозначно, что до сих пор является предметом острых научных дискуссий.

Несмотря на сложившееся в советские годы традиционное внимание именно к внутренней политике Временного правительства, что обусловлено его противостоянием с большевиками, пришедшими, позднее, в итоге, к власти, внешняя политика России с февраля по октябрь 1917 года, несомненно, не менее интересна и уж, безусловно, в ней больше неисследованных лакун и белых пятен, нежели в изучении внутренней политики этого периода. Учитывая возрастающий в последние десятилетия интерес к Первой мировой войне, в том числе и отказ от ее восприятия как второстепенной по сравнению со Второй мировой войной, неудивительным становится актуальность исследования внешней политики Временного правительства, которому во многом довелось предопределить позицию России в продолжающейся глобальной войне, первой в истории, вышедшей за рамки одного континента.

В образованном из Временного комитета Государственной Думы Временном правительстве пост министра иностранных дел достался известному историку, лидеру партии кадетов П. Н. Милюкову, который среди думских деятелей считался наибольшим специалистом по

международным отношениям. Любопытно, между прочим, слова, которые сказал однажды новоиспеченный министр в ответ на вопрос о том, кто избрал Временное правительство. Милюков заявил: «Нас никто не выбирал, ибо, если бы мы стали дожидаться народного избрания, мы не могли бы вырвать власть из рук врага. ...Нас выбрала русская революция» [1; с. 307]. Милюков был одним из самых последовательных критиков царского правительства, упустившего, по его мнению, ряд возможностей, чтобы досрочно закончить войну. Своим мнением о министре иностранных дел Временного правительства делился известный политик В. Д. Набоков: «Милюков вообще был несоизмерим с прочими своими товарищами по кабинету как умственная сила, как человек огромных, почти неисчерпаемых знаний и широкого ума... В Милюкове не было никогда ни тени мелочности, тщеславия, – вообще, личные его чувства и отношения в ничтожнейшей степени отражались на его политическом поведении; оно ими никогда не определялось» [2].

Между прочим, П. Н. Милюкову принадлежат следующие слова, сказанные им французскому дипломату М. Палеологу: «Мы называемся Временным правительством. Но под этим названием мы сосредоточиваем в своих руках все виды исполнительной власти, в том числе и верховную власть, мы, следовательно, не ответственны перед Думой» [3; с. 41].

Первой внешнеполитической акцией Временного правительства стала нота к союзным и нейтральным странам от 4 марта с просьбой о признании. Стоит отметить, что союзники не сразу признали новую власть в России, их беспокоила революционная ситуация в союзной державе, а также слухи о возможном выходе России из войны. Первыми среди союзников навстречу Милюкову сотоварищи пошли США, которые 9 марта юридически признали Временное правительство. После этого произошло признание со стороны остальных союзников и многих нейтральных держав. В целом лишь к 20-м числам марта была решена проблема преемственности прав и обязательств нового русского правительства.

По мнению авторов книги «История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века», намереваясь продолжать войну во имя империалистических целей, Временное правительство стремилось вместе с тем к внешнему обновлению и демократизации своей иностранной политики [4; с. 547].

Ликвидация царской монархии позволяла представлять в глазах общественности Антанту как союз демократических государств, сражающихся против реакционных монархий Германии и Австро-Венгрии. С другой стороны, можно было плодотворнее использовать в своей внешней политике «принцип национальностей», к примеру, в вопросе о даровании

автономии полякам. Более того, 20 марта была восстановлена автономия Финляндии.

Безусловно, для членов Временного правительства во внешней политике предметом первой необходимости было сохранение плодотворных и тесных взаимоотношений с союзными державами, в первую очередь с Англией и Францией, а также с набиравшей силу на Дальнем Востоке Японией, от которой Россия 12 лет назад потерпела поражение. Сближение с Соединенными Штатами давало надежду на финансовую поддержку со стороны североамериканской демократии, причем Милюков называл это сближение едва ли не главным своим достижением. Однако союзники выступили с официальным признанием кабинета князя Г. Е. Львова, лишь удостоверившись в решимости Временного правительства продолжать проантантовский курс прежней власти. Об истинном отношении союзников к Временному правительству рассуждал в своих мемуарах А. Ф. Керенский: «Большинство дипломатов союзнических стран критически, а порой и враждебно относились к Временному правительству. Нас обвиняли в слабости, бесхребетности, нерешительности и во многих других грехах» [5; с. 371].

Один из современников описываемых событий, К. М. Оберучев, близкий к социалистическим кругам высказал свою точку зрения на историческое значение Временного правительства. Он писал: «Приняв на себя тяжёлую обязанность управлять жизнью России в пору тяжёлой войны и после систематического расстройтва народного хозяйства благодаря самодержавию с одной стороны и продолжительной войне – с другой, Временное Правительство решило руководить страной на началах права, а не силы, по возможности облегчить те тяжёлые экономические условия, в которые она была поставлена предыдущим правительством, не выводить Россию из строя воюющих с германским милитаризмом держав, дабы на предстоящем мирном конгрессе молодая демократическая Россия могла бы сказать своё слово в защиту всех угнетаемых» [6].

Естественно, при Временном правительстве в иностранной политике государства сменился механизм принятия внешнеполитических решений: большая роль отводилась министру иностранных дел, на которого ложилась большая ответственность. Милюков, стремясь не разрушить конструкцию аппарата управления внешней политикой, заявлял, что ценил заведенную машину с точки зрения техники и традиций [7; с. 216].

Кроме того, Милюков сохранил на своих постах всех российских дипломатов за рубежом, за исключением посла в США, так как считал, что стабильность заграничного представительства подтверждала преемственность внешнеполитического курса. Что интересно, большинство

назначенных Временным правительством дипломатов отказались повиноваться пришедшим к власти в октябре 1917 года большевикам. Приказ Троцкого от 26 декабря того же года увольнял всех российских дипломатов за границей, при этом без права на пенсию и занятие других государственных должностей. Однако правительства большинства мировых государств, отказавшись признать советскую власть и надеясь на ее скорое падение, в первые послереволюционные годы продолжали поддерживать официальные отношения с российскими дипломатами. Таким образом, создалось исключительное в истории положение, при котором зарубежные державы официально признавали дипломатические представительства Временного правительства, в действительности переставшего существовать [8; с. 75].

Тем не менее, начиная с середины 1920-х гг., после признания СССР другими странами, бывшие дипломаты Временного правительства попали в двойственное положение: с одной стороны они воспринимались как представители эмиграции, с другой – должны были олицетворять образ старой России в глазах иностранцев.

Кризис в отношениях с союзниками наступил, когда англичане и французы потребовали скорейшего участия российских войск в крупномасштабных наступательных операциях, на что в военном ведомстве Временного правительства ответили отказом, объясняя это тем, что новые власти смогут произвести необходимую реорганизацию армии лишь к июню-июлю. Союзники, недовольные подобным ходом событий, требовали у руководства российских армий хотя бы создать видимость активных действий, однако вновь получили отрицательный ответ. После этого союзники все чаще предпочитали не предупреждать своих союзников из России о планируемых маневрах. Стоит, однако, заметить, что Россия имела некоторые успехи на кавказском фронте в борьбе с Османской империей.

Союзники часто не понимали действий российских дипломатов, многие из которых были назначены на свои посты еще при Николае II и, соответственно, вели себя все же как монархисты, но не как представители молодой демократической державы. На это сетовал и П. Н. Милюков: «Целый ряд крупных иностранцев указывал мне на полное несоответствие между новой Россией и ее дипломатическим представительством... наша дипломатия с глубоким неодобрением относится к новой России, а в силу этого не способна объективно защищать ее интересы» [9; с. 33].

Перечисленные выше обстоятельства означали неспособность новой верховной власти в России следовать обязательствам своих предшественников перед союзниками по Антанте, что привело к падению

доверия со стороны англичан и французов к российским партнерам. Более того, между Парижем и Лондоном произошел ряд встреч, на которых обсуждалось будущее России, и высказывались предложения о том, чтобы контролировать развитие событий в бывшей могучей империи. Безусловно, руководство российского внешнеполитического ведомства не удовлетворяло подобное развитие событий, когда союзники игнорировали Временное правительство. К примеру, в апреле произошел ряд межсоюзнических совещаний, на которые представители России хоть и прибыли, но не были приглашены на сами заседания. Напротив, союзники отправили в Петроград французского министра-социалиста А. Тома, миссия которого заключалась в придании твердости решениям временного правительства. Предполагалось контролировать действия российских властей объемом и периодичностью поставок продовольствия. По свидетельству ученых, «английские власти стали сокращать заказы и поставки для России. В несколько меньшей степени это относилось к оружию, средствам тяги и боеприпасам» [4; с. 555]. Были затруднены также поставки из Франции, Италии и Японии. Ситуация осложнялась неспособностью Временного правительства во время платить по кредитам иностранным инвесторам, поэтому неудивительно стремление членов Временного правительства сблизиться с США. Несмотря на ряд проблем, России удалось в обход англичан добиться от американцев предоставления кредита, однако поток продовольственной помощи был существенно меньше оговоренного.

Таким образом, достижения кабинета Милюкова во внешней политике можно считать довольно скромными. И это несмотря на то, что в свое время, отстаивая кандидатуру князя Львова на пост премьера, Милюков, таким образом, надеялся играть в правительстве роль первой скрипки [10; с. 16]. Но его надеждам не суждено было сбыться. Едва ли не единственным светлым пятном внешней политики этого периода стало признание Временного правительства союзными и многими нейтральными странами. О трудностях, с которыми пришлось столкнуться Милюкову можно судить хотя бы по тому обстоятельству, что его критиковали другие члены Временного правительства, особенно часто – Керенский. Однажды он заявил Милюкову: «... при царизме у министра иностранных дел не могло и не должно было быть своей политики, а была политика императора, то теперь у министра иностранных дел не может быть своей политики, а есть только политика Временного правительств. Мы для вас – государь император» [3; с. 47]. Здесь стоит учитывать и то обстоятельство, что современники отмечали непомерно высокое самолюбие Керенского, который, вероятно, завидовал популярности и влиянию Милюкова. А. С.

Епишин отмечает и такое обстоятельство: «Керенский умел и любил нравиться, причем эта любовь подчас принимала характер болезненной страсти» [11; с. 32].

После того, как 14 марта Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов опубликовал манифест «К народам всего мира», в котором содержались призывы жителям разных стран мира бороться за демократическое решение военных действий, перед Временным правительством встала задача выработать собственную позицию по данному внешнеполитическому направлению. Однако министр иностранных дел П. Н. Милюков назвал желаемый российскими социалистами мир без аннексий и контрибуций «германской формулой, которую пытаются подсунуть международным социалистам» [12; с. 351].

Неудивительно поэтому, что 20 апреля 1917 года Милюков вместе с единомышленниками опубликовал свое обращение к западным державам с обещаниями довести войну до решительной победы, твердо следовать союзническим обязательствам. Подобная позиция Временного правительства вызвала многочисленные митинги протеста, на которых чаще всего слышались лозунги «Долой Милюкова!». Для самого министра иностранных дел публикация этой ноты стала Пирровой победой, так как 1 мая 1917 года его убрали со своего поста. Новому правительству предстояло решать задачу выработки новых направлений международной политики.

Второй кабинет Временного правительства, большую роль в котором играли бывшие масоны А. Ф. Керенский, М. И. Терещенко и Н.В. Некрасов, образовавшие некий «триумвират», планировал наладить ухудшившиеся связи с союзниками организацией массового наступления. Любопытное мнение о положении Керенского в это время изложил в своих мемуарах известный революционер В. М. Чернов. Он писал, в частности: «Керенский, казалось, видел свою миссию в этой «надпартийной» роли, резервируя себе роль суперарбитра и делая себя «незаменимым» в качестве центральной оси власти. Казалось, что его более всего удовлетворяет именно такое состояние правительства, и что он старается даже усугубить его, последовательно удаляя из состава кабинета, одну за другой, все крупные и красочные партийные фигуры и заменяя их всё более второстепенными, несамостоятельными и безличными. Тем самым создавалась опасность «личного режима», подверженного случайности и даже капризам персонального умонастроения» [13; с. 211].

Новый министр иностранных дел М. И. Терещенко сделал 6 мая специальное заявление «для печати», в котором он излагал свое видение дальнейшей внешней политики России. Он заявлял, в частности: «Именно

ради требований демократии, ради скорого и справедливого мира необходимо воссоздание боевой мощи России, укрепление ее все силой революционного энтузиазма и реальное доказательство этой мощи... Теперь дело в активной самозащите, защите национальной независимости и свободы» [14; с. 233]. Да и другие члены коалиционного правительства в беседах с иностранными политиками и дипломатами заявляли о твердом намерении России довести дело в Первой мировой войне до победного конца. Правда, в отличие от Милюкова, Терещенко стремился к большей умеренности, а порой и вовсе использовал в своих выступлениях социалистическую терминологию. Тем не менее, члены коалиционного кабинета не спешили конкретизировать цели своей внешней политики. Среди союзников особый упор предполагалось сделать на развитие более тесных соглашений с США, не раздражая при этом ни Францию, ни Англию. О Терещенко не очень лестно отзывался один из членов консервативной фракции расформированной Госдумы В. В. Шульгин. Он ехидничал: «Очень милый и симпатичный Михаил Иванович, которому, кажется, было года 32, – каким общественным доверием он был облечен на роль министра финансов огромной страны, ведущей мировую войну, в разгаре революции?» [15; с. 224]

В период функционирования коалиционного правительства было внесено изменение в работу министерства иностранных дел: образованное специальное совещание из пяти министров, том числе Керенского и Церетели, проводило предварительный разбор наиболее важных внешнеполитических вопросов. Уступкой революционному движению было признание права на внешнеполитическую активность со стороны Петроградского совета.

Терещенко, пытаясь нормализовать отношения с Лондоном и Парижем, попросил их высказать свое отношение к ноте Милюкова и более ранним декларациям Временного правительства. Союзники в целом одобряли направление внешней политики России, но призывали тщательнее скрывать возможность аннексий и контрибуций за демократическими лозунгами.

Большую роль коалиционное правительство отводило предстоящему июньскому наступлению русской армии, которое могло вполне реально закончиться выводом из войны Турции, которая находилась в еще большей агонии, чем Россия.

Однако члены Временного правительства, в первую очередь, А. Ф. Керенский, поставили ряд условий перед союзниками, выполнение которых должно было стать своеобразной «компенсацией» для России за возобновление активных боевых действий на Восточном и кавказском

фронтах Первой мировой войны. В частности, от США просили увеличить тоннаж для поставок в Россию военных грузов, среди которых больше всего была необходимость в минометах. От Италии требовали возвратить 10 батарей тяжелых орудий, изготовленных специально для России, но реквизированных итальянской армией.

Несмотря на глобальные планы улучшения снабжения российской армии со стороны союзников, на деле все оказалось гораздо сложнее. Как пишут современные исследователи, в отношении поставок из-за границы артиллерии и авиационного имущества некоторые обещания были получены, но их осуществление переносилось на будущее. Одновременно союзники заявили коалиционному правительству, что программа поставок принятая на Петроградской конференции, не может быть полностью выполнена [4; с. 568].

Ситуация крайне осложнялась тем, что наступление российских войск было предотвращено контрударом немецких и австро-венгерских армий. В результате правительственного кризиса 8 июля А. Ф. Керенским был образован новый коалиционный кабинет, который своей главной внешнеполитической задачей объявил «напряжение всех сил для борьбы с внешним врагом и для охраны нового государственного порядка от всяких анархических и контрреволюционных покушений, не останавливаясь перед самыми решительными мерами власти» [4; с. 569]. Ставку верховного главнокомандования 18 июля возглавил генерал Л. Г. Корнилов, сторонник жесткой политики. Члены нового кабинета обещали союзникам продолжать прежний курс на ведение войны до победного конца, даже учитывая многочисленные проблемы русской армии. Однако наметившаяся союзниками конференция по определению целей войны откладывалась на все более долгий срок, что, безусловно, было на руку, прежде всего, коллегам России по Антанте. При этом В. С. Васюков раскрыл одну из причин неудач международной дипломатии Керенского и его коллег. Ученый писал: «Неустойчивое внутреннее положение Временного правительства являлось одной из причин дальнейшего ослабления его позиций в сфере внешнеполитической деятельности» [9; с. 247].

Временное правительство вынуждено было в срочном порядке просить союзников активизировать свои действия на Западном фронте, так как немцы перешли в мощное наступление на румынском фронте. Однако англичане и французы, ограничивая военно-экономическую помощь России, все больше беспокоились за положение дел во внутренней политике союзницы и стремились поставить ее под свой контроль. Поэтому неудивительно, что на Парижской конференции стран Антанты русский

вопрос занял одно из ведущих мест. Россию союзники ценой любых усилий пытались удержать в военно-политическом союзе. Предполагалось, что сама Франция займется возрождением дисциплины и подъемом морального духа русской армии, Англия – флотом, а Соединенные Штаты – реорганизацией транспорта [4; с. 573].

Международное положение России осложнялось тем, что многочисленные неудачи русской армии и неустойчивое внутреннее положение в стране привели к падению авторитета Российского государства у Балканских народов, традиционно рассматривавших Российскую империю лидером и оплотом славянских народов. При этом политика самого нового руководства демократической Россией ничем принципиально не отличалась в балканском вопросе от действий Романовых, а, учитывая тяжелое положение на Восточном фронте, Временное правительство было менее активно в данном регионе, чем царская дипломатия.

На Лондонской конференции стран Антанты было выдвинуто одобренное большинством предложение о посылке в Россию специального эмиссара, который контролировал бы внутреннюю политику в стране. Однако резкий протест представителей Временного правительства заставил союзников отказаться от этой миссии. Керенский и его коллеги по кабинету, давно подозревая англичан и французов в тайном желании ослабить Россию, заставив именно ее внести главный вклад в борьбу с Германией и Австро-Венгрией, основной упор сделали на развитие отношений с США.

Американская сторона, желая исследовать детально своего партнера в войне, отправила в Россию группу аналитиков. Они пришли к выводу, что ключом к продолжению войны для России служит не расширение экономической помощи ей, а организация там крупномасштабной политической пропаганды. В свою очередь, само Временное правительство не придавало американской агитации большого значения, хотя не прочь было продемонстрировать перед русским общественным мнением единство стремлений «двух великих демократий» [4; с. 575].

Отечественный ученый А. В. Голубев, размышляя о постепенном разочаровании Великобританией, как союзником России по Антанте, констатировал: «По мере усталости от войны в российском общественном мнении все ярче вырисовывается тенденция к обличению корыстных союзников, стремившихся за счет России достигнуть своих целей... К концу 1916 – началу 1917 г. подобные взгляды получили широкое распространение, особенно среди нижних чинов и младших офицеров, причем как всегда наиболее негативные оценки относились к роли

Великобритании, готовой «воевать до последнего русского солдата», для чего англичане «втайне договорились с начальством, подкупив его на английские деньги» [16; с. 277]. Е. С. Сенявская писала о том, что и с Францией постепенно произошла такая же метаморфоза: в начале войны, когда войска Русского экспедиционного корпуса, воюя на территории Франции, видели все лишения ее народа, который восторженно встречал освободителей из России, в российском общественном мнении не возникало сомнений в необходимости помощи Парижу. Но после Февральской революции 1917 года, когда русские солдаты стали восприниматься как революционеры, подрывавшие боевой дух французов, отношение к последним изменилось в худшую сторону. Особенно часто в их адрес звучали обвинения в неблагодарности. По мнению Е. С. Сенявской, «у французов оказалась короткая память. Уже в ходе самой войны они забыли, что Россия ценой огромных жертв не раз спасала их от полного разгрома, и предъявляли к ней материальные претензии» [17; с. 193].

Что касается других направлений внешней политики Временного правительства, необходимо отметить, что на Ближнем Востоке она оставалась практически такой же неизменной, как и во времена царствования Романовых. А на Дальнем Востоке Керенский придерживался оборонительной тактики, во многом стремясь сохранить сложившийся к тому времени статус-кво. В частности, Россия участвовала практически во всех кампаниях держав Антанты, направленных на вовлечение Китая в войну. В итоге, 1 августа 1917 года китайское правительство объявило войну Германии и ее союзникам.

Дальнейшая внешняя политика Временного правительства будет обусловлена тем, что Корниловский мятеж вверг страну в хаос, что не могло не сказаться на отношениях с партнерами и врагами. Между прочим, партнеры России по Антанте очень пессимистично рассматривали способность своей союзницы к продолжению военных действий. Поэтому 26 сентября послы Англии, Франции и Италии зачитали Керенскому коллективную ноту. В которой выразили сомнение в способности России продолжать военные действия. Более того, союзники грозили отказать Временному правительству в военно-экономической помощи. В ответ Временное правительство 29 сентября постановило «все свое внимание и все силы сосредоточить на организации надлежащей обороны государства от внешнего врага, отложив на время все прочие вопросы и не считаясь с партийными стремлениями в области внешней политики» [9; с. 311].

Назревание революционной ситуации и нестабильная обстановка в стране заставляли Временное правительство уделять внимание, прежде

всего внутренней политике, хотя она и была неразрывно связана с внешней. Союзники России призывали Керенского выступить в роли спасителя России, однако, очевидно, что он нисколько не подходил для этой роли. Более того, в правительстве отсутствовало единство по вопросам о будущей внешней политике государства, а министры Терещенко, Коновалов и Третьяков жаловались на Керенского иностранным дипломатам. Выступавший 24 октября на заседании Совета республики Керенский призывал сплотиться все силы страны в борьбе с большевистскими притязаниями на власть. В области внешней политики он намекал на возможность призыва к миру со стороны России. Однако 25 октября 1917 года иностранные дипломаты получили вести о скором падении Временного правительства, что означало окончание эпохи, во время которой в России была предпринята попытка построить демократическое государство.

Советский историк В. С. Васюков указал на причины падения Временного правительства и несостоятельности его внешней политики: «Временное правительство хотело оставаться верной «союзническому долгу», совершенно не считаясь с тем, что страна находится на краю пропасти и ее судьба приносится в жертву международному империализму. Перед перспективой разрыва с союзниками и крушения всяких надежд, какие возлагались на войну, оно забывало о всякой предосторожности и даже об угрозе его собственному существованию» [9; с. 479].

Соглашаясь во многом с ученым, отметим, что пришедшее на смену Временному правительству новая власть со временем тоже согрешила тем, что пыталась принести Россию в жертву международному социализму и революционному движению.

Таким образом, Временное правительство не сумело достигнуть поставленных перед ним историческим ходом событий важных задач. К сожалению, противоречивыми и для многих обывателей непонятными оказались цели внешней политики Временного правительства, а также их практическое воплощение.

Таким образом, провозгласившее себя преемником прошлой власти первое демократическое правительство России взяло на себя тяжелые обязательства – продолжать участие в военных действиях до победного конца. Воодушевленные признанием своей легитимности со стороны западных держав министры Временного правительства либо не понимали, либо не придавали особого значения тому обстоятельству, что их союзники в войне, равнодушные, и даже враждебно относившиеся к Временному правительству и к России в целом, следовали давней политической традиции – говорить одно, а на деле поступать иначе. Они

руководствовались своими национальными интересами, прикрываясь стремлением принести мир и процветание во все регионы планеты, а от Временного правительства требовали сражаться за фантомную идею всеобщего благосостояния, за признание среди великих держав.

Библиографический список

1. Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 - весна 1917) / Ф. А. Гайда. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 432 с.
2. Набоков В. Д. Временное правительство / В. Д. Набоков // http://az.lib.ru/n/nabokow_w_d/text_0010.shtml.
3. Попова О. Г., Черникова Н. В. Внешнеполитические проблемы в деятельности Временного правительства весной 1917 г. (По воспоминаниям политиков революционной эпохи) / О. Г. Попова, Н. В. Черникова // Документ. Архив. История. Современность. – Вып. 12. – Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2011. – С. 40-56.
4. История внешней политики России. Конец XIX - начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). – М.: Междунар. отношения, 1997. – 672 с.
5. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары / А. Ф. Керенский. – М.: ТЕРРА, 1996. – 512 с.
6. Оберучев К. М. Советы и Советская власть в России // http://az.lib.ru/o/oberuchew_k_m/text_1919_soviety_i_sovetskaya_vlast.shtml.
7. Милюков П. Н. Воспоминания (1859-1917): В 2-х т. Т. 2. / П. Н. Милюков. – Нью-Йорк: изд-во имени Чехова, 1955. – 399 с.
8. Кононова М. Деятельность дипломатов царского и Временного правительств в эмиграции в 1917-1938 гг. / М. Кононова // Международная жизнь. – 2001. – № 9-10. – С. 71-83.
9. Васюков В. С. Внешняя политика Временного правительства / В. С. Васюков. – М.: Мысль, 1966. – 496 с.
10. Коваленко Н. А. Падение монархии: выбор первого премьера новой России / Н. А. Коваленко // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2011. – № 166. – С. 15-20.
11. Епишин А. С. Три портрета Александра Керенского / А. С. Епишин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 7 (13): в 3-х ч. Ч. I. – С. 31-34.
12. Пономарев В. Н. Свидание в Бальморале и русско-английские отношения 90-х годов XIX в. / В. Н. Пономарев // Исторические записки. – Т. 99. – М., 1977. – С. 340-356.
13. Чернов В. М. Перед бурей / В. М. Чернов. – Нью-Йорк: изд-во имени Чехова, 1953. – 412 с.
14. Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Июньская демонстрация: Документы и материалы. – М.: Изд-во АН СССР, 1959.
15. – 662 с.
16. Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки / В. В. Шульгин. – М.: Современник, 1989. – 559 с.
17. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании

- русского общества первой половины XX века / Под ред. Голубева А. В. – М.: Изд-во РАН, 1998. – 335 с.
18. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества
Е. С. Сенявская. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 288 с.

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ И НАРУШЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Л.Е. Мелкумян

Сострадание под страхом смерти (период геноцида армян)

Столетняя годовщина Геноцида армян в Османской империи служит еще одним поводом для всего армянства представить миру объективную картину событий начала XX века. Наряду с бесчеловечностью, жестокостью и ненавистью, с которой преступники Османской империи уничтожали целый народ, были случаи добродетели и милосердия, когда обычные мусульмане, рискуя своей жизнью, спасали армян.

Ключевые слова: армяне, геноцид, депортация, праведные турки

The centenary of the Armenian Genocide in the Ottoman Empire is one more reason for Armenians to present to the world an objective picture of events in the beginning of the XX century. Along with inhumanity, cruelty and hatred with which the criminals of the Ottoman Empire were destroying the whole nation, there were cases of mercy and goodness, when ordinary Muslims risking their lives rescued the Armenians.

Key words: Armenians, Genocide, deportation, righteous Turks

Геноцид армян, явившимся первым геноцидом XX века на протяжении 100 лет является предметом широких обсуждений как среди историков, исследователей и общественно-политических деятелей, так и среди граждан всего мира. Геноцид армян в Османской империи был назван преступлением против человечества в мировой истории, а правопреемница империи Турция продолжает проводить политику отрицания и непризнания, требуя доказательств, которые в свою очередь хранятся в библиотеках и архивах Армении, ООН и стран Европы. Более миллиона людей подверглись уничтожению, а те, кто остался в живых, либо сошли с ума, как великий армянский композитор Согомон Согомонян (Комитас), либо были вынуждены перейти в ислам, чтобы сохранить жизнь себе и своим близким, или же бежали в Россию, Францию, США, Ливан и другие страны, которые, проявив великодушие, приняли беженцев.

Сегодня, через сто лет мы становимся свидетелями не только осуждения общечеловеческого преступления османов, но и попыток представить миру полную и объективную картину событий, имевших место в 1915-1917 гг., а именно говорить не только о зверствах и жестоком

отношении, но и о добродетели. Есть множество примеров и историй в письменных и опубликованных, а также устных воспоминаниях и рассказах людей, переживших геноцид или ставших его свидетелями, которые свидетельствуют о милосердии простых мусульман, которые старались помочь как отдельным армянам, так и целым армянским семьям.

Упоминания об этих фактах необходимы по ряду причин.

Во-первых, все случаи спасения жизни армян турками во время геноцида, даже если они немногочисленны, являются неотъемлемой частью основной истории Геноцида армян, и есть еще одно доказательство кровавых событий 1915 г. [1]

Во-вторых, эти акты героизма и доброты являются иллюстрацией того, что не все турки поддерживали общегосударственную политику.

В-третьих, эти истории подтверждают, что преступление, совершенное османским государством, организовано на государственном уровне. Обычные мусульмане, спасали армян от безжалостных приказов своего государства.

Почему они это делали? Почему турок или вся его семья, вопреки приказам истреблять, прятали и спасали армян от неминуемой смерти, обеспечивая армян едой, убежищем и другими необходимыми вещами? О причинах можно только догадываться. Возможно это долгие соседские и дружеские отношения или верховенство общечеловеческих норм над государственными приказами и распоряжениями.

Стоит отметить, что турки делали это, осознавая, что помощь армянам может стать для них приговором к смерти. Таких людей казнили на глазах у населения, возле его дома, чтобы больше никому не захотелось помочь. «...Убили четырех плохих турок, которые укрыли нескольких «гявулов»... Трупы этих четырех убитых турок сейчас отнесут в армянский квартал, для того чтобы показать, что их убили армяне...» [4].

Однако были и корыстные поводы спасти армян, которые нельзя считать актом милосердия. Это те случаи, когда армянам помогали лишь для того, чтобы завладеть их имуществом, чтобы жениться на армянке и др. Были случаи лишь физического спасения, когда армян, в том числе и детей, принуждали принять ислам, отуречивали их, отдавая в новую семью, и таким образом они теряли свою идентичность [1]. В соответствии со статьей II Конвенции о предупреждении преступления геноцида, подобные случаи также являются геноцидальным актом [5].

В Турции полностью умалчивают также и о существовании праведных официальных лиц, которые отказались выполнять приказы правительства, стараясь сохранить и защитить армян. Они были жестоко наказаны за

свой поступок, чаще всего лишались своего положения, а в некоторых случаях даже жизни впоследствии.

Секретарь на службе Табачной монополии в Рас ул-Айне Наим-бея вспоминает: «...Мы вместе с ним вышли из дома и направились в дом одного аги, еще к некоторым другим и с трудом добыли две-три палатки. При помощи десяти или пятнадцати жандармов и других людей нам удалось разбить палатки, которые могли служить убежищем несчастным жертвам...» [3].

Сострадание и общечеловеческая мораль у данных представителей власти стояли выше приземленных человеческих пороков наживы и власти. Имена этих немногочисленных людей необходимо знать как армянской, так и турецкой сторонам.

Силал Бей был управляющим Коньи, центрально-анатолийской провинции и одним из пунктов депортации армян в сирийскую пустыню – Дер Дзор. Он заявил, что армяне не поднимали восстаний и, поэтому нет оправданий для массовой депортации. Он был освобожден от должности, но сумел сохранить жизни тысячам армян – в своих мемуарах он сравнивает себя с человеком, который сидит на берегу реки и не может никого спасти. «Все, кого я смог простить голыми руками, остались в живых. Остальные же ушли по течению реки и не вернулись» [2].

Хасан Мажар Бей был управляющим Анкары. Он защитил анкарское армянское сообщество, отказавшись выполнить приказы о депортации. «Я управляющий, а не бандит. Я не смогу это сделать. Пусть кто-нибудь другой сядет на мое кресло и выполнит эти распоряжения» [2].

Фаик Али Бей был управляющим Кутахьи, другой центральной провинции Анатолии. Отказавшись выполнять приказы о депортации, он напротив распорядился принимать армян, пребывающих в Кутахью из других регионов. Он защитил все армянское население, за исключением одного армянина, который принял ислам и был депортирован [2].

Мустафа Бей (Азизоглу) был управляющим Малатии – транзитного пункта депортации. Хотя ему не удалось остановить депортацию, он сумел укрыть несколько армян в своем доме, за что впоследствии был убит собственным сыном [2].

Наиболее трагическая судьба сложилась у Хусейна Несими Бея, мэра Лиса – город вблизи Диярбакира. Хусейн Насими сумел защитить армян города, примерно 5,980 человек, но был безжалостно убит курдскими наемниками [2].

На данный момент только имена вышперечисленных представителей власти известны армянской стороне. Возможно, этот список со временем будет возрастать. Они лишались своих званий и регалий, переводились на

обычные гражданские должности, в функции которых входило выселение армян.

Эти люди, как и другие мирные турки и курды противостояли, чтобы защитить армян. Они настоящие герои. Сегодня граждане Турции стоят перед выбором, кого называть героями: тех, которые безжалостно убивали и совершали преступления против человечества и называть их именами улицы городов Турции или праведных людей с чистыми помыслами, которые пытались предотвратить эти преступления. Знакомство с историей таких людей поможет турецкому народу остановить затянувшийся на сто лет период отрицания событий 1915 года.

Библиографический список

1. Демоян Гайк Праведные турки: кто они и почему они важны / Гайк Демоян // Музей-институт Геноцида армян. - 17.09.2014. – URL: http://www.genocide-museum.am/rus/g_brief_15.php ;
2. Donef Racho 1915: Righteous Muslims during the Genocide of 1915 / Racho Donef // Assyrian History / - November, 2010. – URL: <http://www.atour.com/history/1900/20101105a.html> ;
3. Из воспоминаний турецкого чиновника Наим-бея // Музей-институт Геноцида армян. - URL: http://www.genocide-museum.am/rus/eye_witnesses9.php#sthash.C942PDfs.dpuf ;
4. Турчанка (случай из Эдессийской резни) // Музей-институт Геноцида армян. – URL: http://www.genocide-museum.am/rus/eye_witnesses11.php#sthash.NsdZXFu2.dpuf ;
5. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // официальный сайт Организации Объединенных Наций . – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml .

Геноцид как преступление против мира и безопасности человечества

В статье рассматривается проблема связи геноцида с преступлениями против человечности, а также вопросы связанные с имплементацией норм международного уголовного права, содержащихся в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.

Ключевые слова: геноцид, международное право, Конвенция о предупреждении геноцида и наказании за него, Римский статут

The article deals with the problem of genocide, crimes against humanity, as well as issues associated with the implementation of international criminal law contained in the Convention on the prevention of the crime of genocide and punishment of 9 December 1948.

Keywords: genocide, international law, Convention on the prevention of genocide and punishment, the Rome Statute.

Преступление геноцида (от греч. «genos» – группа, племя; лат. «caedere» – убивать) раньше других преступлений против человечности было выделено в самостоятельный состав международного преступления. Этот термин впервые использовал польский юрист, сотрудник Министерства обороны США, а впоследствии обвинитель от США на Нюрнбергском процессе Рафаль Лемкин (Lemkin) в своих трудах «Фашистское управление оккупированной Европой» (1944г.) и «Геноцид как преступление по международному праву» (1947г.)[13; 14].

Прошло четыре года, прежде чем предложение Лемкина было признано в международном договоре, однако правовые его основания были заложены в 1945 году – Нюрнбергским и другим послевоенными процессами. Хотя в Нюрнбергском Статуте слово «геноцид» не используется, данное в нем определение преступлений против человечности в значительной степени пересекается со введенным Лемкиным понятием «геноцида». Термин «геноцид» использовался в обвинительном акте, предъявленном судимым в Нюрнберге главным военным преступникам. Обвинители Нюрнбергского процесса применяли этот термин в ходе прений сторон, он фигурировал также в приговорах нескольких работавших в Нюрнберге военных трибуналов США.

По общепринятой классификации, закрепленной впервые в Уставе Нюрнбергского трибунала 1945г., геноцид ближе всего стоит к преступлениям против человечности. В то же время он отличается от них по масштабам репрессий против определенных групп населения и ярко

выраженными специфическими целями. Данный состав близок и к военным преступлениям, так как его совершение может совпадать со временем ведения боевых действий. Но его отличают особые цели – физическое уничтожение именно отдельных национальных, этнических, расовых или религиозных групп населения и возможность совершения этих деяний в мирное время. Поэтому уставы трибуналов для бывшей Югославии и Руанды и Римский Статут 1998г. выделили состав геноцида из военных преступлений и преступлений против человечности в самостоятельное международное преступление.

В нюрнбергских документах термин геноцид прямо не использовался, но он применялся в ходе судебного процесса над нацистскими преступниками в речах обвинителей. Преступления против человечности были выделены в особую категорию международных преступлений еще в Уставе Нюрнбергского международного трибунала 1945г. В п. «с» ст.6 этого Устава различались два вида преступлений против человечества: 1) бесчеловечные деяния («убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны»); 2) преступления против человеческой группы («преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала») [11].

В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 96 (I) от 11 декабря 1946г. отмечалось, что геноцид означает отказ в признании прав на существование целых человеческих групп, поэтому он осуждается всем цивилизованным миром и признается преступлением, наказание за которое является вопросом международного значения. Совету по экономическим и социальным вопросам было поручено разработать проект международной конвенции по борьбе с геноцидом, чем непосредственно занялся образованный 5 апреля 1948г. специальный комитет. Первоначально был отклонен подготовленный под руководством Пеллы и Доннедье де Вабра проект, содержащий расширенное толкование объекта преступления геноцида, где помимо расовых и национальных, упоминались политические группы. В этом проекте также планировалось создание постоянно действующего международного уголовного суда, что встретило неудовольствие и протест, прежде всего со стороны СССР, опасавшегося, что в условиях разделения государств на два непримиримых лагеря в мире этот надгосударственный орган стал бы излишне политизированным и необъективным[2, С.24-25].

Генеральная Ассамблея ООН подтвердила, что преступления против человечности в виде преследования человеческой группы, или собственно

геноцид, представляют собой международные преступления, за которые лица их совершившие подлежат обязательному наказанию. Однако, Устав Нюрнбергского Международного трибунала ограничил круг преступлений против человечности ссылкой на то, что любое действие может быть признано таким преступлением лишь в том случае, если оно совершается «с целью осуществления или в связи» с военным преступлением или преступлением против мира. В то же время понятие «преступление против человечности» было шире понятия «серьезные военные преступления», так как потерпевшими от этих преступлений могли быть и граждане государства-нарушителя.

Понятие «геноцида» было зафиксировано в Международной конвенции «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него»[5], подписанной 9 декабря 1948 г. и ратифицированной всеми странами – членами ООН.

Принятая в итоге Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948г. содержала новое определение геноцида. Под «геноцидом» понимается «одно из тяжчайших преступлений против мира и безопасности человечества, действия, совершенные с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». В качестве возможных путей уничтожения Конвенция предусматривает:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- в) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую» (ст.11)[5].

Направленность геноцида обязательно связана с какой-либо социальной группой: национальной, этнической, расовой или религиозной группой как таковой.

В процессе подготовки второго проекта активную роль сыграли именно советские специалисты, которые предложили расширить круг преступных деяний, охватываемых понятием геноцид, то есть его объективную сторону, а не объект посягательства. Кроме физического (непосредственное истребление людей) и биологического (борьба с самим появлением на свет

новых членов преследуемой нации или расы путем принудительной стерилизации и абортов, запрещения браков и пр.) геноцида, было предложено криминализовать национально-культурный геноцид: «В понятие геноцида должны быть включены такие мероприятия и действия, направленные против пользования национальным языком, или мероприятия и действия против национальной культуры, как то: (а) запрещение или ограничение пользования национальным языком как в общественной, так и в частной жизни; запрещение преподавания в школах на национальных языках; (б) уничтожение или запрещение печатания и распространения книг и иных печатных изданий на национальных языках; (с) уничтожение исторических или религиозных памятников, музеев, документов, библиотек и других памятников и предметов национальной культуры (или религиозного культа)»[2, С.48-49]. Однако подготовительный комитет отклонил предложения о национально-культурном геноциде, о роспуске организаций, имеющих своей целью разжигание расовой, национальной и религиозной вражды и совершение преступлений геноцида, а также о возложении на государства обязательств внести в национальное законодательство изменения или принять законы, карающие геноцид во всех его видах и формах.

Помимо оконченного состава геноцида, Конвенция 1948г. также предусматривала: «... b) заговор с целью совершения геноцида; с) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида; d) покушение на совершение геноцида; e) соучастие в геноциде» (ст. III). Конвенция устанавливала, что «лица, совершающие геноцид..., подлежат наказанию независимо от того, являются ли они ответственными по Конституции правительствами, должностными или частными лицами» (ст. IV)[5].

Постепенно подавляющее большинство государств включило преступление геноцида в национальное уголовное законодательство на основе универсального положения о необходимости преследования геноцида. Таким образом, Конвенция 1948г. стала частью международного обычного права.

Как было указано в Консультативном заключении Международного Суда ООН от 28 мая 1951г. «Оговорки к Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него», принципы Конвенции 1948г. являются обязательными даже для государств, не присоединившихся к ней. При этом отмечалось, что история создания Конвенции показывает, что цель ООН заключалась в том, чтобы осудить геноцид и наказать за него как за «преступление по международному праву, связанное с отказом в праве на существование целой группе людей, отказом, с которым не может смириться совесть человечества и который ведет к огромным потерям для

человечества, противоречит законам нравственности, а также духу и целям Объединенных Наций»[6].

В результате принципы, лежащие в основе Конвенции 1948г., были квалифицированы как принципы, признанные цивилизованными народами в качестве обязательных для всех государств, даже без каких-либо договорных обязательств. Как осуждение геноцида, так и сотрудничество, требующиеся «для избавления человечества от этого отвратительного бедствия», приобрели универсальный характер[18]. Позднее тот же Международный Суд ООН в деле «Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia (Serbia and Montenegro)» отметил, что права и обязательства, воплощенные в Конвенции 1948г., являются правами и обязанностями *erga omnes*. Кроме того, он подчеркнул, что обязательство каждого государства по предупреждению и наказанию геноцида не имеет территориального ограничения по Конвенции 1948г.[12]

В Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968г. геноцид был отнесен к преступлениям против человечества, «независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время, как они определяются в Уставе Нюрнбергского Международного военного Трибунала от 8 августа 1945г. и подтверждается в резолюциях 3 (1) от 13 февраля 1946г. и 95 (1) от 11 декабря 1946г. Генеральной Ассамблеи ООН, изгнание в результате вооруженного нападения или оккупации и бесчеловечные действия, являющиеся следствием политики апартеида, а также преступление геноцида, определяемое в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года, даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены» (ст. I).

В отличие от Устава 1945г. в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества в редакции 1996г. (ст. 18)[8] и Римском Статуте 1998г. (ст.7)[9] не предусматривается, чтобы подобные выступления совершались только во время войны либо были связаны с преступлениями против мира или военными преступлениями. Кстати, еще в ходе судебного разбирательства в рамках Трибунала по бывшей Югославии было указано следующее: «К настоящему времени является общепризнанным правилом обычного международного права, что преступления против человечества не нуждаются в непосредственной связи с международным вооруженным конфликтом»[17].

Для сущностной характеристики таких международных деликтов, как преступления против человечности, имеет значение терминологический анализ наименования данной категории преступлений. Дословный перевод

английского выражения «crimes against humanity» звучит – «преступления против гуманности». Научные словари довольно широко определяют термин «гуманность»: человечность, человеколюбие, уважение к людям, к их человеческому достоинству[10]. Не случайно в английском тексте всех трех вариантов Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества две дефиниции – «offences against security of mankind» и «crimes against humanity» (или «inhuman acts») – трактуются как общее и частное: разновидностью преступлений против человечества являются преступления против человечности.

Принцип человечности (гуманности) по сути дела был закреплен в известной «оговорке Мартенса»: в ситуациях, не предусмотренных принятыми государствами правилами, «население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания»[4].

Санкт-Петербургская декларация 1868г. призывала к ограничению применения во время войны некоторых взрывчатых или зажигательных веществ. В ней провозглашалось, что они противоречат «законам человеколюбия»[1, С.13].

В Декларации государств Великобритании, России и Франции 1915г., осудившей убийства армян в Турции, было отмечено, что ответственность за «преступления против человечности и цивилизации» ляжет на членов правительства Турции и причастных к резне[3, С.12-13].

В Докладе Комиссии об ответственности инициаторов войны и о наказании за нарушение законов и обычаев войны 1919г. Германская империя и ее союзники были обвинены в том, что они вели Первую мировую войну, используя «варварские или противозаконные методы, нарушая установившиеся законы и обычаи войны и элементарные законы человечности» и «все лица, принадлежащие к враждующим странам..., которые виновны в нарушениях законов и обычаев войны или законов человечности, подлежат уголовной ответственности»[7, С.23].

После закрепления категории преступлений против человечности в п. «с» ст.6 Устава Нюрнбергского трибунала 1945г. работа над концепцией уголовной ответственности за эти международные преступления продолжилась в рамках подготовки проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества.

Достаточно четкое определение преступлений против человечности содержится в решении Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии по делу «Prosecuter v. Drazen Erdemovic»: «Преступления против человечности являются вопиющими актами насилия, наносящими вред

самому главному, что есть у человека: его жизни, свободе, здоровью, благополучию и достоинству. Это бесчеловечные деяния, которые по своим масштабам и серьезности превышают пределы, которые международное сообщество может терпеть, что вынуждает его требовать их наказания. Однако преступления против человечности затрагивают больше, чем отдельную личность, потому что когда преступному посягательству подвергается человек, то тем самым объектом нападения и отрицания становится понятие человечности. Поэтому существенной характеристикой преступлений против человечности является концепция человечности как жертвы»[16].

В решении Международного уголовного трибунала по Руанде по делу «Prosecuter v. Akayesu» при характеристике преступлений против человечности указывалось, с одной стороны, на бесчеловечные по своему характеру и природе акты, причиняющие сильные страдания, тяжкие телесные повреждения, серьезный ущерб физическому или психическому здоровью, а с другой, – на направленность указанных актов, совершенных как часть широкомасштабных или систематических нападений на гражданское население по национальным, политическими, этническим, расовым или религиозным мотивам[15].

В Римском Статуте 1998г. выражение «преступление против человечности» также означает разного рода бесчеловечные деяния, совершаемые в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц как в военное, так и в мирное время.

Определение преступления против человечности по Римскому Статуту включает в себя следующие шесть компонентов (п. 1 ст. 7):

1) нападение широкомасштабного характера, что предполагает значительное число жертв или значительное количество участников, либо систематического характера, что означает высокий уровень организованности, вытекающий из методичного плана или политики;

2) направленность против гражданского населения безотносительно к тому, что преступник и жертва могут быть гражданами одного и того же государства или иметь какие-либо другие черты общности. Принадлежность гражданского населения к какой-либо идентифицируемой социальной группе, как правило, значения не имеет, за исключением «преступлений против человечности в виде преследований» и «преступлений против человечности в виде апартеида»;

3) знание о том, что совершается широкомасштабное или систематическое нападение на гражданское население;

4) наличие политических, расовых, национальных, этнических, культурных, религиозных, гендерных или других мотивов, повсеместно считающихся недоступными;

5) совершение преступления в мирное или военное время;

6) отсутствие обязательной связи с каким-либо другим международным преступлением, за исключением преследования идентифицируемой группы или общности, которое должно быть связано с иным преступлением против человечности (п.1 ст.7) или другим преступлением, подпадающим под юрисдикцию МУС[9].

Таким образом, для конкретизации и дальнейшего укрепления международно-правовых норм, касающихся геноцида, важное значение играет изучение и включение в нее новых элементов, появившихся в ходе подготовки Проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества применительно к преступлению геноцида, соответствующие правовые нормы Римского статута Международного Уголовного Суда, в компетенции которого находится преступление геноцида, а также в уголовных делах, рассмотренных Международным Судом ООН и Международными уголовными трибуналами по бывшей Югославии и Руанде, связанными с преступлениями геноцида.

Библиографический список

1. Андрюхин М.Н. Геноцид – тяжчайшее преступление против человечества / М.Н.Андрюхин. – М., 1961.
2. Вартамян В.М. Уголовная ответственность за геноцид / В.М. Вартамян. – Ставрополь, 2000.
3. Геноцид армян в Османской империи — сборник документов и материалов / под редакцией М. Г. Нерсисяна. – Ереван, 1983.
4. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, Гаага, 18 октября 1907 г. – URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1278849> (дата обращения: 10.03.2014).
5. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 г. // Международное право в документах / Сост. Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. – М., 2002. – С. 331-345.
6. Консультативное заключение Международного суда ООН от 28 мая 1951г. «Оговорки к Конвенции о предупреждении геноцида и наказания за него». – URL: <http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v1/001-015.htm#15> (дата обращения: 23.04.2014).
7. Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры / Под общ-ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. – М., 2002.
8. Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_offences.shtml (дата обращения: 23.03.2014).
9. Римский Статут Международного уголовного суда. – URL: http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute%28r%29.pdf (дата обращения: 17.03.2014).
10. Советский энциклопедический словарь. – М., 1982.
11. Устав международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (принят в Лондоне 8 августа 1945 года). –

- <http://www.docme.ru/doc/87106/ustav-nyurnbergskogo-tribunala-s-komentariyami>
(дата обращения 20.03.2014).
12. Case Concerning the Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia (Serbia and Montenegro)). – URL: <http://www.humanrights.is/the-human-rights-project/humanrightscasesandmaterials/cases/internationalcases/internationalcourt/nr/1929> (дата обращения: 15.03.2014).
 13. Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe / R. Lemkin. – URL: <http://www.preventgenocide.org/lemkin/AxisRule1944-1.htm> (дата обращения: 23.03.2014);
 14. Lemkin R. Genocide – As Crime Under International Law / R. Lemkin. – URL: <http://www.preventgenocide.org/lemkin/ASIL1947.htm> (дата обращения: 23.03.2014).
 15. Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu. Case No. ICTR-97-23-S.Para. 578. – URL: <http://www.humanrights.is/the-human-rights-project/humanrightscasesandmaterials/cases/internationalcases/tribunalforrwanda/> (дата обращения: 22.03.2014).
 16. Prosecutor v. Drazen Erdemovic. Case No. IT-96-22-T. – URL: http://www.icty.org/x/cases/erdemovic/tjug/en/961129_Erdemovic_summary_en.pdf (дата обращения: 12.03.2014).
 17. Prosecutor v. Dusko Tadic. Decision of the Appeals Chamber of the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction. – URL: <http://www.geneva-academy.ch/RULAC/pdf/Decision-on-the-Defence-Motion-for-Interlocutory-Appeal-on-Jurisdiction.pdf> (дата обращения: 15.03.2014).
 18. Reservation to the Convention on the Prevention and Punishment of Genocide (Advisory Opinion). – URL: <http://www.ijl.org/courses/documents/Reservationstogenocideconv.pdf> (дата обращения: 12.03.2014).

История становления и деятельности неправительственной организации «Human Rights Watch»

В статье рассматривается история становления и деятельности международной неправительственной правозащитной организации «Human Rights Watch». Автор статьи показывает основные этапы ее деятельности, раскрывает механизмы влияния правозащитной организации на государства, нарушающие фундаментальные права и свободы человека. Также в статье показана роль, которую играют институты гражданского общества в современной системе международных отношений.

Ключевые слова: неправительственная организация, права человека, гражданское общество, правозащитное движение.

The article examines the history of the formation and activities of international non-governmental human rights organization «Human Rights Watch». The author shows the main stages of its work, reveals mechanisms of influence to the states that violate fundamental human rights and freedoms. The article also shows the role played by civil society in the modern system of international relations.

Key words: non-governmental organization, human rights, civil society, human rights movement.

Становление и развитие международной правозащитной неправительственной организации прошло в несколько этапов. Начало будущей Human Rights Watch можно отнести к июлю 1973 года, когда группа из 11 американских писателей, историков и издателей образовала Комитет в защиту Андрея Амальрика, известного советского диссидента и публициста, осужденного советскими властями за написание и распространение своих произведений. Среди членов Комитета были известнейшие американские писатели Артур Миллер, Джон Апдайк, Роберт Пенн Уоррен, историк Харрисон Солсбери, а также президенты крупнейших книжных издательств: Вильям Йованович, В. Брандфорд Вилли, Роберт Л. Бернштейн, и Винтроп Кноултон. Вдохновителем и организатором Комитета был президент издательского дома «Рэндом Хауз» Роберт Л. Бернштейн, бизнесмен с либеральными взглядами, создавший годом ранее Фонд за Свободу Слова («Fund for Free Expression»). В своем Обращении к советским властям члены Комитета заявили, что А.А. Амальрик был осужден за то, что открыто выражал свои мысли. Авторы призвали советские власти «восстановить его законные права, включая право на свободу самовыражения и на право путешествия за границу, если он этого захочет»[1]. Через год Комитет вступился за сидящего в лагере строгого режима советского правозащитника Владимира Буковского. В своих обращениях и заявлениях члены Комитета включили в число защищаемых ими прав и свобод право заключенного на свидание, почту, адвоката, и на медицинскую помощь. Существенным и новым было то, что Комитет особо

отметил, что В.К. Буковский пострадал за предание гласности и за передачу на Запад «документальных свидетельств о нарушениях прав человека» в СССР[1]. В 1976 году Роберт Бернштейн посетил в Москве академика А.Д. Сахарова и ряд других известных правозащитников. Многочасовые беседы с ними привели Бернштейна к идее создания в США организации, которая оказывала бы систематическую поддержку правозащитникам в Советском Союзе. Но данная идея смогла осуществиться только после определенных событий на международной арене в середине 70-х годов, послуживших мощным стимулом к созданию новых неправительственных правозащитных организаций. Ключевую роль сыграло Хельсинское Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года. Заключительный Акт Хельсинского Совецания положил начало становлению качественно нового этапа в деятельности международных неправительственных правозащитных организаций.

Знаковым для возникновения будущей Human Rights Watch стала белградская конференция по проверке соблюдения условий Хельсинского Совецания. Первая конференция по проверке выполнения условий Хельсинского Акта была запланирована на октябрь 1977 г. и должна была пройти в Белграде. К этому времени уже были созданы польская, грузинская, литовская, армянская и азербайджанская хельсинские группы. На конференции присутствовали представители от каждого государства, подписавшего Акт. Атмосфера конференции была ещё не столь открытой. Позиция демократических стран не была твёрдой. СССР продолжал отстаивать свой принцип невмешательства одного государства во внутренние дела другого государства. Однако на конференции нашлись люди, которые смогли открыто и жестко выступить с критикой политики СССР. Таким человеком оказался Артур Гольдберг, представитель США. Европейские страны не решились поддержать американскую делегацию. Но все-таки это была первая международная встреча на правительственном уровне, где Советскому Союзу открыто предъявили обвинения в области прав человека. Беспрецедентной была и постановка вопроса: на Белградской конференции использовались материалы независимых общественных ассоциаций - Хельсинских групп, то есть претензии советских граждан к своему правительству. Это была уже большая победа правозащитников. Это был первый шаг правительств демократических стран Запада навстречу силам либерализации в СССР. Но в Советском Союзе Белградская конференция не могла не вызвать разочарования. Хотя главная цель была достигнута - свободный мир узнал о требованиях советских граждан, не было ожидаемого результата - снижения репрессий.

Гольдберг был разочарован тем, что не получил поддержки своих действий даже со стороны членов своей делегации. Он осознал необходимость создания подобной МХГ организации в своей стране[2. Р. 15]. На тот момент в США уже существовало достаточно много правозащитных организаций, основными задачами которых было наблюдение за ситуацией с правами человека в своей стране. Таким образом, идея создания подобной организации, но с другим названием была бессмысленной. Видные представители правозащитных кругов Америки осознавали необходимость помощи и давления на ту страну, в которой правозащитников ожидала участь заключенных. Инициатива А.Гольдберга была с энтузиазмом встречена ведущими представителями американской независимой прессы Джери Лейбер и Робертом Бернштейном. В 1978 году была создана хельсинская группа США – Helsinki Watch (позже Human Rights Watch). Открыто заявленной миссией американского хельсинского комитета, было наблюдение (мониторинг) за состоянием прав человека во всех государствах, подписавших Хельсинское Соглашение, и в первую очередь в СССР и странах Варшавского Блока[1]. В своём первом пресс-релизе организация заявляет о себе следующим образом: «Мы ответили на призывы Московской Хельсинской Группы к образованию хельсинских групп во всех странах, подписавших хельсинские соглашения. Мы будем способствовать в своей работе освобождению находящихся в местах лишения свободы хельсинских наблюдателей. Мы будем подвергать критике также и нарушения условий хельсинских соглашений американскими властями, а также будем показывать на своём примере как должны и могут осуществлять свою деятельность хельсинские комитеты в свободном обществе» [2. Р. 22].

Этот шаг Helsinki Watch был поистине революционным. Ведь до той поры (конец 70-х годов XX века) правозащитным мониторингом в зарубежных странах занимались лишь такие международные организации, как Международная Амнистия или Международная Федерация по Правам Человека (FIDH), созданная в 1922 году, со штаб-квартирой в Париже.

Первоначально весь штат американского хельсинского комитета состоял из нескольких человек. Президентом стал сам Роберт Бернштейн, в Комитет вошли также Эрайэр Найер, известный юрист и национальный директор Американского Союза Гражданских Свобод (ACLU) и Джери Лейбер, активистка борьбы за гражданские права в США. Немного позже в Комитет вошел один из ведущих американских юристов по международному праву Джероме Шесток, основатель и директор Комитета

юристов по гражданским правам и основатель и председатель Комитета юристов по правам человека[2. Р. 22].

Окончательное становление организации произошло только в 1989 году, когда были объединены 4 её комитета. Как было сказано выше, вначале был создан хельсинский комитет (Helsinki Watch). Его целью было отслеживать процесс соблюдения условий хельсинского соглашения странами советского блока, в частности деятельность комитета была направлена на рассмотрение нарушения прав политических заключенных. Тремя годами позже организация расширяет сферу своей компетенции, организовывая американскую секцию (Americas Watch). Его целью было нанесение удара по установившимся режимам диктатур на территории Латинской Америки.

Следующей важной вехой в развитии организации стало основание азиатского комитета (Asia Watch) в 1985 году. В 1988 году была основана африканская секция (Africa Watch). Для исследования организация определила для себя две приоритетные области – Южная и Центральная Африка. Выбор обосновывался событийной картиной в каждой из стран. В 1989 году была создана ближневосточная секция (Middle-East Watch). В данном регионе организации пришлось столкнуться с нелегкими задачами – неготовность некоторых правительств на Ближнем Востоке даже признать, что они обязаны подчиняться международным стандартам прав человека; трудности и опасность проведения различных расследований в некоторых странах; отсутствие местных правозащитных групп, за исключением Израиля и оккупированных им территорий, Египта, Алжира, Марокко и Туниса. Тем не менее, к концу 1989 года ближневосточной секции HRW удалось провести расследования в области нарушений прав человека в некоторых странах региона[3].

Хотя каждая из секций организации благополучно провела свою работу в обозначенных регионах, вскоре возникла необходимость в консолидации совместных усилий, в укрупнении самой структуры Human Rights Watch [2. Р. 28]. Эти настроения были продиктованы суровыми условиями времени, увеличением конфликтов, связанных с правами человека, по всему миру. Требовалось вмешательство не маленькой группки правозащитников-добровольцев, а уже солидной и значимой для акторов международной политики правозащитной организации. Ответом и стало создание в 1989 году единой организации Human Rights Watch, объединившей все комитеты.

В соответствии с Уставом HRW главным должностным лицом организации является Исполнительный Директор. Исполнительный Директор осуществляет управление делами организации и обладает

полномочиями приводить в исполнение все распоряжения и резолюции, принятые Советом Директоров организации. Исполнительный Директор является официальным представителем организации. Совместно с Советом Директоров Исполнительный Директор занимается кадровыми вопросами. В полномочия Директора также входит поиск средств на нужды организации[4]. На данный момент исполнительным директором HRW является Кенет Рот. Пост исполнительного директора Рот занимает с 1993 года. С 1987 по 1993 год Кенет Рот был заместителем директора организации. До этого он был федеральным обвинителем в южном округе Нью-Йорка. Рот вел расследования по всему миру, уделяя особое внимание вопросам правосудия. Его статьи можно найти в таких изданиях, как «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост», «Форин Эфэйрс», «Вол Стрит Джорнал». Он очень часто появляется на телевидении, в том числе на таких каналах, как NPR, BBC и CNN. За те годы, в течение которых Рот является директором, численность сотрудников организации значительно увеличилась, расширился географический охват, добавились проекты, посвященные беженцам, правам детей, академической свободе, международному правосудию, СПИДу и др.[5].

Другими должностными лицами организации являются Председатель, один или более заместителей председателя, Секретарь, Казначей, Заведующий Финансами. Один и тот же человек может пребывать в двух должностях за исключением совмещения должности исполнительного директора с должностью Секретаря. Должностные лица избираются на ежегодном заседании Совета Директоров большинством лично голосующих директоров и пребывают в должности в течение трёх лет и до момента законного вступления в должность избранных им на смену квалифицированных приемников, но при условии, что каждый из директоров будет пребывать в должности директора до момента истечения срока пребывания в должности директора либо до момента законного вступления в должность избранного ему на смену квалифицированного приемника; а также при условии, что Исполнительный Директор будет пребывать в офисе в течение одного года либо до момента законного вступления в должность избранного ему на смену квалифицированного приемника. Совет Директоров имеет право отстранить любое должностное лицо от должности в любое время безо всякой причины или повода[4].

Председатель играет ведущую роль на всех заседаниях директоров и исполняет обязанности, возложенные на него по должности, а также другие обязанности, делегированные ему Советом Директоров.

Во время отсутствия, нетрудоспособности или болезни Председателя, Заместитель Председателя исполняет обязанности Председателя. Во

время замещения должности Председателя, Заместитель Председателя обладает всеми полномочиями и подчиняется всем требованиям и ограничениям, связанным с должностью Председателя. Заместитель Председателя также может обладать дополнительными полномочиями или освобождаться от обязанностей по указанию Председателя Совета Директоров[4].

Казначей заведует всеми фондами и ценными бумагами организации. Он уполномочен подписывать чеки, указания к оплате, расписки и другие распорядительные финансовые документы. Казначей обязан содержать полную и точную документацию о получении и выплате средств организации. Он представляет отчёт обо всех перемещениях средств и финансовом состоянии организации по требованию Исполнительного Директора и других директоров.

Секретарь уполномочен Советом Директоров подписывать все бумаги, используемые в процессе переговоров. Секретарь заведует перепиской организации по указанию руководства и исполняет все обязанности, связанные с должностью, а также ведёт протоколы заседаний Совета Директоров[4].

Распределение персонала организации происходит на основе двух принципов: тематического и территориального. На основе территориального принципа в организации существует 5 отделов: Африка, Америки, Азия, Европа и Центральная Азия, Ближний Восток и Северная Африка. Каждый из этих пяти отделов проводит мониторинг за ситуацией в области прав человека в государствах, входящих в регион, закреплённый за отделом.

На основе тематического принципа существуют 3 отдела: по правам женщин, правам детей, по вопросам оружия. Тематические отделы в процессе своей работы тесно взаимодействуют с региональными отделами. По проблематикам, входящих в компетенцию того или иного отдела, тематические и территориальные отделы совместно работают над докладами, а также разрабатывают общую линию лоббирования. Каждый тематический отдел, как и территориальный, имеет значительную степень автономии в рамках организации – имеет свой собственный бюджет и штат сотрудников. Также как и региональные отделы, тематические взаимодействуют с остальным персоналом HRW в ходе работы над докладами, разработки курса организации, общего курса взаимодействия со СМИ, а также проведения кампаний по лоббированию. В каждом отделе существует свой исполнительный директор.

Руководство и управление делами организации возлагается на Совет Директоров. Совет Директоров состоит из 34 директоров, которые

подразделяются на 3 категории в целях распределения срока пребывания в должности. Совет имеет полномочия назначать исполнительного директора, одобрять бюджет организации, разрабатывать стратегический курс организации, изыскивать средства на нужды организации. Для ведения текущих дел, Совет Директоров проводит очередные заседания в январе, апреле, июне и октябре. Очередное заседание в апреле является также ежегодным заседанием, на котором избираются директора и сотрудники. Секретарь может созывать внеочередные заседания Совета Директоров по указанию Председателя, Совета Директоров, либо двух членов Совета Директоров. Совет Директоров может действовать в любой момент времени без предварительного заседания на основании единогласного письменного согласия всех директоров на резолюцию разрешающую данное действие, а также любое другое действие, которое могло бы быть иначе одобрено на заседании Совета. Директора не получают компенсацию за свою работу; но их расходы на участие в заседании Совета могут быть возмещены по решению Совета. Председатели Комитетов Совета Директоров образуют Исполнительный Комитет организации[4].

В разные годы в Совет Директоров Human Rights Watch входили, например: президент фонда Макатуров, Джонотан Фэнтон, один из основателей организации, Р. Бернштейн, редактор журнала «Foreign Affairs», Дж. Хог, профессор Колумбийского университета, Эндрю Натан, консультант Института Открытого Общества, Майя Уилей, президент корпорации Карнеги в Нью-Йорке, Варган Грегорян и другие[6].

В организации не предусматривается членства. Это коренным образом отличает её от многих других правозащитных неправительственных организаций, в том числе одной из самых известных, Международной Амнистии[4].

В структуру организации входит также Совет Human Rights Watch. В него обычно входят лица, занимающие высокое положение в обществе, пользующиеся уважением и авторитетом в деловых кругах. Они не являются полноценными сотрудниками организации. Они лишь являются некой базой поддержки её деятельности. Главной функцией Совета является привлечение внимания высокопоставленных лиц, главным образом политиков, к проблеме прав человека. Члены Совета организуют встречи с представителями различных кругов общества, от которых зависит решение той или иной проблемы, связанной с правами человека. Ключевой задачей Совета является изыскание финансовых ресурсов для обеспечения деятельности организации. Совет состоит из пяти региональных комитетов: нью-йоркский, северный калифорнийский, южный калифорнийский, лондонский и общий комитет. В перспективе

возможно формирование новых комитетов Совета в Бостоне, Чикаго, Гамбурге, Брюсселе и Амстердаме.

В структуру HRW входят также консультативные комитеты по каждому из основных направлений деятельности организации (5 территориальных и 3 тематических). Директор определённого отдела созывает несколько раз в год членов консультативного комитета для проведения консультаций относительно стратегического курса организации и важнейших вопросов её деятельности. В каждом комитете есть должность председателя. В состав комитета входит около 30 человек[7].

Штаб-квартира организации находится в Нью-Йорке[4]. У организации существуют постоянные представительства в Вашингтоне, Лос-Анджелесе, Лондоне, Брюсселе и Москве. Исследователи и директора организации работают преимущественно в штаб-квартире, а также в Вашингтоне. Однако часть сотрудников, занимающихся расследованием и лоббированием, работает также за пределами США. Существует некоторая специализация главного управляющего персонала между основными постоянными представительствами организации. Так, нью-йоркский офис является рабочим местом для исполнительного комитета HRW, сотрудников департамента по лоббированию (в том числе в рамках ООН), связям с общественностью (включая издания), развитию (в том числе международный кинофестиваль HRW), финансам и управлению, правового департамента, кадрового департамента, а также большей части исследовательского персонала. Вашингтонский офис является местом работы для сотрудников, занимающихся лоббированием в пределах округа Колумбии, специализирующихся на США, а также значительной части исследователей HRW. Офисы в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско являются рабочими для сотрудников калифорнийского отделения Совета организации. В лондонском постоянном представительстве работает директор правового департамента, персонал, специализирующийся на распространении изданий организации на территории Европы, части сотрудников департамента развития, департамента по связям с общественностью, а также части исследовательского персонала. Брюссельский офис сфокусирован на лоббировании и связях с общественностью в Европе. В московском офисе работают сотрудники территориального отделения Европа и Центральная Азия.

При необходимости HRW размещает свои временные представительства в различных государствах мира. Так, по данным 2002 года, часть персонала организации базировалась в таких городах, как Сантьяго, Ташкент, Тбилиси, Фритаун, Кигали, Бужумбура, Бангкок, Гонконг, Пномпень[8].

Получив в 1993 году специальный консультативный статус при ЭКОСОС ООН, HRW обязалась проводить свою деятельность в соответствии с принципами и целями деятельности ООН. Своей целью организация видит защиту прав и свобод человека в различных уголках мира, в том числе предотвращение различных видов дискриминации, защиту политических свобод, защиту мирного населения во время вооружённых конфликтов, а также наказание нарушителей прав человека. Организация стремится содействовать изменению положения с правами человека в странах, где происходит их массовое и грубое нарушение. HRW своей обязанностью считает информирование широких слоёв мировой общественности о важнейших проблемах в области прав человека [8].

Принципы деятельности

Организация строит свою деятельность на основе следующих принципов: принцип международной солидарности, принцип универсальности, неделимости, неотчуждаемости, неотъемлемости, всеобщности, взаимозависимости и взаимосвязанности прав человека, принцип беспристрастности, независимости, демократии и взаимного уважения.

Главным орудием организации в борьбе с нарушениями прав человека является придание гласности и привлечение внимания широких слоёв общественности к фактам нарушения. Сравнивая методы работы HRW с другой всемирно известной правозащитной организацией Международной Амнистией можно обнаружить существенные различия. Главным орудием последней является привлечение в свои ряды сторонников идеи защиты прав человека. HRW не ставит перед собой таких целей.

Для достижения главных целей организации ею был разработан чёткий механизм действий, состоящий из нескольких ступеней.

Первой ступенью, с которой начинается любая кампания HRW по защите прав человека в том или ином регионе мира, является организация расследования фактов нарушений прав человека. С этой целью исследователи организации отправляются с миссиями в различные страны, где проводят беседы с жертвами нарушений прав человека, свидетелями и другими субъектами, имеющими отношение к фактам нарушения. Часто в ходе расследования организация проводит мониторинг, осуществляемый квалифицированным юридическим персоналом организации и касающийся в основном вопросов международного правосудия. Иногда в миссиях по установлению фактов принимают участие представители Совета HRW. В большинстве своём подобные миссии проводятся в условиях непосредственного протекания какого-либо конфликта. Организация

стремится оперативно реагировать на поступающие сведения о нарушении прав человека. Таким образом, зачастую исследователям HRW приходится работать в небезопасных условиях. В организации существуют специальные учебные программы для подготовки персонала для исследовательских миссий, в ходе которых сотрудников инструктируют о том, как вести расследование и что делать в случае столкновения с правоохранительными органами. Персонал проходит детальный инструктаж по методам интервьюирования и сбора показаний свидетелей. Сотрудники, впервые отправляющиеся на подобную миссию, должны сопровождаться опытными коллегами[9].

После того, как было выявлено, что в стране действительно были нарушены права человека и были установлены конкретные факты нарушений, организация начинает проводить меры по приданию публичности этим нарушениям. У HRW существует несколько способов информирования общественности о проблемных ситуациях с правами человека. Главным образом, детальное изложение всех установленных фактов нарушений прав человека организация публикует в своих докладах. Доклады могут быть посвящены как одной определённой проблеме, так и включать в себя информацию о ситуации с правами человека в нескольких странах. Существует Ежегодный Доклад HRW. Доклады организации имеются как в печатной версии, так и размещаются на персональном сайте организации. Помимо докладов организация публикует различные издания. Как правило, издания посвящаются ситуации в одной стране, где отмечены особенно серьёзные нарушения прав человека. Представители HRW постоянно взаимодействуют со средствами массовой информации, делают публичные заявления, дают интервью, публикуются в самых популярных периодических изданиях.

После того, как были публично представлены факты нарушения прав человека, организация начинает искать поддержку (нефинансовую) в определённых вопросах прав человека у различных властных структур и институтов, как международных, так и национальных. Из международных организаций она поддерживает тесный контакт, главным образом, с ООН, Советом Европы и Европейским Союзом. Организация пытается также установить диалог, если это целесообразно, с властями страны, где происходят нарушения прав человека. Внутри организации существуют различные способы лоббирования интересов во властных структурах. Рассмотрим самые главные из них.

Одним из самых распространённых способов лоббирования является направление писем и заявлений в различные инстанции и властные структуры. У этого вида лоббирования есть несколько преимуществ. Во-

первых, благодаря письмам Human Rights Watch просвещает и информирует отдельных индивидов в вопросах прав человека. Во-вторых, письма побуждают некоторых политиков к принятию каких-либо решений в области прав человека. Хотя процесс составления каждого письма отличается от другого, обязательным является рассмотрение директором отдела содержания каждого из них. В независимости от того, кто является непосредственным получателем, все письма считаются открытыми для общественности, если иное не оговорено[10].

Другим способом лоббирования являются личные встречи или телефонные беседы с должностными лицами. Как правило, эти встречи и беседы являются неофициальными и могут состояться только при личном знакомстве с представителями HRW. Данная форма взаимодействия является едва ли не самой эффективной, особенно когда интересы организации отстаивает член её Совета, выступающий не только как сотрудник HRW, но и в личном качестве. В Совет HRW обычно входят лица, занимающие высокое положение в обществе, пользующиеся уважением и авторитетом в своих кругах. Они не являются полноценными сотрудниками организации. Главной функцией Совета является привлечение внимания высокопоставленных лиц, главным образом политиков, к проблеме прав человека. Подобные встречи могут послужить стимулом к переменам, а также нести в себе информационную и просветительскую роль. Встречи могут помочь выявить вопросы, по которым могут возникнуть разногласия и противоречия. Также в ходе встречи может выясниться наличие неверной информации у собеседника. Позиция лица, представляющего организацию, на предстоящей запланированной встрече должна быть чётко согласована с компетентным в этой области сотрудником организации. Также проводится установочное заседание с участием заинтересованных сотрудников организации и предполагаемых участников встречи, на котором обсуждаются все вопросы, касающиеся предстоящей встречи. Здесь вырабатывается единая позиция организации по обсуждаемому вопросу, прорабатываются предполагаемые сценарии встречи, возможные вопросы. Если на встрече будут присутствовать несколько человек, то каждому из них отводится определённая роль. Иногда действительные цели переговоров значительно отличаются от официально заявленной повестки дня, поэтому на установочном заседании предполагаемые участники должны быть поставлены об этом в известность. Если со стороны организации на встрече выступает член её Совета, непременно на установочном заседании он обязан заявить о каких либо дополнительных аспектах профессиональной деятельности помимо работы в HRW, если таковые имеются. Если член Совета в силу своего профессионального

положения не может в ходе беседы касаться политических вопросов, тема переговоров может быть искусно завуалирована, а цели слегка приуменьшены. В процессе переговоров должна поддерживаться обратная связь с компетентным лицом HRW[10].

Следующим способом лоббирования являются письма в редакцию периодического издания и статьи с изложением позиции организации по какому-либо вопросу в прессе. Данный способ является весьма эффективным способом привлечения общественности к участию в обсуждении политических проблем, особенно если авторами статей и писем являются представители упомянутого выше Совета организации. Авторитет и высокое положение в обществе этих людей заставляет общественность прислушаться к выражаемому ими мнению. Также как и при организации встречи с представителями власти, процесс составления того или иного публичного документа координируется компетентными сотрудниками Human Rights Watch. Главным образом, представитель Совета должен сотрудничать с Департаментом по связям, что является необходимым для обеспечения соответствия содержания отдельного письма или статьи общему характеру взаимодействия организации со СМИ. В прессе обычно статьи организации публикуются за подписью исполнительного директора или главного координатора определённой кампании.

Еще одним способом лоббирования являются публичные заявления организации. Они могут быть сделаны в различной форме – в виде открытого письма (объявления) в «Нью-Йорк Таймс» или «Лос-Анджелес Таймс», также в форме заявления распространяемого по Интернету или посредством электронной почты. Публичное заявление может также быть сделано в форме выступления, например, могут быть даны показания в присутствии городского совета, профессиональной ассоциации и любой официальной структуры, которая может прямым или косвенным образом повлиять на решение определённой проблемы, связанной с правами человека[10].

Организация также может продвигать свои вопросы и проводить политику лоббирования посредством участия в публичных форумах. По всему миру ежегодно проходит огромное количество конференций, собраний, лекций, слушаний, симпозиумов, посвященных различным проблемам, которыми занимается организация в процессе своей работы. Ввиду ограниченных людских ресурсов организация, к сожалению, не может посетить все интересующие её форумы[10].

Human Rights Watch является независимой неправительственной организацией, осуществляющей свою деятельность за счёт пожертвований

от частных лиц и фондов со всего мира. Организация не принимает финансовой поддержки от правительств и государственных фондов[8]. Первые правозащитные акции будущей Human Rights Watch, начали проводиться с 1977 года, когда основатель организации, Б.Бернштейн, руководил Фондом за свободу слова (Fund for free expression). Именно в этом году начал осуществляться один из первых проектов Фонда, заключавшийся в распространении британского журнала «Показатель цензуры»(Index on Censorship). В журнале публиковались работы запрещённых писателей со всего мира[2. P. 83].

В рамках Фонда за свободу слова Б.Бернштейном была инициирована кампания против нарушений прав человека иранским шахом. В Нью-Йорке было запланировано проведение званного ужина в честь иранского шаха и его супруги, финансовую поддержку которому оказывали многие видные и высокопоставленные люди города. Бернштейн решил разослать письма каждому из спонсоров с подробным изложением всех нарушений прав человека, имевших место во время правления шаха, а также с призывом выразить протест против подобного положения вещей и оказать поддержку видному иранскому писателю. Под обращениями подписалась группа американских писателей. Реакция у получивших письмо была различной. Некоторые восприняли этот шаг, как личное оскорбление, другие приняли информацию к сведению и позже подняли этот вопрос на обсуждение. Несколькими месяцами позже иранскому писателю Голамхосейн Саеди было разрешено покинуть Иран и осуществить визит в Фонд за свободу слова в Нью-Йорке [2. P. 84].

Бернштейн также руководил Международным Комитетом за свободу печати (Freedom to publish Committee), созданным в рамках ассоциации американских писателей в 1975 году. Позднее Комитет стал независимой от ассоциации структурой. Деятельность данной организации можно также отнести к ранним акциям тогда еще не оформившейся официально Human Rights Watch. Одна из первых акций Комитета была посвящена событиям в Аргентине. Известно, что в период правления в стране военной хунты, пропавшими без вести оказались более 30 000 человек, подозреваемых в симпатиях левым идеологическим течениям. Одной из жертв таких репрессий стал владелец одной столичной газеты, Джакобо Тимерман. Он был отправлен в тюрьму, где подвергался жестоким пыткам. Позже он был освобождён под домашний арест. Комитет убедил представителей школы журналистов при Колумбийском университете в необходимости организации встречи с Тимерманом. В 1979 году Тимерман был освобождён из под домашнего ареста. А по результатам его встречи с

Бернштейном, последним была опубликована книга «Заключенный без имени, тюремная камера без номера» [2. Р. 86-88].

Комитет устраивал встречи также с другими аргентинцами, в том числе с двумя основательницами правозащитных организаций. Обе женщины были объединены общим горем – их дети пропали без вести. Они выражали официальный протест каждый четверг на одной из площадей в Буэнос-Айресе [2. Р. 86-88].

В 1979 году одна из сотрудниц Хельсинского Комитета (Helsinki Watch), одного из отделений будущей Human Rights Watch, отправилась на книжную выставку в Москву. Там Джери Лейбер представилась не в качестве сотрудницы Helsinki Watch, а в качестве члена Американской Ассоциации Издателей. Настоящей целью её визита было установление контактов с представителями Московской Хельсинской Группы. Однако параллельно представительница Helsinki Watch проводила работу по линии Ассоциации Издателей, которая заключалась в анализе цензуры, организации встреч с советскими писателями-диссидентами и других мероприятиях. По результатам визита на выставку сотрудница опубликовала список запрещённых в СССР книг в «Нью-Йорк Таймс» [2.Р.109-119]. Эта информация появилась также в других западных газетах. В ходе визита в Москву сотрудница Helsinki Watch встречалась с Андреем Сахаровым и его женой, Еленой Боннер. По результатам встречи были опубликованы статьи, получившие широкий общественный резонанс. Позднее Helsinki Watch был опубликован доклад о заключённых советских правозащитниках «39 потерявших веру» (Thirty-nine who believed) [2. Р. 123].

В 1980 году открылась Мадридская конференция по проверке соблюдения условий хельсинских соглашений. Helsinki Watch сохраняла свое присутствие на протяжении всей конференции, длившейся около трёх лет. Организация оказывала давление на делегатов различными способами, основным из которых было распространение докладов организации, посвященных арестам правозащитников в СССР, Чехословакии, Польше. Также были распространены 9 докладов о соблюдении условий хельсинских соглашений американскими властями [2. Р. 127].

В сентябре 1981 года в Москве открылась третья книжная выставка. В это же время организация запланировала параллельно организовать встречу российских писателей эмигрантов в Общественной библиотеке Нью-Йорка. На встрече присутствовали 18 советских эмигрантов их разных стран, представивших свои книги, запрещённые на родине. Данное событие получило предварительную огласку в одном из номеров «Нью-Йорк Таймс», результатом чего стало появление огромного потока

желающих присутствовать на выставке, среди которых был и Джордж Сорос. В советской прессе на это событие отреагировали обличительной статьёй в Литературной газете[2. Р. 130-131].

В 1981 году к ключевым сотрудникам организации пришло осознание того, что деятельность организации должна выйти за пределы только сбора и последующего оглашения информации. Необходимо было получать информацию из первых рук, то есть направлять миссии организации по расследованию фактов нарушения прав человека в той или иной точке земного шара. Таким образом, осенью 1981 года одна из сотрудниц HRW Джери Лейбер отправилась с первой неофициальной исследовательской миссией по странам Восточной Европы (Чехословакия, Польша, Венгрия, Югославия). Главной целью этой поездки была встреча с местными правозащитниками и определение способов оказания им поддержки.

По результатам миссии в странах Восточной Европы Helsinki Watch была подготовлена статья для воскресного журнала Нью-Йорк Таймс, которая была отклонена редакцией по соображениям неактуальности темы репрессий против польской «Солидарности». Однако статья все-таки появилась, но не в «Нью-Йорк Таймс», а в «Голосе деревни» (Village Voice) от 23-29 декабря 1981 года под заголовком «Восточная Европа: Умершие мечты» (Eastern Europe: Dreams that died) [2. Р. 161]. В статье содержались следующие строки: « Восточно-европейская империя Советского Союза крошится по кускам. Карантин в Польше не предотвратит распространение заразы на другие страны, так как Польша – не источник инфекции, и не обладает противоядием. Переворот в Польше – это вспышка опасного инфекционного заболевания, наблюдавшегося у многих стран Восточной Европы на протяжении многих лет, возбудителем которого является реакция на господство Советского Союза, подавление национальных стремлений, политические репрессии и неумелое управление экономикой».

После завершения миссии в страны Восточной Европы Джери Лейбер отправилась на Мадридскую конференцию для распространения информации, полученной в результате поездки. Целью представителя Helsinki Watch было побудить представителей государств Западной Европы к более резкому осуждению нарушений прав человека. Представитель США на Мадридской конференции, Макс Кэмпельман, устроил для Лейбер встречу с участием 14 представителей, в основном стран-членов НАТО и нейтральных государств, в ходе которой им было рассказано о ситуации с правами человека в странах Восточной Европы. Многие из услышанного оказалось для присутствовавших новым и, судя по их реакции, неожиданным[2. Р. 162].

Американский комитет будущей Human Rights Watch - Americas Watch - проводил расследования в странах Центральной Америки. Главным объектом расследований организации стали нарушения прав человека в Сальвадоре. Americas Watch в первые годы своего существования направлял миссии в Сальвадор, где отслеживал и документировал действия американского правительства. В 1984 году американский комитет организации выпустил первый доклад по Сальвадору «Защищая слабых и невооружённых». Доклад сыграл важную роль в решении президента Дуарте в 1984 году запретить нападения на мирных жителей с воздуха. Воздушные атаки практически прекратились к 1987 году. В период с 1984 по 1992 год в каждом из выпускаемых американским комитетом докладов содержался раздел, посвящённый нарушениям международного гуманитарного права правительством и другими силами. В 1985 году комитет открывает своё представительство в Сан-Сальвадоре под руководством адвоката Джемеры Роун. Организация свидетельствует на слушаниях конгресса против заявлений Госдепартамента США о наблюдающемся прогрессе в Сальвадоре. Во время войны в Сальвадоре Americas Watch вёл открытый публичный диалог с участниками конфликта относительно нарушений норм гуманитарного права.

Доклады американского комитета произвели неизгладимое впечатление на американское общество, ответившее правительству публичным протестом. В результате конгресс был вынужден в декабре 1981 года принять закон о проведении регулярных слушаний относительно военной и экономической помощи американского правительства Сальвадору. Частичный прогресс в этом деле начал наблюдаться с 1983 года, когда новый посол США в Сальвадоре, Томас Пикеринг, официально признал факт существования связи между сальвадорскими военными и убийствами в стране. В декабре 1983 года вице-президент, Буш, отправился в Сальвадор, где с тридцатью одним представителем военной верхушки заявил, что прекратит оказывать военную помощь, если убийства будут продолжаться. После этого ультиматума количество жертв резко упало[2. Р. 169].

Американский комитет также документировал нарушения прав человека обеими сторонами конфликта в Никарагуа. В апреле 1984 года комитет выпустил первый доклад по этой стране, где описывались нарушения норм гуманитарного права контрреволюционными силами (контрас). В марте 1985 года в свет вышел доклад «Нарушения норм гуманитарного права (1981-1985) обеими сторонами конфликта в Никарагуа», ознаменовавший собой первую попытку какой-либо правозащитной группы проанализировать нормативно-правовую базу в

области внутренних вооружённых конфликтов. Доклады по этой стране оказали немалое влияние на споры внутри Конгресса США относительно финансирования и вооружения «контрас». Описание грубейших нарушений прав человека группировкой «контрас» радикально противоречило тому образу, который создавала администрация Р.Рейгана для данной повстанческой группы. В 1986 году американский комитет выпустил доклад, посвященный мирным жертвам неизбирательного применения обеими сторонами конфликта в Сальвадоре и Никарагуа противопехотных мин. Данный доклад основывался на материалах бесед с пострадавшими и содержал детальный анализ комплекса правовых норм относительно применения противопехотных мин и других подобных видов оружия. В результате расследования было выяснено, что «контрас» не только не избирательно, но и намеренно использовали мины против мирных жителей.

Доклады американского комитета, особенно по Сальвадору, широко освещались в СМИ. В них нуждались те, кто искал максимально достоверную и независимую информацию. Комитет посылал многочисленные миссии в страны Центральной Америки, которые были возможны благодаря географической близости региона и свободному въезду сотрудников организации в любую из стран в качестве правозащитников. Так как правительства стран региона очень хотели повлиять на американское общественное мнение, представителям организации оказывался весьма почтенный приём. Представители власти часто лично встречались с сотрудниками организации. Доклады американского комитета тщательно изучались Госдепартаментом США, который часто оспаривал некоторые факты и детали.

К концу 80-х годов комитет работал как средний издательский дом, выпуская в год в среднем около 50 докладов.

В 1982 году у сотрудников организации появилась идея создания Международной Хельсинской Федерации, объединяющей все хельсинские комитеты в странах Западной Европы. Идея создания данной структуры вынашивалась в течение нескольких лет, а в 1982 году было окончательно решено создать Федерацию. Предполагалось, что страны Западной Европы смогут с большим успехом оказывать давление на СССР. На тот момент в странах Западной Европы почти не существовало хельсинских организаций. Human Rights Watch взяла на себя задачу инициирования создания данных структур. Встреча ещё не существовавших хельсинских групп из Западной Европы была запланирована на сентябрь 1982 года в Белладжио, Италия. Финансовую сторону её организации пообещал взять на себя фонд Рокфелера. К этому времени за восемь месяцев сотрудникам Human Rights Watch пришлось приложить максимум усилий, чтобы создать

подобие сети хельсинских организаций по всей Европе. В феврале-июне 1982 года сотрудница HRW Джери Лейбер отправилась с этой целью в поездку городам Европы (Женева, Цюрих, Париж, Лондон, Мадрид, Милан, Флоренция, Рим, Вена, Инсбрук, Амстердам). В Норвегии и Нидерландах хельсинские группы уже существовали. Наконец встреча хельсинских комитетов состоялась в сентябре 1982 года. На ней присутствовали представители от США, Канады и стран Западной Европы. На встрече не присутствовали группы из стран Восточной Европы, СССР и Турции, так как их члены опасались ответных репрессий со стороны своих властей. Тем не менее, эти страны представляли обозреватели-эмигранты. К середине второго дня конференции в Белладжио было принято решение о создании Международной Хельсинской Федерации со штаб-квартирой в Вене. Главными задачами организации объявлялись защита прав хельсинских групп в странах Восточной Европы и СССР и содействие созданию хельсинских групп[2.Р.174-183].

В феврале 1983 года два сотрудника HRW отправились в поездку в Прагу и в Бухарест. Целью их визита в Чехословакию было выяснение следующих вопросов: Каково количество политзаключённых в Чехословакии? Как с ними обращаются? Могут ли заключенные встречаться с членами своих семей? Наблюдается ли в стране антисемитизм? В ходе своего пребывания в стране произошло их столкновение с властями Чехословакии, в результате чего представители HRW были вынуждены покинуть страну[2.Р.202-208].

Летом 1983 года в офис HRW пришла турчанка, являющаяся родственницей одной заключённой в Турции. Она просила сотрудников HRW помочь в освобождении своей сестры Гюльзат Айгун. Так как Турция подписала хельсинские соглашения, организация имела полное право проводить мониторинг за соблюдением условий соглашений турецкими властями. 24 сентября 1983 года два сотрудника организации отправились в Анкару для выяснения положения по этому делу. В ходе поездки они собрали информацию о грубейших нарушениях прав человека со стороны турецкого правительства. Стало известно, что в стране практикуются пытки, парламент был распущен, запрещены независимые институты власти[2.Р.214-215].

Вскоре после приезда в США HRW опубликовала статьи по делу Гюльзат Айгун в «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост». HRW также начала проводить кампанию в защиту интересов турецкой мирной ассоциации. Сведения об ассоциации были переданы редакционному совету «Нью-Йорк Таймс», в результате чего в июне 1984 года в газете появилась статья от редакции под заголовком «Плохое зрелище в

Турции»(Bad show – In Turkey). В июле 1984 года помощник госсекретаря США по вопросам прав человека, Эллиот Абрамс, отправился в Анкару. Однако ответные действия Абрамса оказались совершенно непредсказуемыми, выразившиеся в появлении по истечении месяца после встречи, статьи в «Таймс» под заголовком «Близорукость правозащитников» (The Myopia of Human Rights Advocates). В статье американский дипломат подверг правозащитников из Европы и США жёсткой критике. Он указал на их слабую информированность, голую уверенность в своей правоте и ограниченность анализа исследуемых вопросов. В частности, были перечислены такие организации, как Совет Европы, Международная Амнистия и Helsinki Watch.

HRW ответила на нападки Абрамса в статье той же «Таймс» от 16 августа, где указала на тот факт, что дипломат почему то «никогда не обвинял организацию в ограниченности аналитической составляющей её исследований, когда дело касалось нарушений прав человека в странах советского блока. Может быть дело в политической выгоде?». Организация также обвинила дипломата в том, что «он отказался посетить одно из самых ужасных мест в Турции – Диярбакирскую тюрьму».

В середине 80-х годов HRW проводила расследования в Афганистане. В основном дело касалось военных преступлений, совершаемых советскими солдатами против мирного афганского населения. По результатам визитов в эту страну HRW совместно с профессором политических наук Йельского университета (США) публикует книгу «Умирающая нация» (A nation is dying). Позднее по афганской проблеме было написано ряд статей в «Нью-Йоркском обозрении» (New York Review). Большую часть своих миссий HRW проводила в Пешаваре[2.P.232-235].

В 1985 году было опубликовано несколько докладов организации по Чехословакии, Польше, Румынии, Афганистану, Канаде и США. Осенью 1985 года страны, подписавшие хельсинские соглашения, планировали провести культурный форум в Венгрии. Параллельно HRW решила провести свою конференцию в Будапеште и тем самым проверить венгерские власти на верность принципам свободы собраний. Во время открытия правительственного Хельсинского Культурного Форума 15 октября 1985 года в Будапеште открылась неофициальная встреча более 50 человек из 30 стран, приглашённых Международной Хельсинской Федерацией. Однако под давлением советской стороны встреча была запрещена, а её участников просто выгнали из отеля, где они собрались. Группа обратилась с протестом в МИД Венгрии. Участникам встречи ни оставалось ничего, как только собраться не в общественном месте[2.P.242].

Приход к власти в СССР Горбачёва заставил правозащитников ожидать крутых перемен. Разочарования HRW относительно тактики новых советских властей сразу нашли отражение в статье организации в «Нью-Йорк Таймс» от 8 июля 1985 года под заголовком «При Горбачёве старые репрессии». Автор статьи, Роберт Бернштейн, обратил внимание на положение находящегося в тюрьме, А.Щаранского и находящегося в изгнании, Ю.Орлова. Также говорилось о Сахарове, который находился в ссылке в Горьком[2.Р.247-248].

В день десятой годовщины основания Московской Хельсинской Группы три её основателя приехали с визитом в штаб-квартиру HRW. По этому поводу в «Нью-Йорк Таймс» появляется статья HRW, главное внимание в которой уделяется основателю Московской Хельсинской группы Ю.Орлову. Вскоре освобожденный Ю.Орлов прибыл с визитом в Нью-Йорк[2.Р.249].

После распада СССР и Восточного блока Хьюман Райтс Вотч активизировала свою работу в тех регионах мира, которые ранее находились вне поля зрения правозащитников (Тропическая Африка, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток) и стала самой крупной международной правозащитной организацией в мире.

За последние два десятилетия HRW провела огромное количество кампаний и добилась впечатляющих результатов, приведем лишь некоторые из них:

В Китае Хьюман Райтс Вотч составила графические показатели о жестокостях, которым подвергались китайские политические заключенные, и использовала эту информацию в кампании по блокаде выборов Пекина столицей Олимпийских игр в 2000 году. Хьюман Райтс Вотч активно пыталась блокировать торговые привилегии Китая.

В Руанде Организация была первой, кто показал, что геноцид был не неизбежным результатом давней вражды, а продуктом циничных попыток государственных чиновников сохранить власть, что послужило важным шагом навстречу привлечению виновников этой массовой резни к ответственности. Хьюман Райтс Вотч первой раскрыла роль правительств Китая, Франции, ЮАР и Заира в отправке вооружения силам изгнанной Руандской армии в то время, когда она находилась в Заире, готовая вернуться в Руанду и возобновить резню.

В Германии организация документировала жестокие нападения на иностранцев представителями движений правых и неонацистов. Доклады, опубликованные в широкой печати, помогли вынудить правительство Германии обеспечить безопасность своему населению не немецкого происхождения и выступить моральным инициатором в поощрении мирного сосуществования представителей различных рас.

В бывшей Югославии Хьюман Райтс Вотч тщательно фиксировала зверства всех группировок и заняла ведущую позицию в удачной попытке создания трибунала международных военных преступлений, где эти свидетельства могли быть использованы для того, чтобы привлечь виновных к ответственности по закону.

На Гаити была проведена работа над тем, чтобы военные, ответственные за совершение массовых убийств, изнасилований, пыток и произвольных задержаний, которые они совершили до реставрации правительства Аристида, не были амнистированы.

В США Хьюман Райтс Вотч продемонстрировали отвратительные условия содержания заключенных в тюрьмах общего режима, несправедливые убийства, совершенные пограничными патрулями и неэтичное вмешательство врачей в казни.

В Ираке была начата кампания против геноцида курдов Саддамом Хуссейном для того, чтобы представить этот беспрецедентный случай суду мировой общественности. Хьюман Райтс Вотч отправила следователей эксгумировать массовые захоронения в Ираке и направила исследователей для изучения сотен тысяч захваченных секретных иракских документов для того, чтобы представить неопровержимые доказательства для судебного дела над участниками геноцида.

Хьюман Райтс Вотч помогла начать кампанию по запрещению противопехотных мин, которая охватила более чем 200 неправительственных организаций во всем мире и растущее число правительств[8].

В настоящее время Хьюман Райтс Вотч проводит новые правозащитные кампании, имеющие глобальный охват: «Смертная казнь в Соединенных Штатах Америки», «Кампания против торговли женщинами и девушками», «Прекратить использование детей в роли солдат», «Обратная сторона Канарских островов: нарушение прав мигрантов и беженцев», «Израиль, оккупированный берег реки Иордан, сектор Газа и территория Палестины» и многие другие[8].

Таким образом, значительные успехи в деятельности Human Rights Watch не оставляют сомнений в высокой эффективности и жизнеспособности данной организации. Сегодня Human Rights Watch является крупнейшей правозащитной НПО, пользующейся большим авторитетом в мире и обладающей безупречной репутацией независимой и беспристрастной организации, проводящей работу по раскрытию, прекращению и предотвращению нарушений прав человека в более чем 70 странах мира.

Глядя на повсеместные нарушения прав человека в современном мире, на жестокость и продолжающиеся конфликты, легко можно не заметить, сколь многого удалось достичь международному правозащитному движению. Права, закреплённые во Всеобщей декларации прав человека в 1948 г., вдохновили процессы, которым суждено было изменить современный мир. Они придали сил массовому движению против дискриминации по расовому и половому признакам, которое привело к глубоким переменам общества во многих странах. Заявленные во Всеобщей декларации права стали лозунгом, сплотившим быстро окрепшее правозащитное движение. Позже эти права были подробно разработаны и кодифицированы в международных соглашениях, равно как и в многочисленных национальных конституциях и законах. Именно они стали основополагающим фундаментом ООН и региональных инициатив по урегулированию вопросов в области прав человека, обеспечению безопасности, борьбе с бедностью, ликвидации неграмотности и укреплению сферы здравоохранения. То, что права человека стали одной из важнейших составляющих современной системы международных отношений, является несомненной заслугой международного правозащитного движения.

Библиографический список

1. Попов О. Human Rights Watch как политический инструмент либерально-космополитической элиты США / О. Попов [Электронный ресурс]. – URL: www.libereya.ru/public/popov/popov2.html
2. Laber J. The courage of strange / J. Laber. – New York, 2002.
3. Human Rights Watch: 20 years [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hrw.org/annual-report/1998/20years.html>
4. Устав «Хьюман Райтс Вотч» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hrw.org>
5. Human Rights Watch: bios [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hrw.org/about/bios/kroth.html>
6. Human Rights Watch. Annual Report, 2001 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hrw.org/annual-report/2001.pdf>
7. Human Rights Watch. Staff [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hrw.org/about/info/staff.html>
8. Human Rights Watch. Who we are [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hrw.org/about/whoweare.html>
9. Human Rights Watch. FAQ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hrw.org/about/faq/#3>
10. Human Rights Watch. Types of advocacy [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hrw.org/community/council/types_advocacy.htm

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ЗНАНИЯ, ВЛАСТЬ, УПРАВЛЕНИЕ

И.В. Ищенко

Применение системы менеджмента и качества при повышении конкурентоспособности региональных предприятий

Система менеджмента и качества продукции зависит от людей, их квалификации и способности постоянно совершенствовать свои навыки, что ложится в основу повышения конкурентоспособности предприятия.
Ключевые слова: конкурентоспособность, качество, менеджмент.

The system of management and quality of products depends on the people, their skills and the ability to constantly improve their skills, which is the basis for improving the competitiveness of enterprises .
Keywords: competitiveness, quality and management.

В соответствии с маркетинговой стратегией должны развиваться активы компании и ее технологический потенциал, поэтому необходима стратегия технического развития предприятия. Качество продукции и конкурентоспособность существенно зависят от качества и режима поставок материалов и комплектующих, следовательно, необходима стратегия взаимодействия компании с их поставщиками.

Создание и практическое использование системы менеджмента качества продукции зависит от людей, их квалификации и способности постоянно учиться и совершенствовать свои знания и умение, от их реального вовлечения в деятельность для решения проблемы качества.

Для планирования мероприятий по улучшению качества и устранению причин производства некачественных продуктов (услуг), выделение средств и людей для осуществления улучшений необходимы анализ и оценка затрат, связанных с качеством, и эффекта от улучшений, поэтому неотъемлемой составляющей стратегии компании является система прозрачного бухгалтерского и управленческого учета в рамках системы менеджмента качества продукции.

При формировании стратегии развития предприятиям региона следует уделять определению и развитию стержневой компетентности, т.е. тому комплексу взаимосвязанных ресурсов и внутренних возможностей компании, которые обеспечивают ее стратегическую конкурентоспособность, достижение устойчивых конкурентных преимуществ перед соперниками на рынке.

Формирование общей стратегии и комплекса функциональных стратегий компании предполагает не только разработку системы стратегических планов, но и формирование у руководителей и ведущих специалистов общего

стратегического мышления – скоординированного подхода к долгосрочным перспективам компании и принятию оперативных решений с ориентацией на них. Этого можно добиться, вовлекая в формирование стратегии более широкий круг людей, т.е. формируя соответствующую организационную культуру[2].

Стратегия качества (СК) должна рассматриваться как одна из важнейших функциональных стратегий и разрабатываться в виде неотъемлемой части общей стратегии компании, поэтому руководство компании, принимая решение о разработке и внедрении СК, должно задумываться о формировании всего комплекса стратегических компонентов.

Управление качеством предприятия необходимо рассматривать как совокупность организационной структуры, методик, технологий и ресурсов, необходимых для осуществления политики в области качества образования с помощью планирования, управления, обеспечения и улучшения качества.

Применительно к предприятию, TQM – это система организации производственного процесса, при которой весь персонал на всех уровнях участвует в непрерывном улучшении качества продукции, расширении их и совершенствовании самого производственного процесса. Наибольший эффект TQM дает при согласованном использовании этой концепции на уровнях:

- индивидуальном;
- отдела;
- подразделения и т.д.;

Требования к качеству процесса и результатам процесса не всегда очевидны заказчику. Поэтому необходимо стремиться к удовлетворению скрытых потребностей. При этом подразумевается, что результаты деятельности должны соответствовать заданным стандартам.

В основе концепции TQM в области управления конкурентоспособностью должны лежать следующие принципы[9]:

- качество должно проявляться не только в предлагаемых продукции, но и во всех сферах деятельности;
- качество требует усилий каждого работника. Персонал должен быть заинтересован в высоком качестве продукции и обучен добиваться его;
- для достижения высокого качества необходимо, чтобы партнеры работали на том же уровне. Действительно, качественно обучить специалиста можно лишь в том предприятии, в котором партнеры производят столь же высококачественные товары и

нуждаются в профессионально подготовленных специалистах. Значит, организация, которая стремится достичь высоких стандартов качества, должна подбирать посредников с такими же устремлениями; если их стандарты качества выше, организация должна бороться за повышение своих стандартов до их уровня. Таким образом, качество продукции должно соответствовать качеству выпускаемых товаров или услуг предприятий, на котором они будут работать;

—повышать качество продукции можно всегда. Самые передовые организации верят в «непрерывное совершенствование во всем». Лучший способ повысить качество— постоянно сравнивать продукцию предприятия с продукцией самых сильных конкурентов региона;

—иногда интенсификация труда дает лишь едва заметное повышение качества, а для серьезных улучшений необходим новый взгляд или принципиально иной подход;

—качество не может стоить слишком дорого. Порой руководство заявляет, что дальнейшее повышение качества нежелательно, поскольку вызывает новые затраты и замедляет темпы выпуска. Однако улучшение качества предполагает одновременно и поиск путей совершенствования организационного процесса. Качество нельзя добавить, оно должно быть встроенным. Совершенствование процесса обучения позволяет снизить общие расходы, а также повысить авторитет в глазах потребителя.

TQM требует умения работать в коллективе, поэтому критическим фактором успеха внедрения TQM на предприятии является организованное обучение. Начинать обучение надо с администрации, а затем переходить вниз по иерархии. Обучение сотрудников должно быть перманентным. Принятие системы качества управления конкурентоспособностью предприятиями должно быть стратегическим решением высшего руководства. Чтобы предприятие функционировало результативно, необходимо идентифицировать многочисленные взаимосвязанные виды его

деятельности и эффективно осуществлять их менеджмент. Подход, при котором идентифицируются процессы, протекающие внутри организации, и анализируется их взаимодействие, будем по терминологии называть «процессным подходом». С точки зрения процессного подхода, деятельность, использующая ресурсы и управляемая в целях обеспечения способности трансформации «входов» в «выходы», рассматривается как единый процесс некоторой системы $U = (u_1, u_2, \dots, u_n)$, где u_i – некоторый локальный процесс системы U (рис.1).

Рисунок 1 - Операционное преобразование входов системы в товар

Преимуществом процессного подхода является непрерывность управления, которое он обеспечивает в точках перехода между отдельными процессами внутри системы процессов, а также при их сочетании и взаимодействии.

Причем, как правило, «выход» одного процесса напрямую формирует «вход» следующего процесса (рис.2).

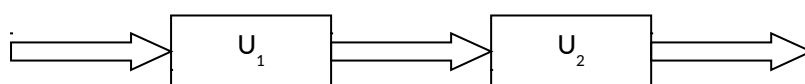

Рисунок 2 - Условия преобразования «входа» в «выход»

Модель системы управления конкурентоспособностью предприятия, с точки зрения процессного подхода, иллюстрирует принципиальную связь между процессами в системе предприятий. Рисунок 2 иллюстрирует, что заинтересованные стороны, то есть заказчики – руководство, играют значительную роль в определении требований, идентифицируемых в качестве «входа». «Выход» системы – это оценка заказчиками степени выполнения требований.

В концепции менеджмента качества при определении критериев уровня качества предлагается использовать комплексный подход.

Понятие «качество» может интерпретироваться как абсолютное, так и относительное. Как понятие абсолютное, качество - это наивысший стандарт, который невозможно превзойти. Как понятие относительное, качество имеет два аспекта. Первый — это соответствие стандартам, второй — соответствие запросам потребителя.

Задачей конкурентоспособности предприятия является оценка качества готовой продукции, а так же формирование рациональной организационной структуры, соответствующей тем требованиям, которые предъявляет современный рынок.

Библиографический список

1. Джуран, Й. Все о качестве: Зарубежный опыт [Текст] / Й. Джуран. – Вып. 2. – М.; 1993.
2. Андерсен Б. Бизнес-процессы: инструменты совершенствования: Пер. с англ. СВ. Ариничева / Научн. ред. Ю.П. Адлер. — М.: РИА Стандарты и качество. — 2007.
3. Виханский О.С. /Стратегическое управление [Текст]:учебник.- Изд-во: Гардарика,1998.-296с.
4. Дихтль Е., Хершген Х. Практический маркетинг. М.: Высшая школа- 1995.
5. Ковалев С/М. Выбор бизнес-процессов для оптимизации // Консультант директора. — 2005.
6. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. СПб: Питер Ком - 2008.
7. Родионова, Л.Н. Оценка конкурентоспособности продукции [Текст] / Л.Н. Родионова, О.Г. Кантор, Ю.Р. Хакимова // [Маркетинг в России и за рубежом](#). – №1, 2000.
8. Репин В.В., Елиферов В.Г. Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов. - М.: РИА Стандарты и качество. - 2007.
9. Толстых Т.О., Митина Н.Н., Ищенко И.В., Шеина Ю.В.// Формирование систем управления конкурентоспособностью региональных социально- экономических кластеров [Текст]: монография. - .: Изд-во «РГТЭУ», 2009. – 155с.

Проблема конвертации полученных знаний в практическую деятельность

Данная статья посвящена важному на настоящий момент вопросу – проблеме конвертации полученных знаний в практическую деятельность. В статье приведены возможные варианты разрешения данного вопроса.

Ключевые слова: образование, знания, конвертация знаний

The article is devoted to the crucial problem of the modern world, considering the issue of conversation of knowledge into practical skills. Optional ways of solution are also given in the article.

Keywords: education, knowledge, conversation of knowledge

Вопрос конвертации полученных знаний в практическую деятельность, а именно: использование их в профессиональной трудовой деятельности является одним из наиболее сложных вопросов для молодого специалиста. Данный вопрос приобретает все большую актуальность на настоящий момент. Зачастую выпускникам высших учебных заведений сложно подыскать работу по профессии, в связи с чем, молодой специалист вынужден устраиваться на иную работу, а полученные им профессиональные знания так и остаются не воплощенными на практике. Соответственно рассмотрение данного вопроса является необходимой частью выработки стратегии решения данной проблемы, что и послужило основой работы.

Уже будучи на втором-третьем курсе университета многим студентам приходится задаться вопросом устройства на работу. Разумеется, о работе по профессии в это время думать совершенно не приходится, тем не менее, студенты стараются подыскать максимально близкое направление, в целях применения уже полученных знаний на практике.

Приложение полученных теоретических знаний – важный этап в понимании специфики выбранного направления [2]. Теория и практика далеки друг от друга, хотя взаимозависимы и являются частью друг друга. Именно поэтому для молодого специалиста, окончившего высшее учебное заведение, возможность практического приложения полученного багажа знаний также важно как воздух. Только конвертация теории в практику поможет полностью окунуться в выбранную специальность и ощутить все нюансы работы в определенной сфере.

К сожалению, в настоящее время складывается несколько неблагоприятная ситуация, когда молодой специалист оказывается «за бортом»: работодатели не заинтересованы в специалистах, не имеющих

опыта работы, при этом наличие красного диплома, международных сертификатов и иных подтверждений высокого уровня квалификации соискателя практически не имеют значения. Для работодателей намного важнее, чтобы будущий работник уже имел определенный опыт работы, что позволит сократить затраты на его обучение, сократит время «вживания» нового сотрудника в свою должность.

В свою очередь, студенты во время обучения сталкиваются с проблемой нехватки времени для одновременного обучения и полноценной работы, что вынуждает их работать не по специальности, неофициально или не работать вообще, то есть возможность получения опыта работы по специальности практически сводится к нулю.

Получается замкнутый круг: для работы по специальности нужен опыт работы – для опыта работы нужна работа по специальности. Молодой специалист оказывается буквально «зажат» в таких рамках, в итоге, лишь небольшой процент выпускников получает работу, соответствующую полученному образованию.

Данная ситуация осложняется и тем, что вторым критерием отбора сотрудников для работодателей является возраст. Зачастую устанавливаются определенные рамки – возрастной ценз, ограничивающий круг кандидатов на вакантное место. В результате, даже если молодому специалисту по окончании высшего учебного заведения удастся набрать опыт работы, то работодатель, скорее всего, откажет ему в связи с несоответствием возрастному критерию.

Учитывая вышеизложенные проблемы целесообразно выявить возможные пути решения данного вопроса.

Изложенные методы решения проблемы и предложенные механизмы, нацеленные на конвертацию полученных знаний в практическую деятельность, сделаны, исходя из специфики отрасли международных отношений, как наиболее близких автору.

Таким образом, в данной работе рассматриваются следующие варианты решения проблемы использования молодым специалистом полученных знаний в профессиональной практической деятельности.

Во-первых, весьма удачным в сложившейся ситуации является пример японской системы образования [3]. В рамках данной системы, крупные предприятия, представители международных организаций и иные лица, заинтересованные в работниках определенной квалификации, обращаются в профильное высшее учебное заведение, отбирают определенных кандидатов, оплачивают их обучение и предоставляют возможность проходить практику, уже на начальных этапах обучения вникать в специфику получаемых навыков. Таким образом, получается

синергетический эффект: студент получает возможность обучаться, повышать уровень квалификации, на практике применять знания еще будучи студентом, а работодатель обеспечивает себя потенциальным высококвалифицированным работником, не просто имеющим опыт работы по специальности, но и получившим его на том предприятии, в той компании, частью которой он в последующем станет.

В настоящее время во многих высших учебных заведениях наблюдается усеченный вариант такого подхода: прохождение производственной практики. Однако стоит отметить, что период прохождения практики слишком мал для полноценного понимания сути работы, при этом отсутствует мотивация как для студентов, так и для предприятий/организаций в максимальном приложении знаний и конвертации их в практику.

Во-вторых, достаточно эффективным способом может стать возвращение к системе распределения студентов по окончании обучения в высшем учебном заведении. Такой метод целевого распределения активно использовался в нашей стране ранее, на настоящий момент лишь некоторые высшие учебные заведения предлагают своим выпускникам рабочие места по специальности. Несмотря на наличие серьезного недостатка в такой системе: целевые места работы не всегда соответствуют ожиданиям студентов (по заработной плате, месту расположения предприятия и прочим факторам), но именно такой механизм обеспечивает становление выпускника как специалиста в своей области через предоставление возможности реализовать полученные знания и принести реальную пользу своей деятельностью, воплотив их в работе.

В-третьих, одним из механизмов, способствующих превращению теории в практику, является возможность участия в программах «internship», то есть возможность стать волонтером в различных, в том числе в международных структурах, согласно получаемой профессии и уже на практике, так скажем, в режиме реального времени, приложить полученные знания в практическую деятельность. Данный механизм также основан на эффекте синергии: предприятия и организации получают работников, которые бесплатно (иногда за небольшую плату) трудятся на данном предприятии (организации). В свою очередь, молодой специалист получает бесценный опыт работы по специальности и реальную возможность получения трудоустройства, связанного с профессиональной деятельностью, поскольку указанные структуры заинтересованы в перспективных успешных сотрудниках.

К сожалению, такой способ приложения теоретических знаний до сих пор не получил широкого распространения в нашей стране. Во многом это

связано небольшим количеством мест и большим количеством анкет, документов, процедур, которые нужно подготовить, оформить, осуществить для того, чтобы стать волонтером. В то же время, нельзя не отметить, что подобные программы пользуются большой популярностью среди студентов, но сложности в прохождении этапов таких программ не позволяют стать им массовым и регулярным явлением, то есть не обеспечивают практического применения знаний большей частью студентов.

Таким образом, на настоящий момент, совершенно очевидно, что проблема самореализации для выпускников высших учебных заведений стоит достаточно остро.

Решение данного вопроса невозможно без привлечения руководства высших учебных заведений, которые могли бы взаимодействовать с предприятиями, организациями, органами власти для обеспечения студентов реальной возможностью применения теоретических знаний, полученных во время обучения, на практике.

Существуют различные варианты разрешения данной проблемы, и важной задачей является определение наиболее реального пути развития и совместное продвижение на пути к реализации [1].

Библиографический список

1. Акинфиева Н.С. Социальная целесообразность стратегических изменений в российском образовании / Н.С. Акинфиева // ВВШ. – М.: РУДН. - 2005. - №4. – С. 28.
2. Алферов Ю.С. Мониторинг развития образования в мире \ Ю.С. Алферов // Педагогика. – М.: «Просвещение», 2008. - № 7. – С. 73-84.
3. Джуринский А.Н. Развитие образования в современном мире. / А.Н. Джуринский. – М.: «Академия», 2006. – 176 с.

Пространство власти России: история и современность

Статья посвящена проблеме формирования пространства власти на основе взаимодействия власти и элиты. Российское пространство власти складывалось в условиях тождества элиты и бюрократии, а также тенденции к персонификации руководства и концентрации ресурсов. Российская Федерация является наследницей не только территории, собственности и Российской Империи, и Советского Союза, но и менталитета, в соответствии с которым правительство выстраивает свою политическую деятельность.

Ключевые слова: власть, гражданское общество, пространство власти, национально-государственные ресурсы

The article is devoted to the formation of the space power on the basis of cooperation between the authorities and the elite. Russian space authorities evolved in terms of the identity of the elite and bureaucracy, as well as the trend toward personalization of leadership and concentration of resources. The Russian Federation is the successor, not only the territory, and property of the Russian Empire and the Soviet Union, but also the mentality according to which the government is building its political activities.
Keywords: government, civil society, the space power, the national public resources.

Пространство власти – своеобразная сфера, где принимаются управленческие решения, и осуществляется непосредственное руководство государством. В пространстве власти разворачивается многовековое драматическое противостояние носителя власти и элиты.

В реалиях нашей исторической традиции, для которой в принципе характерна тенденция к персонификации и концентрации руководства, носитель власти обозначает номинального и одновременно фактического верховного правителя – великого князя, царя, императора, партийного вождя или президента.

Элита – не просто некий конгломерат групп, приближенных к власти. Именно через нее этот носитель исполняет управленческие функции. В эпоху Средневековья элита комплектовалась по сословному принципу. С наступлением Нового времени этот принцип стал вытесняться иным, ориентированным на профессиональную подготовку и причастность к чиновничьей корпорации. Тождественность элиты и бюрократии не только сохранилась после 1917 г., но и просуществовала до наших дней.

Для Запада оптимальной моделью развития стала модернизация – эволюционное обустройство бытия как отдельной личности, так и в целом всего общества в системе ценностей либерализма и поступательного

прогресса. Вся наша история была связана с принципиально иным – мобилизационным - развитием. Вызванная потребностью разрешения системных кризисов предельная концентрация национально-государственных ресурсов, выполнив свое целевое назначение, ослабевает, и начинают «проедаться» накопленные «запасы». Когда «проедать» уже больше нечего, опять наступает кризис, для преодоления которого снова требуется мобилизация [1; с. 107].

Модернизация неизбежно предполагает соучастие в управлении всего гражданского общества, которое фактически совпадает с пространством власти. То есть народ не только не выведен за границы этого пространства, но и является его важнейшим субъектом. Поэтому власть, функционирующая в режиме модернизации, всегда пребывает в рассредоточенном состоянии. В России не было гражданского общества, и свойственная ей мобилизационная модель развития неизбежно требовала максимальной концентрации власти.

История России убедительно свидетельствует, что даже находящаяся в одних руках власть может быть эффективной и малопродуктивной. Причиной этого является ее традиционная особенность: она по природе своей всегда была идеократической [2; с. 43].

Заимствование западного опыта модернизации в российских условиях оборачивалось наращиванием деструктивных антигосударственных тенденций, протагонистом которых становилась так называемая модернизационная среда, состоявшая не только из элиты, но и из обслуживавших ее интересы чиновничьих, интеллектуальных и культурно-просветительских корпораций, не допущенных в пространство власти. Эта среда вырабатывала новые культурные стереотипы, которые по внешним признакам вполне соответствовали модернизационным ценностям (эмансипация личности, гражданское общество), однако, в основе своей имели четко выраженную антимобилизационную направленность [3; с. 34]. При взаимосвязанности и неразрывности власти и ее носителя с процессом мобилизации и в целом всей государственностью подобная мировоззренческая установка неизбежно содействовала расшатыванию и обрушению смыслового каркаса, поддерживающего историческое бытие России.

Современной России приходится одновременно решать задачи «вчерашнего», «сегодняшнего» и «завтрашнего» дня. Процессы детализации накладываются здесь на процессы государства и нациостроительства, попадая «в резонанс», что приводит к взаимоусилению противоречий и кризисов, неизбежно их сопровождающих. В этой ситуации почти неизбежно возникает искушение самоизоляции,

«опоры на собственные силы» и возвращения к традиционным и испытанным методам властвования.

Вплоть до Флорентийской унии византийцев с католиками (1438-1439) Россия чувствовала себя частью Византийского мира. Идея главенства константинопольского императора над всем христианским миром была неотъемлемой частью русского мировоззрения.

После падения Константинополя (1453 г.) русским представлялось, что они остались единственным православным народом в мире, а это означало, что если они потеряют вверенное им на хранение православие, то оно утратится тогда в целом мире. Именно в это время псковский монах Филофей и написал свое знаменитое: «два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать» [4; с. 60]. Это означало, что Москва не только Третий Рим, но и последний.

Все эти события привели к тому, что Россия не механически переняла традицию духовного универсализма и политического изоляционизма, а пережила ее как собственный драматический опыт. Психологическая самоизоляция России привела к тому, что мир неправославный воспринимался, как погрязший в грехах и заблуждениях, и, что границы России очерчивали в ее представлении почти весь цивилизованный мир, т.е. мир, сохранивший благочестие и, неподдающийся власти дьявола [5; с. 130].

Империя была инструментом ограждения православного пространства, механизмом поддержания внутри него определенной дисциплины. И это не столько инструмент экспансии, сколько своего рода оборонительный инструмент, призванный закреплять то, что было достигнуто иным путем, защищать от внешних посягательств и внутренних нестроений. Однако задачей государства было также и расширение зоны потенциального православия. Примат религиозных мотивов над национальными и прагматическими обнаруживался в российской политике вплоть до начала XX в.

Россия сложилась как государство в эпоху, когда мир уже был поделен между мировыми религиями и активное миссионерство могло быть направлено только на те народы, которые еще оставались языческими. Однако специфический универсализм Российской Империи выразился в том, что ее границы пересекали мусульманский, буддийский, католический и протестантский миры. Регионы, где были приняты перечисленные вероисповедания, на общих основаниях входили в состав империи. И если гражданство Византии в значительной степени зависело от православной веры, то в России, где православие занимало не менее значительное место в государственной идеологии, гражданство и все

связанные с ним права давались по факту проживания внутри границ империи как бы в преддверии обращения подданных в православие [6; с. 128].

Что касается государственного строя России до петровских реформ, подчас доказывают, что он сложился под влиянием Золотой Орды. Этот взгляд не вполне корректный, так как многие восточные элементы в государственной структуре России могли быть восприняты от Византии, которая являлась вполне восточной империей в смысле своего государство-центризма [7; с. 178]. Византийский дух не был препятствием к заимствованию у Золотой Орды элементов государственной структуры. Они вполне вписывались в ту идеологию империи, которую Византия принесла на Русь.

Петр Великий стремился к построению эффективного государства, совершив прорыв сразу на двух направлениях. Он ликвидировал боярство как сословие, уравнив в 1714 г. указом о единонаследии поместье с вотчиной. И выстроил новую управленческую вертикаль: создал каналы трансляции царской власти, превратив их в составную часть её самой. Местное управление приближалось к центру путем его профилирования по отраслям общегосударственного значения, а высшим и центральным структурам управления напрямую передавались элементы монаршего суверенитета. Такая система могла быть как коллегиальной, так и иерархической.

Принцип коллегиальности воплощал собой идею самоуправления дворянской бюрократии, идею, символизировавшую представительство местных интересов. На местах же ведомственное начало превалировало над территориальным. Возведение новой государственности началось «снизу», с создания в 1708 г. губерний, которые соединялись с центром через Сенат. Когда Пётр достиг вершины своего могущества, коллегиальный принцип был несколько потеснён иерархическим [8; с. 63].

Столь тесное переплетение коллегиального и иерархического начал бюрократического управления прослеживалось на всем протяжении каналов трансляции самодержавной власти и должно было обеспечивать их устойчивость. А своеобразным отражением такого распространения царского суверенитета становилось служебное восхождение по «Табели о рангах».

Петр огосударствлял сословия, стремясь к их фактическому растворению в административном аппарате. Уровень бюрократического встраивания разных сословий не был одинаковым, однако, если самодержавный суверенитет нисходил теперь по чиновничьей вертикали, то дворянская бюрократия оказывалась непосредственным продолжением

и развитием императорской власти [9; с. 148]. В отличие от Европы, где монарх обретал суверенитет от внешнего объединения сословно-корпоративных структур, петровский абсолютизм осуществлял обратное – наделял дворянство собственным суверенитетом.

Огосударствление дворянства максимально приближало его к престолу и препятствовало уже чисто институциональному ограничению верховной власти: царь правил не через Сенат или иные новообразованные учреждения, но через конкретных лиц, полностью подчиненных и лично обязанных ему своим положением [8; с. 65]. Поэтому-то современники Петра и не ощущали реального понижения статуса самодержца.

Петровские преобразования – парадоксальный феномен. Петр собственноручно раздавал свой суверенитет. В результате самодержавие подверглось существенной девальвации – правда, пока что не политической, а знаковой, явившейся результатом секуляризации того трансцендентного образа власти, который она обрела при Иване III и затем на протяжении двух веков всячески укрепляла и оберегала. Однако трансцендентная власть оказалась неэффективной именно в качестве власти – конкретной, земной. Это вопиющее несоответствие величественного образа самодержавия и его технологического несовершенства способствовало наращиванию застойных тенденций.

Начиная с Петра, самодержавие пыталось создать эффективное государство путем различных структурных комбинаций с элитой. К концу царствования Николая I стала очевидной исчерпанность таких комбинаций. Верховная власть вплотную подошла к осознанию того, что преодолеть бюрократическое обволакивание без привлечения к этому некоей внешней силы просто невозможно. Престол всерьез задумался о существовавшем уже несколько десятилетий мнении о допуске к делам государственного управления так называемой «общественности».

Мифологизированный образ «общественности» представляет собой очевидный пропагандистский продукт либерального мировоззрения пореформенной эпохи. В России «общественность» – это служащие, занятые не только в структурах управления, но и других сферах государственной жизни: культуре, науке, образовании, здравоохранении. Из представителей «общественности» не состоявшими на службе могли быть разве только дворяне. Однако участие в жизни дворянского общества походило на отправление определенных обязанностей, а фактическое положение аристократии сводило к минимуму разницу между службой сословной и государственной [6; с. 133].

Первым новшеством здесь явилась санкционированная Александром II гласность. Она стала не просто знаком, подаваемым «сверху» «общественности» и свидетельствующим о востребованности последней, но непосредственным инструментом формирования нужных престолу мнений и настроений [10; с. 62]. При этом власть полагала, что и в перспективе гласность останется управляемой. Чиновники обрели в ситуации гласности возможность находить друг друга и уже совместно объединяться вокруг наиболее перспективных проектов.

Осуществленные самодержавием Великие реформы придали модернизации обвальный характер. Их негативные последствия превосходили позитивный эффект. Санкционированная престолом гласность обернулась разнузданной дискредитацией власти. Крестьянская реформа, не разрешившая проблемы малоземелья, привела к наводнению городов огромной взрывоопасной пролетарской массой. Земские учреждения вместо сосредоточения на местных хозяйственных и социальных проблемах стали инкубаторами либеральной оппозиции самодержавию.

Н.А. Милютин всерьез задумался о создании надежной опоры проводимому властью реформаторскому курсу в виде своеобразной «партии центра», которая должна будет удерживать либеральную «общественность» от чрезмерной радикализации [8; с. 92]. Одновременно точно такая же мысль вынашивалась и идейным оппонентом «либеральной бюрократии» – консервативным дворянством, которое видело задачу подобной партии как раз в обратном – в противодействии радикалам-чиновникам, проводящим угрожающие основам государственности реформы [6; с. 147]. Полная и окончательная изоляция престола от остальной страны становилась делом времени.

При Александре III через возвращение вотчинной власти помещику престол намеревался усилить свои позиции на уровне местного управления. Однако дворянство совершенно не годилось для подобного проекта. При Николае II верховная власть обратилась за поддержкой уже непосредственно к народу, сохранившем традиционную привязанность к царю [7; с. 179]. Но и здесь его ожидала неудача. «Новый курс», проводимый обоими последними государями Дома Романовых, оказался неэффективным анахронизмом.

Манифест 17 октября 1905 г. и новая редакция Основных законов Российской империи фактически означали трансформацию самодержавия в некое подобие конституционной монархии. С началом Первой мировой войны престол более уже не мог обеспечивать свой суверенитет лишь пребыванием «над схваткой» правительственной бюрократии и думской

«общественности». Но ресурса, способного, хотя бы на время войны, консолидировать пространство власти, у самодержавия не было. Вместе с тем царь продолжал оставаться центром принятия легитимных управленческих решений. Подобное несоответствие фактического и формального статусов государя неизбежно вело к кризису власти. Оказавшись в политической изоляции, самодержавие пало, увлекая за собой в небытие и всю тысячелетнюю монархическую традицию нашей государственности.

После Октябрьской революции впервые становление нового носителя власти и новой элиты разворачивалось в недрах большевистской партии. Поэтому концентрация суверенитета представляла собой двухуровневый одновременный процесс – утверждение безраздельного господства партии и стремительное обособление ее лидеров от всей остальной большевистской массы. Партийные вожди выстраивали иерархическую пирамиду, в которой дистанция между ними и остальным ЦК превращалась в пропасть. По мере выстраивания этой системы большевистские лидеры сворачивали принцип «коллективного руководства» [11; с. 14]. Когда же революция завершилась, и перед партийным руководством встала задача возведения новой государственности, оказался востребованным и новый тип политического лидера.

Сталин как Генеральный секретарь ЦК РКП (б) оказался в самом центре непомерно усилившегося партийного аппарата [8; с. 111]. Генсек возвысился благодаря тому, что смог мобилизовать партийную бюрократию. Однако сама по себе эта сила буквально сразу после установления большевистского режима стала на традиционный для элиты путь обволакивания власти. В итоге вместо «коммунистически организованного труда» большевики получили громоздкий и неповоротливый бюрократический аппарат.

Прямая апелляция к вождям через голову аппарата наглядно свидетельствовала о том, что важнейший элемент властного сценария большевистской верхушки сработал. Вожди закрепили за собой в народном мнении право прямого, а не аппаратного выражения интересов людей [12; с. 46]. В ситуации, когда элита начинала все отчетливее работать на себя, вопрос о ее возвращении на «подобающее место» стоял для носителей власти достаточно остро. Усиливавшееся недовольство трудящихся партийной бюрократией обеспечивало легитимацию чрезвычайных мер в отношении как неё самой, так и в целом всего государства.

К началу 1929 г. завершилась перестройка низового аппарата партии. Вождь сумел в очередной раз «перетрясти» элиту, сделав ее ответственной

за «перегибы» коллективизации. В результате одна часть бюрократии «перемололась» в процессе коммунистического «преображения» деревни, а другая – в очередной раз притихла. Споры в Политбюро свелись к элементарному ведомственному лоббизму. Однако вождь прекрасно понимал, что даже незначительные расхождения во взглядах, особенно при обострении внешней угрозы, таят в себе потенциальную опасность для его «личного режима» [13; с. 116].

Террор 1937-1938 гг. был вызван потребностями не только «кадровой революции». Целевыми объектами террора явились слои общества, которые нарушали политическую и социальную «гомогенность» советского народа [14; с. 9]. К ним относились кулаки, «социально опасные элементы» в городах, духовенство, традиционные враги большевиков (эсеры, меньшевики, анархисты), бывшие «белые», «контрреволюционный национальный контингент» и другие «антисоветские элементы». Предполагалось устранить любые препятствия для создания однородного, надежного народа.

Война парализовала элиту. Многие руководители, выдвинувшиеся на командные высоты в результате «чисток» и репрессий, не смогли действовать самостоятельно и эффективно. Они годились для стабилизации уже утвердившегося режима, но не для того, чтобы мобильно реагировать на вызовы непредсказуемого военного времени. Критерием назначений на высшие командные должности стал профессионализм [13; с. 118].

Но уже вскоре после Великой Победы «личный режим» Сталина начал испытывать определенное сопротивление. Наведение «порядка» в пространстве власти Сталин начал с народа. В июне 1945 г. на приеме в Кремле участников Парада Победы Сталин назвал народ-победитель «винтиками» «великого государственного механизма» [15; с. 22].

Перемены в пространстве власти диктовались и своеобразным пониманием общих перспектив страны. По замыслу вождя, создаваемая в течение тридцати лет система должна была обрести окончательный облик, который позволил бы перейти к регулированию абсолютно всех социально-экономических процессов в СССР, заменить рынок и торговлю продуктообменом и распределением, осуществить переход к коммуне как единому типу общественно-производственных отношений. С подобной трансформацией Сталин отождествлял не только крупный шаг к коммунизму, но и окончательное уничтожение почвы для капитализма.

Колебания Сталина предопределили борьбу за наследство вождя. Старая элита была заинтересована в сосредоточении власти в Совмине и структурах центрального управления. КПСС при таком раскладе

превращалась всего лишь в держателя кадрового ресурса. Наиболее влиятельный тандем Маленкова-Берии сохранил за собой ключевые государственные должности Председателя Совмина и его первого заместителя, а также главы нового МВД [8; с. 130]. Они стали разъединять функции государственного управления и партийную деятельность.

В сложившейся ситуации новая элита, сосредоточенная в ЦК, могла использовать в своих интересах лишь партийный ресурс. Ее лидером автоматически становился Хрущев, не получивший после смерти вождя государственной должности. Он нанес упреждающий удар по враждебной группировке. Хрущев, опираясь на Секретариат и поддержку большинства членов ЦК, пытался выстроить систему, при которой КПСС через собственный аппарат управляла бы страной, а государственные органы исполняли бы при этом исключительно технические функции. На июньском 1957 г. Пленуме окончательно сложился режим, просуществовавший в СССР вплоть до его распада [12; с. 147], когда начался процесс складывания партийной номенклатуры.

Режим Л. И. Брежнева – апогей господства партийной номенклатуры. Зависимый от партийной номенклатуры лидер КПСС сохранял все видимые атрибуты верховного суверенитета. Элита, представлявшая собой конгломерат конкурировавших между собой группировок, нуждалась в арбитраже. Руководящие партийно-государственные структуры становились центрами согласования интересов номенклатурных группировок.

В результате масштабной перегруппировки сил элита оказалась разделённой на два лагеря – ведомственный (управленцы из центральных ведомств) и территориальный (директорский корпус). Центральный партийный аппарат стремился играть на противоречиях между обоими лагерями [16; с. 122].

Раздираемая внутренними противоречиями элита утрачивала возможность исполнять роль властвующего субъекта. Ей требовалась внешняя сила, способная навести порядок и начать рыночные преобразования, в результате которых появилась бы возможность легализовать «теневую экономику».

Придя к власти, Горбачев стал проводить курс на «ускорение». Импульсом «ускорения» должно было стать повышение эффективности производства путем совершенствования механизма управления. Санкционированной тогда же «гласности» была дана команда обличать чиновничий бюрократизм как породившее застой явление.

В начале 1987 г. состоялся Пленум, посвященный кадровой политике КПСС. Было провозглашено намерение заменить номенклатурный принцип

назначения на руководящие партийные должности прямыми и альтернативными выборами [12; с. 49].

Именно политическая реформа стала доминантой в комплексе задач трансформации советской системы. Совершенствование хозяйственного механизма теперь рассматривалось как неотъемлемый элемент общего процесса демократизации.

Политической аранжировкой этого процесса стала дезинтеграционная деятельность республиканских съездов народных депутатов и формировавшихся ими органов власти [16; с. 125]. Суверенитет первого Президента СССР таял буквально на глазах. Опекаемая им территориальная номенклатура запускала маховик развала союзного государства, которое мешало удовлетворению её материальных интересов.

Обрушение советской государственности в охватившем страну после Августа 1991 г. хаосе не просто оказалось на руку элите, но и было ею же самой инспирировано. За послевоенные десятилетия номенклатуре удалось добиться монопольного господства в пространстве власти. Однако её влияние по-прежнему определялась исключительно статусно-должностным положением. Она оставалась существенно ограниченной в возможностях личного обогащения. Контроль «теневой экономики», т. е. номенклатурный рэкет, не решал этой проблемы в силу своей нелегитимности. К получению сверхприбылей вел один единственный путь – через официальное и открытое вхождение в рынок. Такое вхождение, естественно, было невозможным без смены политического режима.

Основной смысл существования федеральной власти в федеративном государстве – обеспечение безопасности его граждан. Под безопасностью может подразумеваться политическая (военная) безопасность страны в целом, правовая безопасность, включающая обеспечение механизма охраны правопорядка и гарантированности правосудия, экономическая безопасность, социальное страхование вплоть до деятельности по ликвидации чрезвычайных ситуаций. Это те сферы, которые, во-первых, в сознании населения должны быть четко связаны с федеральной властью, а во-вторых, должны быть первостепенными для самой федеральной власти.

Слабость центральной власти в сфере обеспечения безопасности усугубляется устоявшимся имиджем Центра как инородной и даже враждебной структуры, имеющей какие-то собственные интересы, отличные от интересов граждан страны. Москва (и ассоциирующаяся с ней центральная власть) рисуется в общественном сознании на остальной территории страны как некий паук, паразитирующий на остальном государстве, вкладывающий всенародные деньги в создание собственного,

московского, великолепия. Миф о Москве-кровопийце нередко служит аргументацией для региональных властей в их борьбе за дополнительные льготы или полномочия – то есть, по сути, за нарушение принципов федералистских отношений [13; с. 217].

Базой для создания образа центра-паразита служит реальная сильная дифференциация страны по принципу «центр-периферия», проявляющаяся во всех сферах жизни общества, от экономики до культуры, но особенно – в уровне жизни населения. Москва, как столица более открытая зарубежным влияниям, активно перестраивает свою жизнь по законам современного западного общества, российская же глубинка остается на прежнем уровне, а местами и «сваливается» на уровень полунатурального хозяйства.

В свою очередь, региональные власти в федеративном государстве также должны соотноситься со своим специфическим кругом вопросов, а именно с удовлетворением потребностей граждан, связанных с частными проблемами региона. В России под местной спецификой традиционно понимается специфика национальная. Возведение национальности в основу региональной специфичности нарушает как принцип собственно региональной специфичности (спецификой региона может быть проживание в нем представителей разных национальностей, но не проживание в нем такой-то национальности), так и неотъемлемые права граждан – жителей региона, не принадлежащих к титульной нации [15; с. 25].

В эпоху Путина имперские символы и традиции России по целому ряду причин получают поддержку «снизу». Одна из них в том, что многие граждане РФ и сегодня являются носителями имперского сознания, что определяется историческими особенностями формирования русской идентичности. Для русских государственная и национальная истории практически совпадают [16; с. 126]. Это объясняет столь большое значение, придаваемое ими положению своей страны в мире. Распад СССР, деградация России, утрата ею положения великой державы до сих пор переживаются чрезвычайно болезненно. С этим связаны сомнения в легитимности процесса, который привел современную Россию к независимости.

Во-вторых, демократия и проблемы ее становления в России не входят в ряд вопросов, приоритетных для подавляющего большинства россиян. Характерные особенности сегодняшней политической жизни в России – это устойчиво низкая легитимность политических институтов, при столь же устойчивой популярности президента В.В. Путина.

Носители традиционалистских воззрений пытаются объяснять недостатки в функционировании политической власти по старой мифологической схеме «добрый царь – нерадивые слуги», а в случае разочарования в личности автократа вместо структурных изменений в функционировании власти предпочитают искать очередного героя – «избавителя», способного спасти общество, навести в нем порядок. Персонификацией этих надежд и стал президент В.В. Путин.

В течение ряда лет россиянам упорно навязывается идея, что воссоздание гражданского порядка и преодоление хаоса как социального зла требуют максимальной управляемости. Сегодня президенту и его команде действительно удалось выстроить жесткую «вертикаль власти», контролирующую все основные сферы жизни в стране. Поэтому ныне в России экономика и политика вновь оказались не менее связанными, чем в советскую эпоху. Таким образом, возрождается традиционная имперская форма существования российского социума, поскольку основная черта идентичности, предлагаемой сегодня гражданам России, – это «акцентирование связи посткоммунистической России с ее имперским прошлым» [17; с. 92].

Российская Федерация является наследницей и Российской Империи, и Советского Союза. Причем не только территории (хотя и значительно урезанной), собственности, но и менталитета, в соответствии с которым правительство выстраивает свою политическую деятельность.

Конечно, можно выделить множество критериев империи, но специфика России держится на трех критериях: огромная территория; пограничное положение между Европой и Азией; мультиэтничность с тягой к православию. Эти факторы стали определяющими в формировании государственного менталитета, для которого характерна тяга к строго структурированной и централизованной власти. Безусловно, поиск оптимальной формулы власти – процесс бесконечный. Уроки прошлого лишь указывают направление этого поиска, а также предостерегают от повторения ошибок, неоднократно совершенных властью в минувшие эпохи.

Сегодня весь мир говорит на языке модернизации. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы власть, вводя Россию в мировое сообщество, четко различала необходимость соблюдения определенных и общепринятых для цивилизованных государств модернизационных «правил игры» и неизбежность самобытного пути развития для нашей страны. В конце концов, употребление английского языка в качестве международного отнюдь не лишает нас права говорить друг с другом по-русски.

Библиографический список

1. Володин А. Г. Гражданское общество и модернизация в России [Текст]. (Истоки и современная проблематика) / А. Г. Володин // Политические исследования. – 2000. – №3. – С. 104-116.
2. Демидов А. И. Идеология как инструмент политической коммуникации и власти [Текст] / А. И. Демидов // Власть. – 1998. – №8-9. – С. 42-46.
3. Дряхлов Н. И. Традиции и модернизация в современной России [Текст] / Н. И. Дряхлов // Социологические исследования. – 1992. – №10. – С. 33-37.
4. Липкин А. «Духовное ядро» как системообразующий фактор цивилизации: Европа и Россия [Текст] / А. Липкин // Общественные науки и современность. – 1995. – №2. – С. 57-67.
5. Лурье С. В. От древнего Рима до России XX века [Текст] : преемственность имперской традиции / С. В. Лурье // Общественные науки и современность. – 1997. – №4. – С. 123-133.
6. Каспэ С. И. Империя и модернизация [Текст] : Общая модель и российская специфика / С. И. Каспэ. – М.: РОССПЭН, 2001. – 256 с.
7. Щербаков А. Е. Место мифа в политической идеологии [Текст] / А. Е. Щербаков // Политические исследования. – 2003. – №4. – С. 175-181.
8. Андреев Д. А. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина [Текст]. Краткий курс. X-XXI вв. / Д. А. Андреев, Г. А. Бордюгов. – М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 160 с.
9. Ильин М. В. Власть [Текст] / М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль // Политические исследования. – 1997. – №6. – С. 146-163.
10. Дурнов А. В. Либерально-консервативная интерпретация развития российского общества [Текст] / А. В. Дурнов, А. С. Федотов // Власть. – 2001. – №10. – С. 59-65.
11. Соловьев А. И. Политическая идеология: логика исторической эволюции [Текст] / А. И. Соловьев // Политические исследования. – 2001. – №2. – С. 5-24.
12. Пантин В. И. Волны политической модернизации в истории России [Текст] : К обсуждению гипотезы / В. И. Пантин, В. В. Лапкин // Политические исследования. – 1998. – №2. – С. 39-52.
13. Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти [Текст] : Географические образы в политике и международных отношениях / Д. Н. Замятин. – М.: РОССПЭН, 2004. – 352 с.
14. Амелин В. Н. Власть как общественное явление [Текст] / В. Н. Амелин // Социально-политические науки. – 1991. – №2. – С. 3-15.
15. Ануфриев Е. А. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен [Текст] / А. А. Ануфриев, Л. В. Лесная // Социально-политический журнал. – 1997. – №33. – С. 16-27.
16. Завершинский К. Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта [Текст] / К. Ф. Завершинский // Политические исследования. – 2001. – №2. – С. 113-132.
17. Яковенко И. Г. Прошлое и настоящее России [Текст] : имперский идеал и национальный интерес / И. Г. Яковенко // Политические исследования. – 1997. – №4. – С. 88-96.

Проблемы геополитического выбора Украины

В данной статье дается оценка геополитического выбора, который совершает Украина на современном этапе, делается сценарный прогноз того, как это повлияет на мирополитические процессы и предлагается алгоритм действий по сохранению Украины в едином геополитическом и цивилизационном пространстве с Россией.

Ключевые слова: геополитика, Украина, Россия.

In this article the author assesses the geopolitical choice that Ukraine makes at present, does the scenario forecast how it will affect the world political processes, offers the algorithm of action for the retention of Ukraine and Russia in the same geopolitical and civilizational space.

Keywords: Geopolitics, Ukraine, Russia.

Особенностью Украины как геополитического субъекта является ее пограничное расположение между Лесом и Степью, Западом и Востоком, что обусловило, как сложности её геополитического самоопределения, так и то, что жившим на ее территории людям часто приходилось вести войны. Это было на протяжении всех эпох – Премодерна, Модерна и, как мы наблюдаем воочию, в эпоху Постмодерна [2], современниками которой мы являемся.

Данная особенность восходит еще ко временам Древней Руси, которая была втянута в орбиты политического и культурного влияния Византии, Рима и Хазарии, а ее правители имели варяжское происхождение. Ей приходилось много воевать, как с «пиратами Степи» (печенегами, половцами и др.), так и с западными соседями (ляхами, венграми и др.). После татаро-монгольского нашествия древнерусским княжествам пришлось либо признать вассальную зависимость от Золотой Орды, либо войти в состав Великого Княжества Литовского и Королевства Польского, объединившихся затем в Речь Посполитую, что во многом положило начало разделению единой древнерусской народности и становлению русского, украинского и белорусского народов. И если русский народ, политическому объединению которого активно помогали московские правители, сделавшие свой геополитический выбор в пользу Евразии и Православия, со временем стал становым хребтом нового «срединного государства» Евразии, то геополитическая судьба украинского народа была более сложной и противоречивой. С одной стороны, «южные русичи» противостояли полонизации и экспансии католицизма, объединялись в братства, поднимали восстания, или уходили на Сечь, где на освоенных после распада Золотой Орды землях Дикого поля была создана казацкая

республика, ставшая зародышем собственно украинской государственности. С другой стороны, им приходилось как-то реагировать на вызовы со стороны крепнущего Московского государства, росту которого пытался помешать Запад.

В этом геополитическом противостоянии России и Запада эпохи Премодерна Южная и Юго-Западная Русь, как и Сечь, еще помня о своих общерусских корнях, в основной своей массе поддержали Русское Царство, со временем трансформировавшее в Российскую империю и частично вошли в его состав. Однако уже в эпоху Модерна, когда родились идея нации и национализм в современном смысле этого слова, среди культурных элит Галиции и Малороссии родилась идея Руси-Украины, с одной стороны объединяющая украинцев, проживающих на территории империй Габсбургов и Романовых, а с другой стороны, противопоставляющая украинцев, как потомков Киевской и Галицкой Руси, «москвитам». «Украинский проект» получил поддержку со стороны Австрии и Германии, видящих в нем противовес пророссийскому панславизму, и воплотился в жизнь при создании независимого украинского государства в 1917-1918 гг.[1] Однако в силу противоречий, как внутреннего, так и внешнего характера, независимое украинское государство, попытавшееся объединить земли Малороссии, Новороссии и Галичины, просуществовало лишь до 1921 г. Сказались и геополитическое противостояние стран Антанты и Четвертного Союза, расколовшее европейски ориентированные украинские элиты, и недостаточная поддержка со стороны народных масс идей украинизации, и управленческая беспомощность новых украинских властей, а также успехи Красной Армии и польских войск, оккупировавших Украину... Если на оккупированной поляками Западной Украине украинцы подвергались серьезной дискриминации, чем воспользовалась нацистская Германия, задумавшая «поход на Восток» и поддерживавшая украинское националистическое подполье, то в бурно развивающейся Советской Украине активно проводилась политика украинизации. Победа СССР во II мировой войны присоединила к УССР территории, где проживали украинцы.

После распада СССР Украина получила независимость и опять оказалась перед выбором вектора геополитического развития. Часть ее элиты, ощущая себя частью Русского мира, выступила за геополитический союз с Россией и за интеграцию в Таможенный Союз. Другая ее часть – сторонники многовекторности и внеблокового статуса – ожидали выгод от умелого лавирования в рамках треугольника РФ-ЕС-США... Третьи видели будущее Украины в рамках евроатлантического

проекта – как члена ЕС и НАТО... Но события Евромайдана, приведшие к свержению президента Виктора Януковича и к установлению прозападного русофобского режима, могут стать рубежным поворотом украинского геополитического выбора – отказом от многовекторности и ощущения себя частью Русского мира ради того, чтобы стать неотъемлемой частью Запада. О чем красноречиво говорит недавно принятая Стратегия национальной безопасности Украины... [5]

Что касается геополитических процессов эпохи Постмодерна, то кроме глобализации для них характерны «нелинейность, сингулярность, эмерджентность, социальная энтропия политических пространств, катастрофичность последствий «малых возмущений», влияющих на динамику социально-политических систем, применение хаосо-сетевых, психологических и политических технологий, в том числе и в целях дестабилизации государств» [4, с.52]. И совсем необязательно, что они ведут к прогрессу – «демократизация» ряда государств, образовавшихся на территории бывшей Югославии, Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии, зачастую способствует их деградации... [8; 9] Да и где гарантия, что Украина, став орудием Запада в его противостоянии с Россией, заживет по евростандартам? Скорее, наоборот, тот хаос, порожденный Евромайданом, что нынче царит в Украине, из управляемого может превратиться в неуправляемый, и она вновь может вернуться ко временам Руины (период в истории Украины между 1657-1687 гг., фактически являющийся гражданской войной) со всеми вытекающими отсюда последствиями... Поэтому Украине не стоит спешить с евроатлантизацией, а серьезно обдумать последствия этого шага... [13]

Что же делать России на данный исторический момент? Спокойно ждать, когда юго-западный сосед, наконец-то, сделает свой геополитический выбор? Или хоть как-то постараться на него оказать воздействие? Тем более, что на протяжении всего периода украинской «незалежности» это активно делает Запад...

Если Россия выберет вариант невмешательства – что она и делала с 1991 по 2013 годы, - то в условиях активной поддержки Западом нынешнего воинствующе русофобского режима Украина:

1. Превратится в одно из государств «санитарного кордона», огораживающего Россию по аналогии с «санитарным кордоном», созданным в начале 20-х гг. XX века на западных границах советской России для защиты «свободного мира от коммунистической угрозы». При этом, учитывая размеры территории Украины (около 600 000 км²), ее численность населения (около 43 млн. чел.), военно-промышленный и

экономический потенциал, а также годами культивируемый там агрессивный антироссийский национализм, велика вероятность ее трансформации в мощное орудие евроатлантизма, которое может быть направлено, как против геополитического возрождения России [14], так и против российского влияния в Европе [6].

2. Вследствие социокультурного раскола украинского общества, слабости украинского государства и грядущего краха украинской экономики, на территории нашего юго-западного соседа возникнет «воронка нестабильности», которая может поглотить не только Россию, но и Европу. Не хочется думать, что именно этого добиваются наши геополитические «друзья» за океаном, реализуя политику «управляемого хаоса», но то, что они делают в отношении Украины – красноречиво свидетельствует в пользу такого расклада. Особенно если учесть то, к чему привела т.н. «Реконструкция Ближнего Востока» [17], которая вместо демократии и процветания погрузила регион в средневековое варварство, откуда хлынул поток беженцев, захлестнувший Европу.

3. Украинцы, ощутив всю «прелесть» «евроинтеграции», сбросят проамериканскую «украинацистскую хунту» и, как во времена Переяславской Рады, вновь воссоединятся с Россией... Это, конечно, рано или поздно произойдет, но наивно полагать, что Запад, вложивший в отрыв Украины от России миллиарды долларов, вдруг станет в позу стороннего наблюдателя... Также не стоит забывать, что если бы не активные действия России, то никакой Переяславской Рады просто бы не было...[3]

Могут быть и другие варианты развития ситуации на Украине в случае невмешательства России, например, крах украинской «незалежности» и включение осколков Украины в орбиту евроатлантической и православной цивилизаций (с Россией как «стержневым государством») [15, с.251-259], или, допустим, превращение Украины в процветающее европейское государство (что мало вероятно)... Однако, по мнению автора, Россия как великая держава не может оставаться безучастной к тому, что происходит на Украине.

Автору видится следующий алгоритм действий России по сохранению Украины в благоприятной для России геополитической орбите.

Для начала, руководство страны должно выработать различные сценарии развития ситуации – от оптимистического (сохранение территориальной целостности Украины и установление там дружественного к России режима) до пессимистического (распад

Украины или создание там враждебного к России режима), исходя из состояния нашей экономики, военного потенциала, желания россиян бороться за Украину, политического расклада на Украине, внешнеполитического и внешнеэкономического факторов.

В качестве инструмента воздействия на ситуацию Россия должна использовать дипломатические, финансово-экономические, гуманитарные, а если потребуется, то и военные меры. При этом, не забывая и об активном использовании инструментов «мягкой силы» [7].

Наши дипломаты должны добиться прекращения боевых действий на Юго-Востоке Украины через участие в «норманнском процессе» и реализацию Минских соглашений, используя трибуну Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, как и других международных площадок, - свидетельствовать о массовых нарушениях прав человека в нынешней Украине и о том, что ее режим далек от демократии. А если США и их союзникам удастся сорвать мирный процесс, то можно и попытаться добиться дипломатического признания новых государственных образований – ЛНР, ДНР или Новороссии, не признающих легитимность нынешнего киевского режима.

Что касается нашей финансово-экономической политики, то, как по отношению к Украине, так и по отношению к непризнанным республикам, она должна стать более прагматичной и направленной на служение национальным интересам России, а не на ублажение эксплуатирующих идею «дружбы народов» коррумпированных беспринципных элит, что только вредило нашей стране, нанося ей экономический и репутационный ущерб.

Россия не только должна оказывать гуманитарную помощь гражданскому населению ДНР и ЛНР и украинским беженцам, оказавшимся на территории РФ, но и, если потребуется, принять меры по предотвращению гуманитарной катастрофы, которая может быть вызвана силовой операцией Киева на юго-Востоке Украины, включая и силовые, как это сделали США и их союзники в Югославии, Ираке, Ливии. Правда, в отличие от стран НАТО, Россия не хочет делать это без санкции Совета Безопасности ООН, хотя нас об этом просят население и руководство ДНР и ЛНР...[10]

Что касается использования российских вооруженных сил на Украине, то наше высшее политическое руководство не считает это необходимым, так как это может обострить ситуацию. Но мы должны быть готовы к тому, чтобы отразить возможную агрессию, как в отношении Приднестровья, где проживают более 150 тыс. граждан России и находится около 1,5 тыс. российских военнослужащих [12], так

и в отношении ДНР и ЛНР. И наше состояние вооруженных сил это позволяет, плюс важнейшее геостратегическое положение новых субъектов РФ – Крыма и Севастополя.

Не стоит забывать и об инструментах т.н. «мягкой силы» в виде культурной и информационной политики, которые должны не только противостоять агрессивной пропаганде русофобского «украинства», но, прежде всего, работать над формированием у украинцев общерусского сознания, чувства причастности к Русскому миру и осознанием неразрывной связи нашей истории и культуры. Конечно, в условиях нынешнего украинского режима, ограничивающего работу российских и дружественных к России СМИ на территории страны, жестоко подавляющего оппозицию и нарушающего основополагающие права человека, это делать нелегко. Поэтому, чтобы не допустить превращения Украины во враждебное к России государство, необходимо наряду с инструментами т.н. «мягкой силы», комплексно использовать дипломатические, финансово-экономические и гуманитарные инструменты – то, что составляет суть политики «умной силы», активно применяемой ведущими мировыми державами [16]. При умелом применении методов «умной силы» включение ЛНР и ДНР в состав Украины с предоставлением им особого статуса, согласно Минским соглашениям [11], может быть использовано как существенное препятствие для дерусификации Украины и плацдарм для ее последующего возвращения в Русский мир. Главное – знать, кто мы есть, что мы хотим, каковы наши возможности и возможности наших конкурентов...

Библиографический список

1. Баринов И.И. Украинская доктрина в политике Австро-Венгрии и генезис украинского национализма / И.И. Баринов // История и современность. – 2012. - №1. – С.70-89.
2. Дугин А. Геополитика постмодерна. Время новых империй. Очерки геополитики XXI века / А. Дугин. – СПб.: Амфора, 2007. – 382 с.
3. Иловайский Д.И. История России / Д.И. Иловайский. В 5 т. – Т.5 [Электронный ресурс]. – URL: <http://rushist.com/index.php/ilovajskij-5/1465-bogdan-khmelnitskij-i-moskva>
4. Карякин В.В. Геополитика третьей волны: трансформация мира в эпоху Постмодерна / В.В. Карякин. – М.: ИГ «Граница», 2013. – 432 с.
5. Ключевые тезисы проекта новой Стратегии национальной безопасности // Lira. Новости. – 2015. – 10 апр. [Электронный ресурс]. – URL: http://news.liga.net/articles/politics/5501267-klyuchevye_tezisy_proekta_novoy_strategii_natsionalnoy_bezопасnosti.htm
6. Лавров: США хотят «оторвать Европу от России» // Euronews. – 2014. – 13 сент. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.euronews.com/2014/09/13/second-russian-aid-convoy-crosses-into-ukraine-as-kremlin-takes-aim-at-us-eu/>

7. Леонова О. «Мягкая сила» – ресурс внешней политики государства / О. Леонова // Обозреватель-Observer. – 2013. – №4. – С.27-40.
8. Манойло А. Цветные революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке: технологии управляемого хаоса / А. Манойло [Электронный ресурс]. – URL: <http://andreymanoylo.vov.ru/cvetrevol.html>
9. Оранжевые сети : от Белграда до Бишкека / [отв. ред. Н.И. Нарочницкая]. – СПб.: Алетей, 2008. – 208 с.
10. Плотницкий: ДНР и ЛНР будут объединены и войдут в состав РФ // Политическое обозрение. – 2014. – 29 дек. [Электронный ресурс]. – URL: <http://politobzor.net/show-40662-plotnickiy-dnr-i-lnr-budut-obedineny-i-voydut-v-sostav-rf.html>
11. Полный текст Минских соглашений // РИА Новости. – 2015. – 21 февр. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ria.ru/world/20150212/1047311428.html#ixzz3ZBLmvCXU>
12. Саакашвили закрыл ворота в Приднестровье: пойдет ли Москва на подавление ПВО в Одесской области? // EADaily. – 2015. – 30 мая [Электронный ресурс]. – URL: <https://eadaily.com/news/2015/05/30/saakashvili-zakryl-vorota-v-pridnestrove-poydet-li-moskva-na-podavlenie-pvo-v-odesskoj-oblasti>
13. Сальников В.И. Украина в поисках геополитического выбора: история и современность / В.И. Сальников // Україна в умовах трансформації міжнародної системи безпеки: матеріали міжнародної науково-практичної конференції. Львів, 15 травня 2015 року. – Львів: ФМВ ЛНУ ім. Івана Франка, 2015. – С. 52-54.
14. Сущенко О. Збигнев Бжезинский о будущем России и Украины / О. Сущенко // Геополитика: информационно-аналитический портал. – 2014. – 16 июня [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.geopolitica.ru/article/zbignev-bzhezinskiy-o-budushchem-rossii-i-ukrainy#.VZb8iBvtlBc>
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2005. – 603 с.
16. Чихарев И. «Умная мощь» в арсенале мировой политики / И. Чихарев // Международные процессы. – Т.9. – 2011. - №1. – январь-апрель [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/011.htm>
17. Шарипов У.З. Американская концепция «Большого Ближнего Востока» и национальные трагедии на Ближнем и Среднем Востоке / У.З. Шарипов [Электронный ресурс]. – URL: <http://coollib.com/b/278538/read>

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ: СТАБИЛЬНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИИ

М.В. Курчанов

Зарубежный опыт экономических реформ в бразильско-российском контексте

Статья посвящена проблемам развития экономических исследований в Бразилии – одной из наиболее динамично развивающихся стран в Западном полушарии. Автор показывает, что бразильские экономисты проявляют значительный интерес к проблематике, связанной с экономическими реформами в развивающихся странах. В статье анализируются особенности восприятия бразильскими экономистами специфики экономического развития в Китае и Южной Корее.

Ключевые слова: экономические исследования в Бразилии, развивающиеся рынки, экономические реформы, экономический рост, государственное участие

The article is devoted to the problems of economic studies development in Brazil – one of the most dynamically developing countries in the Western hemisphere. The author presumes that Brazilian economists are interested in problems and directions of economic reforms in developing countries. The features of Brazilian foreign economic experience in China and South Korea perception are analysed in the article.

Keywords: economic theories in Brazil, developing markets, economic reforms, economic growth

Бразилия относится к числу не только наиболее развитых стран Латинской Америки, но и представляет собой динамично развивающийся рынок. В условиях развития глобализации, интеграцией Бразилии в мировую экономику [3] особую актуальность обретают проблемы зарубежного экономического опыта. Будучи одной из наиболее развитых стран региона, Бразилия имеет и развитые научные традиции, связанные в том числе и с изучением экономики. Значительную роль в экономической науке в Бразилии занимают исследования, связанные с изучением зарубежного экономического опыта [4].

Особое внимание со стороны бразильских исследователей, которые понимают, что экономический успех Бразилии относится к числу относительно новых феноменов в развитии экономики, привлекают т.н. новые индустриальные государства, новые лидеры экономического роста и развития, среди которых не только сама Бразилия, но также «азиатские тигры», в том числе – Южная Корея.

Бразильские экономисты (например, Алешандри Куэйрош Гимараеш), изучая особенности экономического развития Южной Кореи, подчеркивают, что новые лидеры экономического роста, подобно другим развитым и развивающимся экономикам в значительной степени уязвимы перед внешними вызовами, наиболее важными из которых следует признать мировые экономические кризисы [1]. Анализируя особенности южнокорейской модели, бразильские экономисты подчеркивают, что стартовые условия были крайне неблагоприятны, и ничто не могло гарантировать развития в рамках чуждой и привнесенной с Запада рыночной модели организации и функционирования экономики [5]. Тем не менее, бразильские аналитики указывают на то, что Южная Корея оказалась в состоянии «перейти порог экономической отсталости». Не менее важным фактором в реализации южнокорейской модели было государственное участие, которое отличалось умеренным характером, что не привело к проявлению крайностей этатизма и гипертрофированного развития определенных отраслей экономики.

С другой стороны, бразильские авторы полагают, что по сравнению с другими странами региона (за исключением КНДР и КНР) уровень участия государства в управлении южнокорейской экономики является значительным [8]. Государственное участие в Южной Корее характеризуется рядом особенностей, а именно: государство избегает прямого вмешательства и непосредственного управления экономикой; государство предпочитает играть роль медиатора и посредника; государство установило очень тесные отношения с крупнейшими и наиболее влиятельными бизнес-сообществами. В подобной ситуации государство предпочитает не только управлять / руководить экономикой, но в большей степени содействовать экономическому росту и развитию.

Бразильские аналитики указывают и на особую роль модернизации в развитии экономики. В отличие от других стран региона, Южная Корея опирается не только на европейский, но и японский опыт проведения экономических реформ и модернизации социально-экономической системы в целом. Если выбор в пользу западного (европейского / американского) опыта в большей степени носит добровольный и осознанный характер, то японское влияние отягощено оккупацией и взаимными претензиями и противоречиями, которые существуют между двумя лидерами регионального экономического роста [4]. Значительную роль в проведении экономической политики развития играла и помощь со стороны США, которые были склонны видеть в Южной Корее экономический и политический противовес, альтернативный проект, который отличался от левоавторитарных экспериментов КНР, КНДР и Вьетнама.

Особую роль в модернизации экономики Южной Кореи играли чеболи – крупные бизнес-группы, которые постепенно при помощи государства начали реализацию масштабных экономических проектов. Экономический вес подобных групп стал одним из дестабилизирующих факторов, что привело к ослаблению финансовой системы Южной Кореи. В подобной ситуации во второй половине 1990-х годов банковская система столкнулась со значительными вызовами, связанными с ростом плохих кредитов и низкой рентабельностью финансового сектора [6]. Другим фактором стала и политическая либерализация, которая имела и негативные воздействия на экономику: с одной стороны, она привела к активизации социальных и протестных движений, что сделало экономику более уязвимой ко внутренним политическим кризисам; с другой, она резко сократила ресурс мобилизации и принуждения со стороны государства в деле проведения реформ в рамках рыночной модели.

Бразильский экономист Алешандре Куэйрош Гимараеш, анализируя особенности развития южнокорейской экономики («институциональные особенности азиатского капитализма»), подчеркивает, что страна в значительной степени пострадала от кризиса 1997 года, возникшего с попытками государства провести меры, направленные на финансовое дерегулирование рынка [8]. По мнению бразильских авторов, воздействие кризиса на экономику Южной Кореи было сравнимо с неприятными последствиями Великой Депрессии для экономики США [5]. Кризис привел не только к обострению социальных проблем, но и значительному оттоку капиталов, что существенно ударило по экономике Южной Кореи, в рамках которой иностранные инвестиции играли роль одного из наиболее важных источников роста и развития. Кризис 1997 года привел к большей институционализации экономики Южной Кореи, так как доказал то, что потенциал неформальных групп оказался завышенным, а сами группы были не в состоянии без помощи со стороны государства решать собственные проблемы.

Борьба с кризисом конца 1990-х годов вынудила политические элиты Южной Кореи внести изменения и коррективы в экономическую политику, что выразилось в продолжении последовательной либерализации экономики, расширения доступа на корейский рынок иностранных инвесторов и в более взвешенном государственном регулировании.

Среди азиатских моделей развития особое внимание со стороны современных бразильских экономистов привлекает опыт развития китайской экономики, что связано с пребыванием Бразилии в неформальной группе лидеров современного экономического развития, которая представлена четырьмя государствами, а именно – Бразилией, Россией, Индией, Китаем.

Анализируя особенности развития китайской экономики, бразильский экономист Марселу Жозе Брага Нонненберг подчеркивает, что начало экономического роста КНР следует связывать с особой политикой, инициатором которой была Китайская коммунистическая партия, решившая внести изменения и модификации в экономическую модель без проведения политических преобразований [6]. Анализируя причины роста китайской экономики, бразильские экономисты нередко указывают на удачное сочетание географических, социальных и политических факторов. Описывая процесс экономических реформ в Китае бразильские экономисты указывают на ряд мероприятий, которые привели к экономическому росту.

Наиболее важными шагами китайского правительства в деле реформы экономики были: *либерализация системы ценообразования* в сельской местности, которая началась в 1979 году; *разрешение крестьянам свободной продажи излишков продукции*, произведенной сверх плана; *либерализация внешней торговли*, что привело к определенному сокращению роли государства (важным стимулом для реформ в этом направлении стало вступление КНР в ВТО); *создание особых экономических зон*, которые привлекали иностранные инвестиции в развитие тех регионов, на которые у центрального правительства Китая не хватало ни времени, ни средств; *наличие большого количества свободной рабочей силы* (например, с 1978 по 2006 год число потенциально занятых в сельском хозяйстве возросло с 96 до 283 миллионов человек); *изменение политики в отношении интеллектуальной собственности* (интегрируясь в мировую экономику, КНР пытается бороться со своей репутацией страны, занимающейся экономическим пиратством); *обладание наибольшими в мире демографическими ресурсами*, что позволяет существенно увеличивать средние годовые объемы производства в большинстве отраслей промышленности; *постепенный рост прямых иностранных инвестиций* (например, с 1981 по 2007 год иностранные вложения в экономику КНР выросли с 265 миллионов до 138 миллиардов долларов); *государственное участие*, которое проявляется в стимулировании, как иностранных инвестиций, так и внедрения инноваций [6].

По мнению бразильских экономистов [8], отличительной особенностью экономического развития Китая является то, что государство оказалось в состоянии обеспечить форсированный экономический рост, который, начиная с 1977 года, составляет около 10 % в год. Кроме этого экономические преобразования привели и к значительным изменениям в демографической структуре населения, оказав влияние на развитие аграрной экономики [2]. Если во второй половине 1970-х годов Китай

представлял собой преимущественно аграрное государство, то к 2006 году процент городского населения увеличился с 17 до 44 %. Анализируя особенности китайской модели, бразильские экономисты указывают на то, что КНР сталкивается с многочисленными трудностями, которые не в состоянии решить [6]. Среди наиболее важных проблем китайской экономики – инфляция, вызванная либерализацией цен и политикой последовательной недооценки юаня с целью стимулирования экспорта.

В подобной ситуации для развития китайской экономики характерны значительные диспропорции: экономика КНР развивается как экспортноориентированная (с 1975 по 2008 год экспорт возрос с 7 миллиардов до 1428 миллиардов долларов), что ведет к недооценке потенциала и возможностей других отраслей. Проблема роста китайского экспорта состоит и в том, что развитие отраслей, ориентированных на внешний рынок, привело к из развитию в рамках экстенсивной, а не интенсивной модели: в подобной ситуации китайские производители нередко делают выбор в пользу количественного наращивания объемов производства, отказываясь от его технической модернизации [5]. Этот и другие факторы делают экономику КНР более уязвимой перед внешними вызовами, среди которых особую роль играет зависимость Китая от внешних источников сырья.

С другой стороны, сравнивая китайскую и бразильскую модели развития, экономисты Бразилии констатируют, что крупнейшее государство Южной Америки более благополучно с социальной точки зрения: в частности, масштабы бедности в Бразилии меньше чем в Китае, где, по данным 2002 года, около 88 миллионов китайцев жили менее чем на 1 доллар в день. Это не мешает КНР играть роль регионального лидера экономического роста и развития. Важным проявлением экономических изменений в Китае бразильские экономисты называют рост покупательной способности населения: если в конце 1970-х годов КНР находилась на десятом месте, то к середине 2000-х годов – на втором [7]. В подобной ситуации экономика Китая за более чем двадцатипятилетний период прошла путь от десятой до второй экономики мира.

Анализируя восприятие южнокорейского и китайского опыта бразильскими экономистами, во внимание следует принимать то, что Бразилия оказалась в состоянии не только переосмыслить идеи зарубежных реформаторов, но и активно их использовать, успешно применяя для реформ бразильской экономики. Поэтому, в качестве национальных особенностей модернизации Бразилии следует признать: пролонгированность процессов социально-экономических трансформаций; периодическое чередование использования авторитарных и либеральных

моделей проведения социально-экономических и политических реформ; авторитарные политические режимы могли выступать в качестве инициаторов модернизационной политики; сохранение экономических свобод при функционировании в рамках авторитарной политической модели; сочетание принципов государственного вмешательства и рыночных механизмов; успехи в сфере ревизии монокультурной модели экономического развития в форме индустриализации и более поздней диверсификации экономики; сохранение экономических диспропорций и противоречий между различными регионами; значительные успехи в деле национальной консолидации и формирования гражданской политической нации; отказ от внешнеполитических амбициозных проектов в пользу медленного укрепления международного влияния экономическими методами и реальными успехами и достижениями в сфере экономики.

С другой стороны, прецеденты успешного применения китайского, южнокорейского или бразильского опыта в современной России крайне незначительны или вовсе отсутствуют. Поэтому, особенностями модернизации в российском варианте следует признать: более продолжительный период существования в рамках авторитарной модели политического и экономического развития; более глубокая степень политической унификации и регламентации в форме продолжительного существования однопартийной политической системы; доминирующая роль государства при исключении прочих акторов в проведении экономической модернизации; сохранение значительного числа региональных социально-экономических противоречий и диспропорций в экономическом развитии; усложненность экономических противоречий национальными проблемами в условиях федерализации старого и разрушенного имперского политического пространства в форме утверждения советской, а позднее и российской версии национально-территориального федерализма; доминирование монокультурных моделей экономического развития при фактической неспособности правящих политических элит провести реформы, которые гарантировали бы диверсификацию экономики и ликвидацию сырьевой зависимости; сохранение значительного числа имперских амбиций и комплексов, что содействует проведению крайне непродуманной и непоследовательной внешней политики, направленной на реализацию амбиций элит, но не на решение существующих социальных, политических и экономических проблем; общая незавершенность процессов национальной консолидации, что проявляется как в отсутствии русской гражданской политической нации, сохранении значительного числа национальных противоречий, тормозящих и ограничивающих модернизационные преобразования и трансформации.

Таким образом, процессы социально-экономических и политических модернизаций в истории Бразилии и России в 20 – начале 21 столетий указывают как на значительный адаптивный потенциал национальных экономик и политических элит, так и на радикальные противоречия и расхождения в рамках проведения модернизационных реформ, основанных на радикальной ревизии старого политического имперского наследия, так и на попытках его консервации. Подобные варианты модернизационных практик и процессов свидетельствуют, вероятно, не только о наличии значительного социального, политического и экономического потенциала Бразилии, но и о кризисе моноэкономической модели, доминирующей в России.

В целом, бразильские исследователи полагают, что рост экономики КНР связан как с благоприятным сочетанием внешних экономических факторов, так и государственной политикой крайне ограниченной либерализации в экономике при условии сохранения авторитарного политического режима. С другой стороны, бразильские эксперты указывают на то, что в будущем КНР может столкнуться с экономическими проблемами развитых стран, которые связаны как со старением населения, так и истощением мобилизационного потенциала на фоне роста уровня жизни и увеличения личных накоплений в граждан. В подобной ситуации актуальной становится вопрос насколько далеко готова зайти КПК в деле сохранения авторитарного режима и поддержания темпов роста, необходимых для контроля над обществом в целом.

Библиографический список

1. Andrade J.P. de, Silva M.L.F. Divergências e convergências sobre as crises cambiais / J.P. de Andrade, M.L.F. Silva // *Moderna macroeconomia: Keynes e a economia contemporânea* / org. G.T. Lima, J. Sicsú, Luiz F. de Paula. – Rio de Janeiro, 1999. – P. 306 – 327.
2. Araújo P.F.C., Schuh G.E. Desenvolvimento econômico e o papel da agricultura / P.F.C. Araújo, G.E. Schuh // *Economia e administração agroindustrial*. – Piracicaba, 1995. – P. 1 – 28.
3. Bacchi M.R.P. Integração, co-integração e modelo de correção de erro: uma introdução / M.R.P. Bacchi. – Piracicaba, 2001.
4. Gomes C., Nunes C. Uma análise da estratégia nacional de desenvolvimento da Malásia / C. Gomes, C. Nunes // *Revista de Economia Política*. – 2008. – Vol. 28. – No 4.
5. Guimarães A.Q. Estado e economia na Coreia do Sul - do Estado desenvolvimentista à crise asiática e à recuperação posterior / A.Q. Guimarães // *Revista de Economia Política*. – 2010. – Vol. 30. – No 1.
6. Nonnenberg M.J.B. China: estabilidade e crescimento econômico / M.J.B. Nonnenberg // *Revista de Economia Política*. – 2010. – Vol. 30. – No 2.
7. Strommer de Farias Godoi A. O milagre irlandês como exemplo da adoção de uma estratégia nacional de desenvolvimento / A. Strommer de Farias Godoi // *Revista de Economia Política*. – 2007. – Vol. 27. – No 4.
8. Кирчанов М.В. Южнокорейский и китайский экономический опыт в бразильской экономической теории / М.В. Кирчанов // *Современная наука*. – 2011. – № 2. – С. 31 – 34.

Принципы повышения конкурентоспособности региональных экономических систем

На современном этапе развития при повышении конкурентоспособности региональных экономических систем необходимо применять современный инструментарий выстраивания эффективных процессов и установления партнерских отношений сотрудничества.

Ключевые слова: конкурентоспособность, система, регион

At the present stage of development by increasing the competitiveness of regional economies need to apply modern tools of building effective processes and partnership cooperation.

Keywords: competitiveness, the system region

Под региональными экономическими системами (РЭС) можно определить объединение ряда предприятий и организаций по совокупности признаков в единую группу. Объединение в единую РЭС на основе вертикальной и горизонтальной интеграции формирует не спонтанную концентрацию разнообразных научных и технологических изобретений, а определенную систему распространения новых знаний и технологий в условиях рынка. При этом важнейшим условием эффективной трансформации изобретений в инновации, а инноваций в конкурентные преимущества является формирование сети устойчивых связей между всеми участниками группы. Система участников группы, можно представить следующим образом (рис. 1).

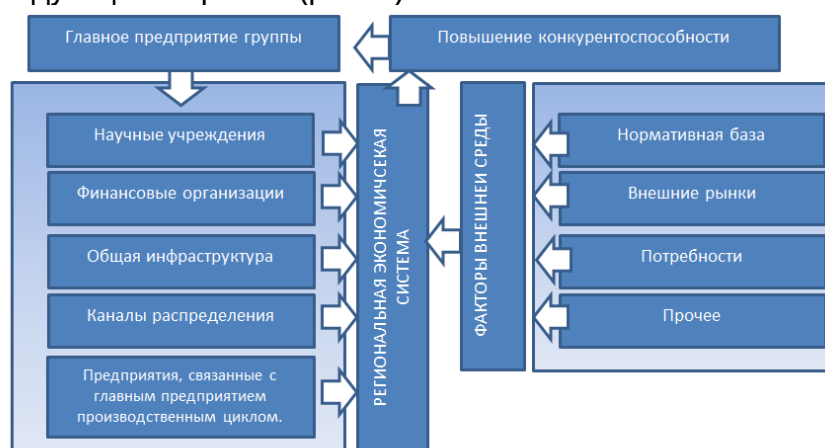

Рис. 1. Система взаимодействия участников РЭС

Как видно из рисунка, РЭС должна иметь связку между всеми участниками рынка и своевременно реагировать на его изменение. Необходимость развития ради выживания в современном стремительно меняющемся экономическом окружении, вынуждает организации искать

себе партнеров даже среди своих конкурентов, что увеличивает значимость налаживания взаимоотношений между независимыми компаниями. Кластерный подход при реализации любой функциональной стратегической цели открывает доступ к новым технологиям, увеличивает совместную базу имеющихся ресурсов, позволяет проникнуть на новые рынки, повысить производительность труда и качество продукции.

В отличие от тактических, носящих случайный характер, взаимоотношения носят долгосрочный характер, оказывая влияние на показатели деятельности.

Разработка методологии стратегического развития экономических систем требует дополнения традиционных функций менеджмента функцией «корпоративное партнерство». Реализация этой функции требует соответствия экономических систем следующим принципам: организация, планирование, взаимное доверие, гибкость, культурные различия, мотивация, коммерческая реализация технологий, обучение, контроль. Рассмотрим некоторые подробнее [3].

Планирование. Объединение навыков и ресурсов двух независимых компаний для достижения одной или нескольких стратегических целей требует тщательного планирования. Необходимо четко сформулировать общие цели, оценить возможные стратегии их достижения и выработать решения относительно того, каким образом взаимоотношения будут структурированы, и как ими управлять. Для определения самой возможности установления взаимоотношений и оценки их привлекательности, вероятно, потребуется проведение анализа нескольких потенциальных кандидатов.

Взаимное доверие. Эффективное партнерство характеризуется наличием взаимного доверия у его участников. Маловероятно, чтобы отношения, отличающиеся враждебностью, дали положительные результаты. Наличие предыдущего опыта общения с будущим партнером позволит оценить его пригодность для совместной работы в условиях более тесного сотрудничества. Степень доверия возрастает благодаря эффективной коммуникации между партнерами. Создание доверительных отношений способствует развитию процесса коммуникации. Таким образом, создание и поддержка партнерских отношений предполагают как наличие эффективной коммуникации между партнерами, так и рост взаимного доверия. Доверие, в свою очередь, способствует росту эффективности взаимодействия партнеров.

Разрешение конфликтов. Понимание неизбежности конфликтных ситуаций — важный аспект взаимоотношений. Партнерам следует, прежде всего, реагировать на возникновение конфликта и стремиться первыми

проявлять инициативу, предлагая пути разрешения спорных ситуаций. Даже компании, чьи партнерские отношения можно назвать успешными, охотно согласятся с тем, что разногласия неизбежны. Чтобы возникающие конфликты не разрастались самым непредсказуемым образом, эти компании сумели выработать механизмы оперативного улаживания конфликтных ситуаций. Механизмы разрешения конфликтов предполагают обучение персонала, вовлеченного в процесс взаимоотношений, создание совместных комиссий по разрешению конфликтных ситуаций и даже введение должности "мирового судьи", чья кандидатура утверждается с согласия каждого из партнеров.

Лидерство. Урегулировать вопрос лидерства между партнерами можно двумя путями: созданием независимой структуры управления или делегированием управленческих полномочий одному из партнеров. Первый вариант может предусматривать привлечение стороннего управленца на должность главы проекта, второй же вариант, вероятно, наиболее приемлем для большинства случаев. Неспособность создать эффективную иерархическую структуру взаимоотношений может оказаться фатальной ошибкой, делая координацию трудной и дорогостоящей, тормозя процесс исследований разработок и негативно сказываясь на процессе принятия решений.

Гибкость. Одно из условий успешного сотрудничества - признание взаимной зависимости партнеров. Следует помнить, что каждый из партнеров имеет собственные цели и приоритеты. Руководство взаимоотношениями должно оперировать такими инструментами, как убеждение и влияние, при этом необходимо всегда быть готовым к тому, чтобы сменить линию поведения при изменении обстоятельств. С течением времени характер взаимоотношений партнеров изменяется. При этом им следует проявлять гибкость, позволяющую приспособиваться к изменяющимся условиям и новым требованиям.

Культурные различия. Культурные различия оказывают влияние на взаимоотношения компаний, принадлежащих разным странам. Этот факт необходимо признавать каждому из партнеров. Если партнеры не уделяют должного внимания своим культурным различиям, их взаимоотношения в результате могут серьезно пострадать. К числу подобных различий относятся разные стадии экономического развития стран партнеров, отличия в политических системах и религиях, экономические особенности этих стран, а также несхожесть корпоративных культур партнеров.

Коммерческая реализация технологий. Если партнерство предполагает не только разработку технологии, но и ее коммерческую реализацию, особое внимание следует уделить осуществлению последнего

из этих этапов. При этом возникает множество затруднений, связанных с организационными вопросами, поисками инвесторов, формированием рабочей группы по реализации технологии, а также разработкой плана коммерческой реализации. Главными участниками этого процесса выступают маркетологи и персонал, занятый в процессе производства.

Обучение. Компании следует использовать возможность пополнить свои знания и опыт, сотрудничая с более искушенным в определенных сферах партнером. Одной из целей партнерства, помимо осуществления совместного проекта или программы, следует обозначить овладение навыками компании-партнера.

Проблема формирования исключительной потребительской ценности, в рамках кластерного подхода, может быть решена при оптимальном сочетании компетенций экономических систем. Понятие «компетенция» в стратегическом менеджменте раскрывается как информационный ресурс особого свойства, содержащий опыт, знания и навыки о способе организации и управления ресурсами и бизнес-процессами (способностями организации) для достижения поставленных целей, носителем которого индивидуально или коллективно являются работники. Компетенциям тоже свойственна иерархия в соответствии с иерархией способностей и приоритетностью ресурсов, находящихся под их «управлением».

Ключевой является компетенция высшего порядка, участвующая в создании наибольшей потребительной стоимости, являющаяся коллективным знанием, позволяющим организовывать и управлять использованием других компетенций и способностей, тем самым создающим дополнительную потребительную стоимость.

В то же время, ключевая компетенция не является производной от потребности рынка — будучи в некоторой степени универсальной, она способна обеспечить доступ (быть «ключом») к целому ряду рынков, даже сильно отличающихся друг от друга.

Ключевая компетенция лежит на пересечении внутренних условий бизнеса и потребительских предпочтений, это то знание, от использования которого зависит получение максимальной доли потребительной стоимости. Именно увеличение добавочной потребительной стоимости за счет развития ключевой компетенции и является основанием для получения устойчивого конкурентного преимущества, т.е. может являться целью стратегии организации.

В том случае, когда продукт не занимает ведущего положения на рынке, и стоит задача не точного выявления существующей ключевой компетенции, а, скорее, определения целевой компетенции, которую

необходимо приобрести извне или развить внутри организации, то по результатам анализа спектра существующих предложений различных компаний, а также потребительских предпочтений, выстраивается гипотетическая структура и иерархия ресурсов и способностей, требуемая для удовлетворения целевого рынка (для снижения затрат и времени на адаптацию), и определяются целевые компетенции и ключевая компетенция. Технически задача выполнения такого рода «встречного» анализа решается посредством последовательного заполнения набора реляционных матриц вторичными данными, полученными в результате анализа первичной информации и получения результатов на синтетических матрицах. Результатами этой стадии анализа является опорная иерархия компетенций с указанием для каждой необходимой степени развития и вовлечения в управленческий процесс[1].

На основе этой информации, уже на втором этапе, непосредственно формируется план действий, финансовые параметры которого просчитываются исходя из необходимых затрат на формирование или реорганизацию базы компетенций, способностей и ресурсов и увеличения входящих финансовых потоков, прогнозируемых в результате расширения доли рынка на величину целевого сегмента, имеющего набор потребностей, определенных на ранних стадиях анализа. Стратегическое планирование основывается на результатах ранжирования компетенций организации, проведенного в соответствии с внешними и внутренними условиями бизнес-системы. К ключевым компетенциям мы относим те, на которые замыкается большинство свойств товаров и услуг, производимых организацией. Рассмотрим последовательность основных этапов анализа и формирования ключевых компетенций (Рис.2).

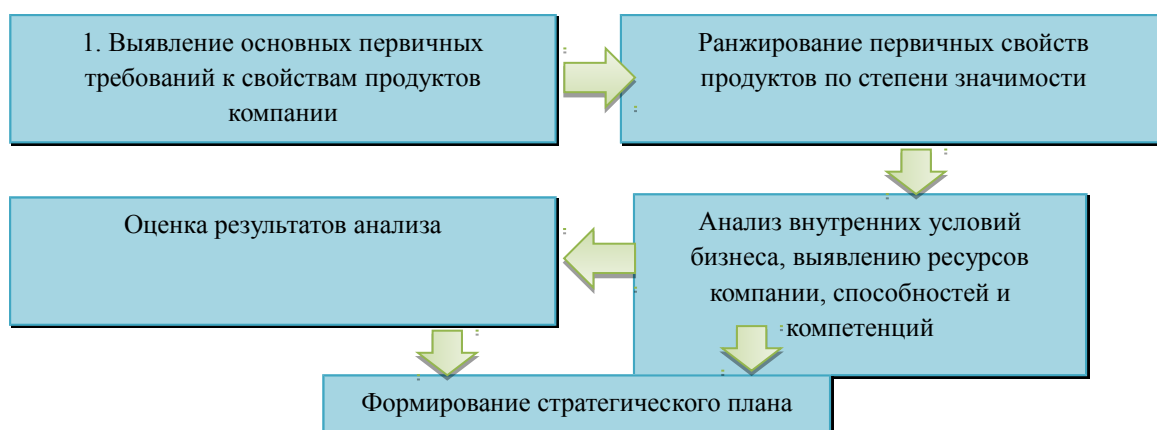

Рис. 2 Этапы формирования ключевых компетенций

Таким образом, необходимость выживания и процветания в современных условиях стремительно меняющегося и невероятно сложного по своей структуре экономического окружения, вынуждает организации разрабатывать стратегии, нацеленные на формирование ключевых компетенций.

Библиографический список

1. Джуран, Й. Все о качестве: Зарубежный опыт [Текст] / Й. Джуран. – Вып. 2. – М.; 1993.
2. Исикава, К. Японские методы управления качеством. Пер. с англ. / К. Исикава. – М. Экономика, 1998. – 216 с.
3. Толстых Т.О., Митина Н.Н., Ищенко И.В., Шеина Ю.В.// Формирование систем управления конкурентоспособностью региональных социально- экономических кластеров [Текст]: монография. - .: Изд-во «РГТЭУ», 2009. – 155с.
4. Фасхиев, Х.А. Оценка экономической эффективности качества и конкурентоспособности изделий [Текст] / Х.А. Фасхиев // Вестник машиностроения. – 2000. – № 10. – С. 59-66.
5. Фатхутдинов, Р.А. Конкурентоспособность организации в условиях кризиса: экономика, маркетинг, менеджмент [Текст] / Р.А. Фатхутдинов. – М.: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2002. – 892 с.
6. Фатхутдинов, Р.А. Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление [Текст] / Р.А. Фатхутдинов. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 312 с.

Основные модели культуры немецких предприятий и их влияние на развитие экономики ФРГ

Статья посвящена проблемам связи культуры и деятельности немецких предприятий. В статье проанализированы основные культурные модели и их влияние на немецкую экономику

Ключевые слова: экономика, Германия, предприятия, культура

The article is devoted to the question of interconnection between cultural and economic spheres in terms of German enterprises. Main cultural models are revealed in the article as well as the influence they cause on the development of German economy.

Keywords: economy, Germany, enterprises, culture

Национальный характер, будучи по своей природе одним из компонентов национальной психологии и его субъективным феноменом, тем не менее, находит своё материальное воплощение, то есть «опредмечивается».

Немецкий «национальный мир и концептосферу Германии» [2] в существенной мере сформировали геополитические и исторические особенности. Характер немцев был описан в классике русской литературы, так, например, еще во времена Достоевского и Карамзина считали, что к немцам нужно привыкнуть, поскольку они весьма своеобразны, «с непривычки их весьма трудно выносить в больших массах». Примечательно, что и сами немцы согласны с такой оценкой, Гете указывал, что «немцы усложняют все себе и другим».

Что касается влияния культурного фактора на ведение экономической деятельности, то описать нормы, ценности и правила работы немецких предприятий не просто – ведь немецкая экономика очень неоднородна. Впрочем, это можно сказать об экономике любой другой страны. Есть крупные, средние и малые предприятия, есть специалисты свободных профессий. Имеются предприятия разных форм собственности. Экономика вовлечена в процесс глобализации, поэтому владеют предприятиями не только граждане Германии, но и граждане других стран.

Чаще всего отмечают следующие моменты, которые производят наиболее сильное впечатление на немецких предприятиях [4]:

- Рациональность и прагматичность в организации работ, высокая интенсивность и производительность труда. При этом, все рабочие операции разделены, такая диверсификация продумана до мелочей, инструкции на рабочих местах тщательно соблюдаются.

- На многих немецких фирмах отсутствуют отделы маркетинга. Ввиду того, что маркетинговую стратегию при этом разрабатывают непосредственно руководители предприятия, усиливается ориентированность всего предприятия на клиента.

- Активная работа по развитию человеческих ресурсов в целях представления интересов и выполнения целей предприятия. Существует множество форм повышения квалификации и практического обучения.

- Стиль руководства на немецких предприятиях характеризуется близостью руководителей к рядовым сотрудникам, что обуславливает создание общих ценностей, вовлечение сотрудников в процесс принятия решений, развитие чувства ответственности на всех уровнях, высокую степень доверия работников всех уровней.

- Значимую роль на предприятии играет личность руководителя. Часто руководители и собственники предприятия являются одними и теми же людьми. При этом корпоративная культура предприятия формируется во многом с учетом их личных предпочтений и пристрастий.

- Развитая система управление качеством, продуманная до мелочей.

- Вовлечение коллектива процессы реструктуризации, использование методики управления проектами.

Все эти особенности во многом связаны с культурой и историей страны. Для достижения благоприятных результатов важно понимать, почему немецкие предприятия действуют так, а не иначе. Выделяется несколько моделей корпоративной культуры немецких предприятий.

Прежде всего, на таких хорошо известных немецких предприятиях как Mercedes, BMW, Opel, Audi, Volkswagen, Siemens, AEG, Bosch, Lufthansa, Deutsche Bank, Metro, Allianz широко распространена «культура Эйфелевой башни», «потому, что она высока, прочна, имеет крутой, симметричный профиль, жесткую, устойчивую к внешним воздействиям конструкцию, узкий верх и широкое основание» [5]. Данный тип полностью подтверждает тот факт, что немецкая культура ориентирована на неукоснительное соблюдение установленных правил.

Иерархия на таких предприятиях четко структурирована и упорядочена, в то же время иногда присутствует избыточное количество уровней управления. Руководитель в данной культуре отдает четкие распоряжения, обязательные для выполнения, сотрудники неукоснительно их выполняют. Только в этом случае данная система жизнеспособна. Уход руководителя с такого предприятия практически не изменит сложившейся системы, так как руководитель действует, прежде всего, как ответственное лицо и в меньшей степени – как человек. Ситуация изменится только тогда, когда руководитель организации совместно с группой единомышленников примет решение о создании новой структуры предприятия.

Стоит особо отметить, что на крупных предприятиях значительную роль играет «человеческий капитал». При этом, использование работников с учетом их квалификации планируется (подобно использованию финансовых средств), их распределяют по рабочим местам, переводят с одного участка на другой или высвобождают. Карьерное продвижение сотрудника связано с целенаправленным приобретением им той профессиональной квалификации, которая требуется для работы на новом уровне иерархии. Многие крупные предприятия создают для этих целей «центры оценки» (assessment centre), в которых определяется исходный уровень квалификации сотрудников, а также разрабатываются программы для обучения сотрудников.

Подобная прозрачная и хорошо обозримая структура позволяет предприятию с уверенностью смотреть в будущее, обеспечивая наличие продуманных планов развития персонала, которые позволяют каждому работнику планировать свой профессиональный рост и карьеру на предприятии на достаточно длительный срок.

В то же время, оборотной стороной такой стабильности является тот факт, что внесение принципиальных изменений в такую систему практически невозможно, поскольку влечет за собой изменение многих правил и установок, что подвергнет кардинальному изменению и самой структуры.

Отличительной чертой предприятий с иным типом культуры - «культурой управляемой ракеты» [1] является то, что вся деятельность предприятия подчинена одной цели - решению поставленной задачи. Главным в такой системе считается достижение цели, а вопросы служебной иерархии отступают на задний план. В данном случае наличие подробных должностных инструкций, детальное инструктирование сотрудников скорее мешают, поскольку работники должны «сделать, все, что требуется» для выполнения поставленной задачи, однако, что именно требуется делать, часто еще предстоит выяснить.

В такой обстановке внезапный уход руководителя проекта будет катастрофой среднего масштаба, так как замена обязательно отразится на ходе выполнения работ. Повышать квалификацию в такой культуре - значит развивать, прежде всего, способность как можно быстрее «включаться» в каждый новый проект, уметь быстро ликвидировать пробелы в знаниях с учетом поставленной задачи.

Соответственно, в данной системе наблюдается и иное понимание карьерного роста. «Сделать карьеру» - означает участвовать в более крупных проектах, получать более интересные задачи и брать на себя все большую ответственность.

Иная система отношений складывается на средних по размеру предприятиях, относящихся к «семейному» типу корпоративной культуры. Чаще всего собственник такого предприятия сам же и руководит им, задавая

тон и характер поведения внутри компании, формируя имидж фирмы. Сотрудники при этом должны быть настроены «на одну волну» с начальником и интуитивно понимать, что от них требуется. Зачастую руководитель в такой системе не упускает случая показать, что он заботится о подчиненных.

Вместе с тем, немецким предприятиям свойственна четкая и эффективная организация труда, что связано с разнообразием организационных структур.

Особое место в системе корпоративной культуры немецких предприятий занимает целый «культура соблюдения правил», основанная на осознании того, что существующие правила разумны, рациональны и целесообразны. К процессу разработки регламента обычно привлекают и рядовых, поскольку они знают особенности своих рабочих мест и производственных процессов лучше, чем кто-либо другой и, к тому же быстрее признают составленные ими самими правила. Такой подход часто выражается формулой: «превратить объект в субъект» [3].

Еще один немаловажный момент, на который следует обратить внимание - это контроль, что выражается принципом «доверие хорошо, а контроль лучше», в связи с чем, во избежание произвола, на предприятии формируется «культура контроля». Проверки должны быть беспристрастными, направленными на достижение поставленной цели. Основная цель проверок – выявить перспективы, а не искать ошибки и наказывать виноватых. В результате проверок должны быть, прежде всего, устранены причины допущенных ошибок.

Таким образом, совершенно очевидно, что сложившиеся культурные особенности нации во многом оказывают сильное влияние на развитие экономики, в первую очередь, затрагивая сектор предпринимательства.

Исторически сложившиеся формы ведения бизнеса и построения корпоративной культуры, в свою очередь проявляются и в сотрудничестве с другими странами. Следует четко осознавать, что подобные культурные различия и особенности играют важную роль при установлении связей между странами, выступая своеобразным фильтром для компаний. При успешной адаптации, предприятие способно выйти на новый рынок и укрепить свои позиции, одновременно наладив взаимовыгодное сотрудничество. При провале межкультурного диалога, не только компания потерпит крах на новом рынке, но и отношения между странами могут быть испорчены. В связи с этим, на первое место выходит необходимость содействия развитию межкультурного диалога и ликвидация существующих недопониманий и предрассудков между нациями.

Библиографический список

1. Асаул А.Н.: Культура организации: проблемы формирования и управления / А. Н. Асаул [и др.] - СПб.: Гуманистика, 2006. – 216 с.
2. Данилина О.А. Выражение типов поведения в письменной речи современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А. Данилина. - Н.Новгород, 2002. - с. 20.
3. Birkenbihl M. Train the Trainer / M. Birkenbihl. – München: Verlag Moderne Industrie, 2003. – 501 S.
4. Lyskov-Strewe V., Schroll-Machl S. Interkulturelle Kommunikation und Kooperation / V. Lyskov-Strewe, S. Schroll-Machl. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003. – 289 S.
5. Trompenaars F. Handbuch globales managen: Wie man kulturelle Unterschiede im Geschäftsleben versteht / F. Trompenaars. - Düsseldorf: Econ, 2003. – 271 S.

Панорама

2015, Том XXI

ISSN 2226-5341

Ответственный за выпуск: **М.В. Кирчанов**

Электронное издание

Адрес редакции: 394000, Россия, Воронеж, Московский пр-т 88, Воронежский Государственный Университет,
Факультет международных отношений, Корпус № 8, Ауд. 22